

А. В. ПЕТРОВ

КОЛОНИАЛЬНАЯ
ЭКСПАНСИЯ
СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ
АМЕРИКИ
В ЯПОНИИ
В СЕРЕДИНЕ XIX ВЕКА

ГОСПОЛИТИЗДАТ

1955

Д. В. ПЕТРОВ

КОЛОНИАЛЬНАЯ
ЭКСПАНСИЯ
СОЕДИНЁННЫХ ШТАТОВ
АМЕРИКИ
В ЯПОНИИ
В СЕРЕДИНЕ XIX ВЕКА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

МОСКВА • 1955

Редактор *М. Полтавский*
Художник *Л. Галий*
Технический редактор *Н. Трояновская*
Ответственный корректор *Э. Пронина*

Сдано в набор 2 сентября 1954 г. Подписано к печати 21 февраля 1955 г.
Формат 84×108¹/₃₂. Физ. печ. л. 8³/₄. Услов. печ. л. 14,35. Уч.-изд. л. 15,7.
Тираж 10 тыс. экз. А01218. Заказ № 1735. Цена 4 р. 60 к.

Государственное издательство политической литературы.
Москва, В-71, В. Калужская, 15.

Министерство культуры СССР. Главное управление полиграфической промышленности. Первая Образцовая типография имени А. А. Жданова.
Москва, Ж-54, Валовая, 28.

ВВЕДЕНИЕ

В июле 1953 г. исполнилось 100 лет с того дня, когда под защитой орудий мощной эскадры американцы-завоеватели высадились на землю Японии.

Быть может, не стоило бы вспоминать сегодня эту не столь уж знаменательную дату, каких много в истории колониальных авантюр американского капитализма, если бы события прошлого не подвергались в наши дни столь грубой фальсификации империалистами США, пытающимися обмануть японский народ и убедить его в существовании «вековых дружественных связей» между Японией и США.

Экспансия Соединённых Штатов на Дальнем Востоке началась ещё в конце XVIII века, когда отдельные американские торговые компании предприняли попытки проникнуть на азиатские рынки. В начале следующего столетия американский капитал, пользуясь занятостью европейских держав войнами в Европе, расширил свои торговые операции со странами Востока и принял активное участие в грабеже Китая.

Соединённым Штатам, вступившим на путь колониальных авантюр, на первых же порах пришлось столкнуться с жестокой конкуренцией Англии, Франции, Голландии и других европейских капиталистических держав. В конце же XIX века на политическую арену вышло новое империалистическое государство — Япония, которая включилась в борьбу за передел мира.

Японо-американские противоречия развивались быстрыми темпами. Особенно они обострились после первой мировой войны, во время которой США сумели

нажиться путём спекуляции на голоде и страданиях народов Европы, а Япония обогатилась за счёт грабежа Китая и вытеснения с мировых рынков воюющих государств.

Великий гений человечества В. И. Ленин с исключительной прозорливостью ещё в 1920 г. указывал на то, что империалисты и США и Японии будут искать разрешения своих противоречий на путях войны. «...Перед нами, — говорил он, — растущий конфликт, растущее столкновение Америки и Японии, — ибо из-за Тихого океана и обладания его побережьями уже многие десятилетия идет упорнейшая борьба между Японией и Америкой, и вся дипломатическая, экономическая, торговая история, касающаяся Тихого океана и его побережий, вся она полна совершенно определенных указаний на то, как это столкновение растёт и делает войну между Америкой и Японией неизбежной...»¹

Ленин неоднократно подчёркивал в ряде своих выступлений, что «японский капитализм и американский одинаково разбойны»². «Если возьмете две империалистские страны: Японию и Америку — они хотят воевать, они будут воевать за первенство в мире, за право грабить»³, — говорил В. И. Ленин.

В период между двумя мировыми войнами Япония, Соединённые Штаты и Англия были главными соперниками в борьбе за рынки сырья и сбыта в Азии, в борьбе за господство в богатейших странах Востока. Их антагонизм создал так называемую тихоокеанскую проблему, которая стала играть важную роль в мировой политике.

В 1941 г. милитаристская Япония решила, что настал удобный момент для развязывания «большой войны». В это время фашистская Германия, являвшаяся военным союзником Японии, вела агрессивную войну против Англии, оккупировала большую часть территории Европы и угрожала Америке. 22 июня 1941 г. фашистская Германия вероломно, без объявления войны напала на Советский Союз. Через полгода империалистическая Япония открыла военные действия против США и Англии.

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 31, стр. 435.

² В. И. Ленин, Соч., т. 25, стр. 22.

³ В. И. Ленин, Соч., т. 31, стр. 415.

Война на Тихом океане явилась результатом не только агрессивного стремления Японии к монопольному господству в Азии. Она была также закономерным следствием политики «умиротворения» агрессора, которую в течение долгих лет проводили монополисты Соединённых Штатов, стремившиеся направить удар японской военной машины против миролюбивого Советского Союза.

Сложившаяся в ходе второй мировой войны антигитлеровская коалиция нанесла государствам-агрессорам сокрушительное поражение. Народы всего мира получили возможность приступить к мирному строительству, к восстановлению разрушенных войной городов и сёл.

Однако вместо гитлеровской Германии и милитаристской Японии после войны в роли претендента на мировое господство выступил империализм США. Перевод промышленности на мирные рельсы неминуемо должен был лишить магнатов Уолл-стрита тех гигантских прибылей, которые они получали во время войны. Стремясь к наживе и питая лютую ненависть к стражу мира и безопасности народов — Советскому Союзу, империалисты США стали на путь разжигания военной истерии и подготовки новой, третьей мировой войны.

Особое место в планах американских империалистов, вынашивающих бредовые идеи установления мирового господства, отводится бывшим странам-агрессорам, армии которых они надеются использовать в качестве своих наёмных войск в новой мировой войне. Особенность стратегии американского империализма состоит также в том, что он строит свои военные планы на использовании чужих территорий и чужих армий, на использовании других народов, которые должны, по замыслу американских стратегов, служить слепым орудием и пушечным мясом в завоевании мирового господства американскими монополистами.

От политики подготовки агрессии американский империализм перешёл в 1950 г. к открытым военным действиям, развязав кровопролитную захватническую войну против Корейской Народно-Демократической Республики. В этой войне Соединённые Штаты широко использовали войска ряда зависимых от них государств. Однако агрессорам не удалось поработить свободолюбивый корейский

народ. Корейские патриоты с помощью китайских народных добровольцев отстаивали свободу и независимость своей родины, нанеся крупное военное и морально-политическое поражение американским империалистам.

Наряду с агрессией против корейского народа Соединённые Штаты принимали активное участие в подавлении национально-освободительного движения в Малайе, Индонезии, Бирме и других странах Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии. Американские империалисты, опираясь на предательскую клику Чан Кай-ши, захватили часть китайской территории — остров Тайвань и пытаются развернуть агрессию против великого китайского народа.

Важную роль в своих захватнических планах на Дальнем Востоке монополисты США отводят Японии. Нагло попирая все международные соглашения и обязательства, они встали на путь фашизации страны, на путь восстановления военно-промышленного потенциала Японии и создания наёмной армии.

Колонизаторская политика Соединённых Штатов, направленная на превращение Японии в базу агрессии на Дальнем Востоке и в поставщика пушечного мяса для американских авантюр, наталкивается на решительное сопротивление японского народа, который мужественно борется за мир, свободу и национальную независимость своей родины.

Американские оккупанты всеми силами стараются задушить широкое народное движение в Японии. В интересах достижения своих военных целей они не только навязывают Японии определённый курс экономической политики, но и требуют от правящих кругов страны проведения реакционных мероприятий, направленных на подавление сопротивления народа. С жесточайшими репрессиями американо-японские монополисты обрушились на передовой отряд японских трудящихся — Коммунистическую партию Японии.

Наряду с преследованием активных борцов за мир и национальную независимость Японии американские колонизаторы тратят громадные суммы на идеологическую обработку японского населения. Они назойливо пропагандируют пресловутый «американский образ жизни» и пытаются убедить японцев в мнимых преимуществах полного

отказа от национального суверенитета. Путём всевозможных подлогов пресса и радио американских монополий стараются уверить японский народ в том, что магнаты Уолл-стрита являются якобы его «лучшими друзьями».

Американская буржуазная историография также поставлена на службу поджигателям войны.

Ф. Энгельс указывал на то, что извращение истории является типичным для продажной буржуазной науки. «Буржуазия, — писал Ф. Энгельс, — все превращает в товар, а, следовательно, также и историю. В силу самой ее природы, в силу условий ее существования ей свойственно фальсифицировать всякий товар: фальсифицировала она также и историю. Ведь лучше всего оплачивается то сочинение, в котором фальсификация истории наиболее соответствует интересам буржуазии»¹.

Реакционная американская историография прибегает к беззастенчивой фальсификации исторических фактов, пытаясь доказать, что в отличие от европейских капиталистических государств Соединённые Штаты никогда якобы не стремились поработить народы Дальнего Востока, в частности — Японии. Показательна в этом отношении вышедшая в свет вскоре после окончания второй мировой войны книга под названием «Соединённые Штаты пересекают Тихий океан. Основные проблемы США в Западной части Тихого океана и Дальнего Востока». Она принадлежит перу признанного в США авторитета в области истории стран Востока профессора Иельского университета Латуретта.

Формулируя основные принципы американской политики на Дальнем Востоке, Латуретт безапелляционно утверждает, что в прошлом веке Соединённые Штаты якобы «были склонны уважать территориальную целостность и, насколько это было возможно, политическую независимость народов Дальнего Востока». Эту мысль Латуретт навязчиво проводит во всей книге, соответствующим образом подтасовывая фактический материал. Подобного рода «исследования», которые ничего общего не имеют с научным изучением истории амери-

¹ «Архив Маркса и Энгельса», т. X, Госполитиздат, 1948, стр. 104.

канской политики на Дальнем Востоке в XIX веке, направлены на то, чтобы затушевать колонизаторский характер агрессивных устремлений американских капиталистов и представить американского хищника в роли «благодетеля» народов Дальнего Востока.

Основная цель настоящей работы состоит в том, чтобы на основе тщательного изучения фактического материала и анализа международных отношений на Дальнем Востоке в середине XIX века вскрыть истинную сущность экспансионистской политики США в Японии в то время и разоблачить злостных фальсификаторов истории, отстаивающих интересы американского империализма.

АМЕРИКАНСКАЯ ЭКСПАНСИЯ
НА ДАЛЬНОМ ВОСТОКЕ
В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА1. МЕСТО ЯПОНИИ В ПЛАНАХ АГРЕССИИ США
НА ДАЛЬНОМ ВОСТОКЕ

Эпоха великих географических открытий была вместе с тем и эпохой широких колониальных захватов. Феодално-абсолютистская верхушка ряда государств Европы пыталась обогатиться за счёт грабежа народов, населяющих Азию, Африку, острова Тихого и Индийского океанов. Но это был лишь начальный этап колониальной экспансии. В полную меру она развернулась в XVII—XVIII веках, когда буржуазия пришла к власти в ряде европейских государств. Ненасытная жажда наживы толкала буржуазию на путь вооружённой агрессии, на путь грабежа более слабых, более отсталых в экономическом и военном отношении стран. Англия, Голландия, Франция к концу XVIII века успели уже захватить громадные территории с десятками миллионов населения.

Англия — крупнейшее промышленное государство мира в эти годы — владела к концу XVIII века обширными колониями в Америке — Канадой и 13 колониями на Атлантическом побережье североамериканского континента. В её руках находились Вест-Индские острова, Гвиана, громадные владения в Австралии. Проникли английские завоеватели и в Африку. Здесь они успели захватить устье реки Гамбии, берег Сиерра-Леоне и др. Наконец, с 60-х годов XVIII века в руках Англии находилась уже большая часть Индии.

Нидерланды в середине XVIII века владели Капской колонией на юге Африки. В их руках находился ряд пунктов на Малабарском и Коромандельском побережьях Индии. Особенно обширные территории захватили голландские колонизаторы в Юго-Восточной Азии. Здесь им

принадлежали острова Цейлон и Ява; они наложили свою руку на Молуккские острова, Целебес, часть Борнео и Суматры.

Несмотря на ряд поражений в войнах с Англией, в конце XVII и в течение XVIII века Франция сохраняла ещё положение одной из основных колониальных держав. Ей принадлежала вест-индская колония Сан-Доминго и ряд других территорий.

Наконец, Испания, невзирая на свою отсталость по сравнению с передовыми странами Европы, сохранила ещё за собой Луизиану и Флориду в Северной Америке, Вест-Индские острова — Кубу, Пуэрто-Рико, восточную часть Сан-Доминго. Ей же принадлежали обширные территории Мексики и Перу.

Буржуазия отмечала своё пребывание у власти огнём пожарищ, кровью порабождённых народов. «Так же как деревню она сделала зависимой от города,— писали Маркс и Энгельс,— так варварские и полуварварские страны она поставила в зависимость от стран цивилизованных, крестьянские народы — от буржуазных народов, Восток — от Запада»¹.

Колонизаторская деятельность европейских держав необычайно усилилась в конце XVIII и в начале XIX в., когда в большинстве стран Европы и в США победил и утвердился капитализм. В эти годы волна колониальной экспансии докатывается до Дальнего Востока, где главным объектом хищнических устремлений агрессоров стала громадная азиатская держава — Китай.

Английские купцы ещё в XVII веке начали торговать с Китаем через Кантон. Но старые формы колониального грабежа и колониальной торговли не могли уже удовлетворить английскую буржуазию, значительно укрепившую свои позиции в результате закончившегося в конце XVIII века промышленного переворота. Она пыталась теперь включить Китай в орбиту своего влияния, превратить его в свой рынок сбыта и источник сырья.

Китай в эти годы переживал период разложения феодализма. Цинская империя, созданная манчжурскими правителями, раздиралась внутренними противоречиями.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Манифест Коммунистической партии, Госполитиздат, 1954, стр. 37.

Грозным набатом звучали непрекращающиеся восстания покорённых манчжурами народностей — китайцев, мон, яо, дунган и др. Цинская династия, господство которой было подорвано мощными народными восстаниями, была поставлена теперь перед новым испытанием — перед усиливающимся с каждым годом нажимом европейских хищников, требующих всё новых и новых уступок и привилегий.

Выполняя волю правящих классов, английское правительство в 1792 г. направило в Китай специальное посольство, во главе которого был поставлен лорд Макартнэй. Прибыв в Пекин, он предъявил богдыхану такие требования, удовлетворение которых широко открывало бы двери для проникновения английского торгового капитала в Китай. Макартнэй настаивал, чтобы Китай установил дипломатические отношения с Англией и открыл для английской торговли дополнительно к Кантону порты Динхай, Нинбо и Тяньцзинь. Принятие этих требований дало бы англичанам возможность проникнуть вглубь Китая. Английский посол предлагал, далее, богдыхану ликвидировать монополию китайской купеческой организации «Кохонг», которая с 1720 г. одна имела право вести какие-либо деловые сношения с европейцами. Кроме того, Макартнэй требовал предоставить Англии один из островов у Китайского побережья, снизить пошлины на ввозимые в Китай английские товары, разрешить свободу поселения и передвижения англичан в Китае и т. д.

Все эти домогательства английского правительства были отвергнуты. Но они ярко свидетельствуют о том, какие планы вынашивались английской буржуазией по отношению к Китаю.

В те же годы, когда Англия готовилась к широкому наступлению на Китай, французская буржуазия пыталась укрепиться в Индии. Голландия продолжала истребление местного населения островов Юго-Восточной Азии, стремясь утвердиться на захваченных территориях.

В начале XIX в. в конкурентную борьбу крупнейших европейских держав за преобладающее влияние на Востоке включился новый претендент на участие в грабеже азиатских народов. Это были Соединённые Штаты Америки. Позже других государств выйдя на арену колониальных авантюр, молодая американская буржуазия с тем большим упорством стремилась оттеснить старые

колониальные державы и утвердиться в богатейших странах Востока.

Английские колонии в Америке добились независимости в результате победоносной войны против Англии в 1775—1783 гг., которую В. И. Ленин считал «одной из тех великих, действительно освободительных, действительно революционных войн, которых было так немного среди громадной массы грабительских войн...»¹.

В ходе революционной борьбы широких народных масс Америки было создано независимое государство — Северо-Американские Соединённые Штаты. Были уничтожены привилегии аристократии и такие феодальные пережитки колониального периода, как крупные латифундии и наследственная аренда. Были отменены всякого рода ограничения, созданные Англией на пути развития промышленности и торговли, как, например, таможенные барьеры, лимитирование промышленного производства и т. п.

Американская буржуазия, захватившая в свои руки все плоды революционной борьбы масс, использовала только что родившееся государство в первую очередь для укрепления и расширения своих позиций. Она показала своё лицо, жестоко подавив в 1787 г. восстание фермеров и городской бедноты. Проявила она свою агрессивность и в области внешней политики, встав непосредственно после образования самостоятельного государства на путь захвата соседних земель.

Развитие капитализма в США сопровождалось невиданным по масштабам расширением территории за счёт колонизации Запада и варварского истребления коренного населения страны — индейских племён, а также путём захвата территорий соседних государств.

В 1803 г. Соединённые Штаты, использовав напряжённые отношения между Францией и Англией и финансовые затруднения Наполеона I, заставили его продать им громадную область вдоль реки Миссисипи — Луизиану, занимавшую почти треть всей нынешней территории США. В 1819—1821 гг. США ввели войска в испанскую Флориду и принудили Испанию уступить им эту территорию за мизерную сумму. В 1846—1848 гг. в результате захват-

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 28, стр. 44.

нической войны против Мексики американские агрессоры захватили больше половины её территории — огромные области Новой Мексики, Техаса и Верхней Калифорнии. Это был, по выражению председателя Коммунистической партии США Уильяма Фостера, «новый колоссальный захват, который стал одним из самых позорных деяний в истории Соединённых Штатов»¹.

Во всех захваченных районах коренное население сгонялось с земли (на Севере и Западе) или (на Юге) превращалось в рабов, которые под бичами надсмотрщиков обрабатывали поля плантаторов.

Громадные свободные территории Запада были объявлены правительственным владением. Действуя в интересах зажиточных слоёв населения, правительство продавало здесь землю только большими участками, купить которые было не под силу фермерам и рабочим. Лишь в результате упорной многолетней борьбы трудящихся буржуазия была вынуждена пойти на уступки и провести ряд законодательных мер, облегчавших условия заселения западных земель. В 1820 г. было разрешено приобретать мелкие участки площадью по 80 акров (против 640 акров в 90-х годах XVIII века). Цена на землю была снижена с 2 до 1,25 долл. за акр. Усиливавшаяся эксплуатация рабочих на капиталистических предприятиях побуждала их бросать заводы и переселяться на свободные земли. Рабочие были готовы перенести любые трудности и лишения, лишь бы вырваться из-под кабалы эксплуататоров и почувствовать себя свободными людьми. Уход рабочих с производства принял в начале XIX века столь массовый характер, что в США создалась нехватка рабочей силы. На эту особенность исторического развития Соединённых Штатов указывал Карл Маркс. «Сегодняшний наемный рабочий, — писал он, — завтра становится независимым, ведущим самостоятельное хозяйство крестьянином или ремесленником. Он исчезает с рынка труда, но только не в рабочий дом»².

Недостаток квалифицированных рабочих рук стимулировал иммиграцию в США рабочих из Европы. С другой стороны, он открывал дорогу широкому применению машин,

¹ У. Фостер, Очерк политической истории Америки, Издательство иностранной литературы, М. 1953, стр. 279.

² К. Маркс, Капитал, т. I, Госполитиздат, 1953, стр. 773.

что способствовало развитию науки и техники и ускоряло темпы роста основных отраслей промышленности. Быстрому росту капитализма в США способствовали также крупные займы, получаемые в Европе, и высокие прибыли, выколачиваемые за счёт жестокой эксплуатации рабочих в городах и негров на плантациях. Наконец, важным фактором в развитии капитализма в США был грабёж прилегающих территорий и населения ряда захваченных ими стран. Америка развивалась, отмечал И. В. Сталин, «за счёт займов и долгосрочных кредитов извне и ограбления прилегающих к ней государств и островов»¹.

Все эти факторы обусловили бурное развитие промышленности в Соединённых Штатах, особенно с начала XIX века. Если, например, в 1805 г. в США имелось всего 4 500 веретён на прядильных предприятиях, то в 1825 г. их стало уже 800 тыс., а в 1860 г. — 5,2 млн. Иными словами, за 55 лет количество веретён возросло более чем в 1 100 раз! По выпуску хлопчатобумажной продукции США вышли в середине XIX века на второе место в мире после Англии.

Одновременно с развитием лёгкой промышленности шло бурное развитие транспорта и тяжёлой индустрии. Колонизация Запада сопровождалась громадным железнодорожным строительством. К 1850 г. протяжённость железных дорог превысила 9 тыс. миль, что вывело США на первое место в мире по длине железнодорожной сети.

Быстрые темпы строительства железных дорог, сооружение новых заводов и фабрик создавали постоянный и всё растущий спрос на чугун, сталь, прокат. Тяжёлая индустрия стала одним из важнейших пунктов приложения капитала. Если в 1836 г. выплавка чугуна в США составляла 165 тыс. *т*, то в 1860 г. она уже достигла 821 тыс. *т*, т. е. выросла в 5 раз. Примерно такие же темпы роста показала и прокатка рельсов, которая увеличилась с 87 тыс. *т* в 1853 г. до 205 тыс. *т* в 1860 г.

Параллельно с развитием металлургии шло увеличение объёма продукции и других отраслей промышленности. В 1850 г. стоимость валовой продукции всей промышленности страны, включая горнодобывающую, составила 1 019 107 тыс. долл., что в 2 раза превышало уровень

¹ И. В. Сталин, Соч., т. 9, стр. 173.

1840 г. «К началу гражданской войны США быстро становились ведущей промышленной державой мира»¹.

Столь бурные темпы развития промышленности были возможны лишь благодаря необычайно ёмкому внутреннему рынку, образовавшемуся за счёт колонизации новых территорий Запада и иммиграции в США сотен тысяч и миллионов людей из Европы. Развитию внутреннего рынка способствовали также высокие протекционистские тарифы, оберегавшие американских промышленников от конкуренции импортных товаров.

Развитие внутреннего рынка, однако, отнюдь не уменьшало значения внешней торговли для американской экономики. Рост промышленного производства предоставлял в руки американской буржуазии всё возрастающее количество товаров для вывоза. С другой стороны, ёмкий внутренний рынок создавал устойчивую потребность в ряде товаров, не изготовляемых в США. Для американских торговых и судоходных компаний открывались широкие перспективы получения громадных прибылей.

Эти объективные предпосылки способствовали быстрому развитию внешней торговли Соединённых Штатов. Общая сумма экспорта, составлявшая в 1846 г. 113 489 тыс. долл., возросла к 1860 г. до 400 122 тыс. долл., т. е. выросла за 15 лет в 3,5 раза. Такими же темпами развивался и импорт, составивший в 1860 г. 362 166 тыс. долл. против 121 692 тыс. долл. в 1846 г.

Торговля велась главным образом со странами Европы, но с каждым годом всё более важную роль во внешнеторговом обороте страны приобретали связи с азиатскими государствами. Погоня за прибылью — вот что толкало американский торгово-промышленный капитал на Восток.

Американская буржуазия пыталась воплотить в жизнь свои мечты об участии в грабеже азиатских стран уже вскоре после окончания войны за независимость, в конце XVIII века. Инициаторами организации широкого похода на Восток выступили крупные торговые фирмы Нью-Йорка, Филадельфии и Бостона. В начале 1784 г. известный филадельфийский банкир Роберт Моррис купил судно, которому дал название «Императрица Китая». В феврале того же года судно «Императрица Китая» доставило в Кантон груз женьшеня. В мае 1785 г.

¹ У. Фостер, цит. соч., стр. 303.

оно благополучно вернулось в США с грузом чая. После продажи чая выяснилось, что первое путешествие в Китай принесло немалую прибыль — около 40 тыс. долл.

Перспектива нажить громадные прибыли на торговле с Китаем была с восторгом встречена американской буржуазией. Полную поддержку её экспансионистским планам оказало, разумеется, американское правительство. Оно установило пониженные импортные тарифы для торговли с Китаем, предоставило торговцам значительные льготы в использовании складов и, наконец, объявило двухлетнюю отсрочку в уплате пошлин за чай. Высокие прибыли открыли перед фирмами, занимающимися торговлей с Востоком, двери банков и кредитных домов, что позволило в короткие сроки резко увеличить торговые обороты. Вслед за «Императрицей Китая» в Кантон направилось судно «Паллас», а за ним и многие другие. В 80-х годах XVIII века американские торговые корабли побывали и в Индии — в Калькутте, и в странах Южных морей — в Маниле, Бангкоке, Рангуне. Делали они попытки проникнуть также в русские владения в Сибири и на Дальнем Востоке. Американский торговый капитал вступил в конкурентную борьбу с английским на рынках Дальнего Востока, особенно Китая. За 10 лет — 1785—1794 гг. — в китайских портах побывало 47 американских и 206 английских судов, т. е. соотношение между американскими судами и английскими составило 1 : 4,5. Однако уже в следующем десятилетии — в 1795—1804 гг. — здесь было зарегистрировано 158 американских и 232 английских судна. Тем самым соотношение между американскими и английскими судами стало уже 1 : 1,5. Понятно, что усиленное проникновение американского капитала в Китай вызвало ожесточённое сопротивление английских торговых фирм.

Уже с самого начала торговли со странами Востока и особенно с Китаем перед американскими торговыми компаниями со всей остротой встала проблема эквивалента. В феодальном Китае почти не находили спроса европейские товары. Женьшень и меха, ввозимые в Китай Соединёнными Штатами, могли лишь в незначительной степени покрыть громадный вывоз чая, пряностей и других колониальных товаров. Американским купцам приходилось покрывать разницу звонкой монетой, что их, разумеется, совершенно не устраивало. Не приходится

удивляться, что они с радостью присоединились к своим английским коллегам, открывшим столь выгодный экспортный товар, как опиум.

Курение опиума, весьма вредное для здоровья человека, не было широко распространено в Китае до проникновения туда английских купцов. Последние всячески пропагандировали опиумокурение, насильно навязывали китайским купцам индийский опиум. Идя по стопам англичан, американские торговые компании в первые годы XIX века начали усиленно скупать опиум в Индии, а затем и в Османской империи и ввозить его в Китай.

В течение первой половины XIX века Англия прочно удерживала за собой первенство по ввозу опиума в Китай. В среднем за 16 лет, с 1818 по 1833 г., опиум составил 34% английского экспорта в Китай. Что же касается Соединённых Штатов, то они занимали второе место, лишь немногим уступая Англии. На долю опиума обычно падало не менее 10—15% американского экспорта в Китай, а в отдельные годы этот процент значительно увеличивался. Так, например, в 1829 г. Китай импортировал американских товаров на общую сумму в 4 030 865 долл., из которой стоимость опиума составила 1 212 040 долл., т. е. 30%. «Общая стоимость ввезённых за 1826—1835 гг. Америкой в Китай товаров, золота и серебра составляла всего лишь 30% стоимости товаров, экспортированных Китаем в Америку,— писал китайский историк Цинь Бэнь-ли.— Америка покрывала этот огромный торговый дефицит... ввозом опиума в Китай, прямо или через посредников...»¹ Американские колонизаторы делили, таким образом, с английскими купцами позорную «честь» отравлять опиумом китайский народ.

Стремление американской буржуазии проникнуть в страны Востока нашло своё яркое выражение в той массе самых различных планов экспансии, которыми были буквально засыпаны правительственные учреждения в Вашингтоне, причём, как правило, все авторы этих планов ратовали за широкое применение вооружённой силы, т. е. за прямую агрессию. Портер, командир американского фрегата «Эссекс», например, в своей докладной записке

¹ Цинь Бэнь-ли, История экономической агрессии американского империализма в Китае, Издательство иностранной литературы, М. 1951, стр. 26.

президенту Мэдисону от 31 октября 1815 г. предлагал организовать военно-морскую экспедицию для захвата китайских рынков. Одновременно он доказывал, что необходимо аналогичную экспедицию направить в северо-восточные владения России, а также в Японию, чтобы заставить её пойти на установление торговых отношений с США¹.

Выступления авантюристов типа Портера в значительной мере совпадали с планами американского правительства, которое в 1818 г. приняло решение послать в Китай крупное военное судно — фрегат «Конгресс». Командиру фрегата было поручено провести глубокую разведку обстановки на Дальнем Востоке и оказать посильную поддержку американским купцам.

К началу 30-х годов в США насчитывалось уже более десятка крупных торговых фирм, разбогатевших на торговле с Востоком. Шоу и Рэндол, Астор, нью-йоркская фирма Минтурн и Чамарлин, Олифант, Уилкок, Эммидон, Рассель, Кашинг, наживший более 2 млн. долл. на грабительской торговле с Китаем, — вот лишь небольшой перечень тех, чьи интересы отстаивало американское правительство, развёртывая экспансию в странах Азии.

Само собой разумеется, что американские экспансионисты не ограничивались одним только Китаем, несмотря на всё его огромное значение. Они пытались обосноваться и в других странах Тихоокеанского бассейна.

В 1832 г. правительство США снарядило специальную экспедицию из трёх кораблей, с которой в качестве правительственного агента отправился Робертс, один из наиболее известных американских купцов-авантюристов. Целью экспедиции было заключение договоров с Кохинхиной, Сиамом и другими странами. Заключение договоров с некоторыми туземными государствами в бассейне Индийского океана, откровенно писал Робертс, могло бы принести «громадные прибыли»². Прибыв в Сиам, Робертс попытался прежде всего добиться для США права на свободную торговлю опиумом. Однако сиамские власти

¹ См. «Pacific Historical Review», v. IX, No 1, March 1940, стр. 64—65.

² См. T. Dennett, *Americans in Eastern Asia. A critical Study of the Policy of the United States with reference to China, Japan and Korea in the 19-th Century*, New York 1941, стр. 129.

отказались внести в торговый договор соответствующее положение, и торговля опиумом — эта «ценная и высокодоходная статья», по выражению Робертса, была запрещена¹. Заключив договор с Сиамом, Робертс направился в Кохинхину, но потерпел здесь полное фиаско и был вынужден отплыть, не добившись никаких уступок от правителя этой страны.

Вслед за экспедицией Робертса США снарядили одну за другой ряд новых военно-морских экспедиций, рыскавших по различным районам Тихого океана. В 1838—1842 гг. американские военные корабли под командованием капитана Уилкса побывали на островах Фиджи, Самоа, на Гавайях, на острове Уэйк, на Филиппинах, Новых Гебридах, в Новой Зеландии. Военные моряки занимались сбором военно-географической, экономической и политической информации об этих районах и попутно грабили местное население.

Особое внимание было обращено на создание баз для американских кораблей в наиболее важных пунктах Тихого океана. В инструкциях морского департамента, полученных Уилксом, ему предписывалось, например, провести тщательное исследование островов Фиджи «с точки зрения наличия безопасных бухт и удобных подходов и с прочих точек зрения, имея в виду выяснить их пригодность для приёма американских кораблей, занятых китобойным промыслом и торговлей в этих морях; правительство намерено в будущем отдать приказ одному из кораблей тихоокеанской эскадры крейсировать близ этих островов»².

В конце 30-х годов XIX века Китай стал объектом вооружённого нападения со стороны Англии. В ответ на попытки китайских властей пресечь контрабандную торговлю опиумом, принявшую грандиозные размеры, английское правительство начало в 1839 г. так называемую «первую опиумную войну», которая была войной за китайский рынок, за «право» отравлять опиумом китайский народ.

¹ См. *Dennett*, цит. соч., стр. 133.

² *Ch. Wilkes*, Narrative of the United States exploring Expedition during the Years 1838, 1839, 1840, 1841, 1842, v. I, Philadelphia 1845, стр. XXVI. О пребывании на островах Самоа и в Новой Зеландии см. *его же*, v. II, стр. 115—154, 367—414; на островах Фиджи — v. III, стр. 71—316.

Американская буржуазия, развёртывавшая свою экспансию в странах Тихого океана, с радостью встретила сообщение о начале грабительской войны Англии против Китая. Она рассчитывала, что в результате поражения Китая можно будет добиться у него ряда серьёзных уступок. Во влиятельных кругах США широко обсуждался вопрос, вступать в войну или нет. Только экономическая и военная слабость Соединённых Штатов в эти годы, а также глубочайшие англо-американские противоречия предотвратили официальное участие в войне американских войск. Американская буржуазия предпочла играть в так называемый «нейтралитет», оказывая тайную поддержку английским интервентам, чтобы ослабить Китай и вырвать у него как можно больше уступок.

Соединённые Штаты полностью одобряли варварские действия английских колонизаторов, которые лишь лицемерами, потерявшими всякую совесть, могли быть названы «цивилизаторской миссией». Вскрывая истинные цели так называемых «цивилизаторов», Маркс писал в газете «Нью-Йорк дэйли трибюн»:

«В то время как полуварвар становился на позицию морали, цивилизованный мир противопоставлял ему принцип грабежа. И вот колоссальная империя, заключающая в себе почти треть всего человеческого рода, прозябавшая вопреки общему движению, униженная насильственным выключением из системы мировых связей и поэтому умудрявшаяся обманывать себя иллюзией насчет своего «небесного совершенства»,— эту империю судьба в конце концов заставляет вести смертельный поединок, в котором представитель одряхлевшего мира вдохновляется этическими побуждениями, а представитель самого современного общества борется за привилегию покупать на самых дешевых и продавать на самых дорогих рынках. Какой трагический сюжет! Вряд ли какая фантазия поэта отважилась бы вообразить что-нибудь причудливее!»¹

В 1842 г. «опиумная война», которую Англия вела «с зверской жестокостью, вполне соответствовавшей породившей ее контрабандистской жадности»², окончилась. Китайское правительство было вынуждено пойти на удов-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XI, ч. 1, стр. 347—348.

² Там же, стр. 160.

летворение ряда требований английских колонизаторов. Для иностранной торговли открывалось 5 портов. Устанавливались низкие таможенные тарифы. Иностранцы получали право экстерриториальности и т. д. Сдержавший все эти кабальные положения Нанкинский договор 1842 г. положил начало неравноправным договорам, в течение столетия опутывавшим Китай.

Поражение феодального Китая в войне с ведущей промышленной страной мира — Англией немедленно было использовано Соединёнными Штатами для дальнейшего проникновения на китайский рынок. В эти годы американская буржуазия стала придавать особое значение торговле с Китаем. Выражая настроения влиятельных деловых кругов страны, конгрессмен от Южной Каролины Холмс, например, заявил с трибуны конгресса, что он считает «настоящую миссию в Китае более важной, чем все остальные наши миссии, вместе взятые. Торговля Южной Америки и Европы застыла на установившемся уровне. А путём установления сношений с Китаем 320 млн. человек (изолированных до сих пор от остального мира) были бы включены в орбиту ведущих торговлю государств... Выгоды торговых сношений с Китаем нельзя переоценить, — продолжал Холмс. — Ни один человек сейчас не в силах опенить, какое количество нашей избыточной продукции может быть продано в этой почти беспредельной стране...»¹

Весной 1843 г. американское правительство приняло решение о посылке в Китай специальной миссии. Во главе её был поставлен один из влиятельных американских экспансионистов Калёб Кашинг, тесно связанный родственными узами с владельцами крупнейших торговых и судоходных фирм, заинтересованных во всемерном развитии торговли с Китаем. Прибыв в Китай с военной эскадрой, он не остановился перед прямыми угрозами и шантажом, чтобы вырвать у цинского правительства новые уступки. Кашинг потребовал разрешить ему поездку в Пекин для переговоров о заключении торгового договора. В противном случае, грозил он, ссылаясь на пример Англии, «моему правительству пришлось бы подвергнуть народ Китая всем ужасам войны и захватить какой-

¹ *B. H. Williams, Economic Foreign Policy of the United States, New York 1929, стр. 253.*

нибудь остров у китайского побережья в качестве места резиденции своего посла»¹.

Путём угроз и военных демонстраций, которые приобретали особенно зловеший смысл в связи с только что окончившейся войной, Кашингу удалось заставить Китай пойти на удовлетворение его требований. 3 июля 1844 г. в Ванься (около Макао) был подписан американо-китайский договор, который не только включал в себя все основные условия англо-китайского Нанкинского договора 1842 г., но и шёл значительно дальше по пути грабительских требований к Китаю. США, например, обязали Китай принимать в своих портах иностранные военные корабли. Американские граждане получили право экстерриториальности. Много льгот было предоставлено американским купцам, как, например, право каботаж в китайских водах. Что же касается торговли опиумом, то по настоянию китайской стороны в договор была внесена статья о том, что такого рода торговля является запретной. Однако никаких реальных мер по осуществлению этого положения предусмотрено не было. В результате тайный ввоз опиума в Китай стал весьма доходным промыслом. «Американские граждане, занимавшиеся контрабандной торговлей, нарушали договор, и всё же Соединённые Штаты никогда не пытались предотвратить эти действия или же наказать таких нарушителей, пока не поступало жалобы от китайцев. Последние же шли на такой шаг с большой неохотой. В результате контрабанда сильно возросла»², — признавал американский историк Денветт. Поскольку американо-китайский договор 1844 г. открывал широчайшее поле деятельности для всякого рода уголовных личностей, он получил даже ироническое название «восторг контрабандистов».

Договор, подписанный в Ванься, свидетельствовал о том, что американская буржуазия в 40-х годах XIX века придавала исключительно большое значение проникновению в страны Востока, в частности в Китай. Экспансионистские устремления американского торгово-промышленного капитала были непосредственно связаны со всем ходом экономического развития Соединённых Штатов.

¹ H. Morse, *The International Relations of the Chinese Empire*, v. I, London 1910, стр. 324.

² Dennett, цит. соч., стр. 168.

В течение 40-х годов США вышли на второе место в мире по добыче угля, по выплавке чугуна, выработке хлопчатобумажных тканей и по другим важнейшим показателям. «...Развитие американской промышленности идет гигантскими шагами,— отмечал Ф. Энгельс в 1845 г. в работе «Положение рабочего класса в Англии». —...Америка менее чем в десять лет создала промышленность, конкурирующую уже теперь с Англией своими более грубыми хлопчатобумажными изделиями (главным продуктом английской промышленности), вытеснила ее из северо-американского и южно-американского рынка, а в Китае продает свои товары рядом с английскими. В других отраслях промышленности дело обстоит так же»¹.

Особенно сильный толчок американской экспансии в страны Азии дало образование нового промышленного центра на Тихоокеанском побережье США, в районе Калифорнии, отобранной у Мексики в результате захватнической войны 1846—1848 гг., которая «из всех... бандитских войн» носила «самый циничный и самый разорительный характер»². Развитие этого района пошло бурными темпами после открытия в 1848 г. калифорнийских золотых россыпей. К. Маркс и Ф. Энгельс писали в 1850 г. о значении этого события: «Самым важным фактором, происшедшим здесь, более важным, чем февральская революция, является открытие калифорнийских золотых приисков. Уже теперь, спустя всего восемнадцать месяцев, можно предвидеть, что это открытие будет иметь гораздо более грандиозные результаты, чем открытие самой Америки»³. Отметив далее, что центр тяжести мировой торговли будет перенесён теперь на Тихий океан, а Сан-Франциско и Нью-Йорк займут место Лондона и Ливерпуля, Маркс указывал на неизбежность расширения торговых связей с Азией.

Присоединение и освоение Калифорнии значительно облегчало торговые связи со странами Дальнего Востока. Этому способствовала и постройка в 1855 г. железной дороги через Панамский перешеек, позволившей перебрасывать грузы из Атлантического океана в Тихий и обратно без длительного и трудного путешествия вокруг мыса Горн или мыса Доброй Надежды.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. III, стр. 570.

² У. Фостер, цит. соч., стр. 265.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. VIII, стр. 208.

Опираясь на растущую промышленную мощь своего государства, американская буржуазия развернула в конце 40-х — начале 50-х годов XIX века знамя широкой экспансии на Тихом океане. Она мечтала не только о проникновении на азиатские рынки. Она стремилась к территориальным приобретениям, к созданию обширной колониальной империи.

Типичным для настроений американских экспансионистов в эти годы явился доклад Арона Польмера, президента одной из влиятельных организаций торговцев и промышленников Севера, так называемого «Американского и иностранного агентства». Доклад был представлен Польмером президенту США Польшу. В этом любопытном документе, датированном 10 января 1848 г., Польмер ратовал за скорейшее проникновение в Китай, Индию, Афганистан и даже в Тибет и Туркестан. Особое значение отводил он экспансии в русские владения — в Сибирь, на Камчатку. Он доказывал, что возросшие интересы США на Тихом океане требуют, «чтобы были приняты, как можно скорее, меры к упрочению имущества нашей торговли и нашего мореплавания в этом океане»¹. Захлёбываясь от восторга, Польмер описывал богатства Сибири, Камчатки и других русских владений, настаивая на необходимости добиться допущения «нашего флага в порта Сибири, Камчатки, Курильских и Алеутских островов, равно как и в порта Российских владений на северо-западном берегу Америки, что открыло бы новое поле нашей торговле...».

«Судоходство по большой манчжурской реке Амуру и по её притокам мне кажется весьма важным, — продолжал Польмер, — и необходимо, чтобы правительство настояло на дозволении гражданам Соединённых Штатов свободного плавания по ним... мы должны, — переходил Польмер к Китаю, — получить привилегии в Тиньхае (Шанхае. — Д. П.). Этот порт, обладая благоприятным положением и безопасным рейдом, доступным самым большим кораблям, лежит вблизи устья большой реки Ян-цзы-цзян; Корея и Япония — два дня плавания от него. Всё это даёт ему превосходство пред всеми портами Китая, как относительно торговли, так и в особенности, — как депо и станции новой линии американских

¹ «Записка о Сибири, Манчжурии и об островах северной части Тихого океана», Спб. 1906, стр. 2.

пароходов, которые будут правильно ходить между Панамой и Китаем...»¹

Захватнические планы Арона Польмера отнюдь не были плодом разгорячённого воображения одиночки. Это были сформулированные в предельно чётких выражениях требования американской буржуазии, которые легли в основу внешнеполитического курса республиканской партии, партии промышленников и торговцев. Один из её лидеров, будущий государственный секретарь США Вильям Сьюард, громогласно объявил, что «судьба призвала американский народ катить непреодолимые волны своей экспансии к ледяным границам Севера и встретиться с восточной цивилизацией на берегах Тихого океана»². Ратуя за широкое проникновение в страны Азии, Сьюард доказывал, что никто другой как Соединённые Штаты призваны «пробудить народы Азии от того летаргического сна, в который они впали почти 300 лет тому назад»³. Выступая с этими многозначительными заявлениями, Сьюард не скрывал, что, по его мысли, азиатские народы «пробудятся» уже с колониальным ярмом на шее. Во всяком случае именно такой смысл вкладывал он в свои слова, когда утверждал, что развивающаяся торговля США на Тихом океане «создала необходимость в новых позициях — быть может, зависимых территориях или колониях в этом районе»⁴.

Экспансия Соединённых Штатов в середине XIX века, те войны, которые они вели ради расширения своей территории и порабощения соседних народов, — всё это делалось в интересах буржуазии, использующей всю мощь государственного аппарата и армии для обеспечения себе гигантских прибылей. «Кто извлечет наибольшую пользу из войны? — спрашивал Энгельс, имея в виду войну с Мексикой. — Никто как буржуазия. Северо-американцы получают в Калифорнии и Новой Мексике новые области, в которых они смогут производить новый капитал, т. е. создавать новых буржуа и обогащать уже имеющихся, ибо весь капитал, какой производится в наше время, попадает

¹ «Записка о Сиббири, Манчжурии и об островах северной части Тихого океана», стр. 2—3.

² *F. R. Dulles, America in the Pacific, Boston and New York 1938, стр. 62.*

³ *Dennett, цит. соч., стр. 408.*

⁴ *Dulles, цит. соч., стр. 63.*

в руки буржуазии. А кому принесет пользу предполагаемое прорытие Техуантепекского перешейка, как не американским судовладельцам? И кто извлечет выгоду из господства на Тихом океане, как не те же судовладельцы? Наконец, кто будет снабжать товарами новых потребителей продуктов промышленности, которые появятся в завоеванных странах, если не американские фабриканты?

Таким образом,— делает вывод Ф. Энгельс,— в Америке буржуазия также сделала крупные успехи; и если ее представители в парламенте стоят в оппозиции к войне, то это доказывает лишь, что они опасаются, как бы эти успехи в некоторых отношениях не обошлись слишком дорого»¹.

Анализ существа экспансионистской политики США в конце 40-х годов, который дал Энгельс на основе изучения богатейшего фактического материала, даёт ключ к пониманию американской политики и на Дальнем Востоке. Здесь также американская буржуазия в принципе была за военные захваты, и она, как показывают факты, шла на это, но лишь тогда, когда была уверена в своей безнаказанности, когда рассчитывала огнём и мечом подавить сопротивление азиатских народов. Там же, где существовала опасность поражения, буржуазия стремилась действовать путём шантажа, угроз, подкупов. Но и в том и в другом случае определённые круги американского капитала преследовали главную цель — поработить народы Востока, захватить азиатские рынки, создать базы для расширения своей экспансии в бассейне Тихого океана.

Правительства партии промышленной буржуазии — вигов, стоявшие у власти в 1849—1853 гг., в президентство Тейлора — Фильмора, в своей практической деятельности стремились воплотить в жизнь требования торгово-промышленного капитала о расширении экспансии на Востоке.

В своём послании конгрессу от 6 декабря 1852 г. президент Фильмор с удовлетворением отмечал, что вистекшем году морской департамент «проявил исключительную активность», развернув свою деятельность на громадных пространствах Азии, Африки и Южной Америки. «Подготовка экспедиции в Японию.., меры, предпринимаемые для исследования китайских морей, северной части Тихого океана и Берингова пролива; первые мероприятия по

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. V, стр. 247.

изучению Африканского континента к востоку от Либерии; подготовка к исследованию притоков реки Ла-Плата... Все эти мероприятия, как и методы, с помощью которых предполагается их осуществить, получили моё полное одобрение, — сообщал конгрессменам Фильмор, — и я глубоко уверен, что они принесут самые плодотворные результаты»¹.

Среди стран Востока, которые американская буржуазия стремилась включить в орбиту своего влияния, особое место занимал Китай. Торговля с этой крупнейшей азиатской страной росла непрерывно; соответственно росли и прибыли американских компаний. Если экспорт из США в Китай в 1850 г. составил 1,6 млн. долл., то к 1860 г. он увеличился более чем в 5 раз и достиг 8,9 млн. долл. Американский импорт из Китая соответственно возрос с 6,6 млн. долл. в 1850 г. до 13,6 млн. долл. в 1860 г.

Выражая мнение определённых кругов буржуазии Севера, морской министр США в своём ежегодном докладе президенту особо отмечал исключительно важное значение навязанных Китаю в 1842—1844 гг. кабальных соглашений для внешней торговли США и развития Дальнего Запада. «Китай... уже теперь вносит свой вклад в дело развития нашего западного побережья»², — подчёркивалось в докладе.

Однако, несмотря на увеличение объёма американо-китайской торговли, США всё же не могли и мечтать в эти годы об успешной конкуренции в Китае с Англией, обладавшей мощным, хорошо развитым торговым аппаратом и большими оборотными капиталами. Английские торговые фирмы попрежнему прочно удерживали за собой первое место в торговле с Китаем.

Ожесточённая конкурентная борьба с Англией за китайский рынок заставляла американскую буржуазию искать пути для удешевления своих товаров. В первую очередь это можно было сделать за счёт сокращения расходов по транспортировке грузов, составлявших зачастую до 50 % продажной цены товаров. Важную роль в этом играло широкое использование пароходов. Однако несовершенство их конструкции требовало создания топливных

¹ «32-nd Congress, 2-nd Session. The Congressional Globe», v. XXVI, Washington 1853, стр. 10.

² «32-nd Congress, 2-nd Session. Appendix to the Congressional Globe», v. XXVII, Washington 1853, стр. 9.

баз на 10 000-километровом пути через Тихий океан. И вот здесь важнейшее значение в планах американской экспансии на Дальнем Востоке стала занимать Япония. Именно её порты решила использовать американская буржуазия для расширения торговли с Китаем и, следовательно, для усиления своих позиций в борьбе с английским капиталом.

Но это только одна сторона дела. Американские экспансионисты весьма интересовались Японией и с точки зрения её стратегического положения вблизи русских владений на Тихом океане. Они считали, что Япония могла бы послужить прекрасным плацдармом для широкого проникновения на Камчатку, в Приморье, на Курильские острова и Сахалин.

Привлекала Япония американскую буржуазию и как новый, никем не захваченный ещё рынок. Утвердившись здесь, торгово-промышленный капитал США рассчитывал в значительной мере дополнить свои прибыли от торговли с Китаем.

И, наконец, ещё один немаловажный момент. В 40—50-х годах XIX века резко активизировалась деятельность американских китобойных компаний в северной части Тихого океана. В 1848 г. здесь действовало 700 китобойных судов общим водоизмещением до 240 тыс. т. Только на снаряжение этой флотилии, по официальным данным, ушло более 40 млн. долл. Ежегодная прибыль от китоловства оценивалась в конце 40-х годов очень внушительной для того времени цифрой — 10 млн. долл. Создание баз для китобойного флота на территории Японии дало бы возможность значительно расширить китобойный промысел.

Вот те объективные причины, непосредственно вытекавшие из сложившейся в то время на Дальнем Востоке обстановки, которые придавали особое значение Японии в планах американских экспансионистов. И чем ожесточённее становилась борьба между капиталистическими хищниками за влияние в странах Востока, тем более настойчиво стремилась американская буржуазия обосноваться в Японии.

Первые попытки американских торговцев проникнуть в Японию относятся к 90-м годам XVIII века.

В 1791 г. у берегов Японии появился американский торговый корабль «Лэди Вашингтон». Его капитан Джон

Кэндрик направился к бухте Вакаяма, где сделал попытку организовать торговлю котиковыми и другими мехами. Однако японские власти потребовали, чтобы он немедленно покинул японские воды. В 1797 г. Японию посетило американское судно «Элиза», зафрахтованное голландцами. В 1803 г. капитан этого судна Стюарт вновь прибыл на «Элизе» в Нагасаки, сделав попытку открыть уже собственную торговлю. Однако он натолкнулся на решительное сопротивление местных властей. Такая же неудача постигла и другой американский корабль — «Эклипс», появившийся в Нагасаки в 1807 г.

Это были первые попытки американских купцов на свой страх и риск завязать торговые отношения с Японией. Но скоро за их спиной встала вся мощь капиталистического государства, отстаивавшего интересы торгово-промышленной буржуазии.

В 1815 г. правительство США впервые приняло официальное решение о вооружённой поддержке купцов, пытающихся проникнуть в Японию. Коммодор Портер, командующий американской тихоокеанской эскадрой, получил предписание направиться в Японию с фрегатом и двумя военными шлюпами.

Из года в год всё более настойчиво стремился американский капитал открыть двери Японии. Появились в США и идеологи экспансионизма, пытавшиеся «доказать», что открытие Японии является «священным долгом» американцев. Так, например, известный авантюрист Адамс громко заявил, что «правом и даже долгом христианских народов является открытие портов Японии, а долг Японии — согласиться на это, ибо никакая нация не имеет права... не сделать свой личный вклад в общее благосостояние»¹. Нечего и говорить, что под «общим благосостоянием» понималось прежде всего увеличение прибыли американских торговых компаний.

В 1832 г. американское правительство дало Эдмунду Робертеу официальные инструкции после заключения торгового договора с Сиамом направиться на военном шлюпе «Пиакон» в Японию. Ему было поручено передать правителю Японии письмо от президента Джексона, в котором президент выражал своё недовольство японской политикой

¹ См. *Hishida Seiji*, *Japan among the Great Powers*, London 1940, стр. 58.

изоляции страны и требовал немедленного открытия японского рынка для американских торговых компаний. Но Робертс неожиданно умер в Макао, не успев выполнить порученную ему миссию.

Несколько лет спустя, в 1837 г., американский купец из Кантона Кинг направил в Японию свой корабль «Моррисон», на борту которого находились 7 японских моряков, потерпевших кораблекрушение. Кинг надеялся под предлогом передачи этих моряков завязать с Японией торговлю. Но «Моррисон» 29 июля 1837 г. был обстрелян в Эдосском заливе, а затем ещё раз — в районе Кагосима, после чего был вынужден покинуть воды Японии.

По возвращении в Кантон раздосадованный Кинг решил обратиться за помощью к американскому правительству и направил в Вашингтон письмо, в котором доказывал, что установление торговых отношений с Японией принесёт США громадные выгоды. Кинг просил правительство немедленно предпринять соответствующие шаги в этом направлении. Письмо Кинга встретило горячую поддержку среди многих американских купцов и политических деятелей, которые представили правительству США меморандум, требовавший принятия решительных мер для проникновения в Японию.

Стремясь пойти навстречу этим требованиям, правительство США дало в 1838 г. инструкцию экспедиции под командованием Уилкса направиться в Японию и выяснить возможность прохода американских судов через Японское море, а также сделать попытку завязать с Японией торговые отношения. «Вы направитесь к берегам Японии,— говорилось в инструкции,— заходя по возможности на все неизвестные острова; вам разрешается пройти через Сангарский пролив в Японское море. Вы проведёте тщательное исследование этого моря, чтобы выяснить, имеется ли через него безопасный путь, который может сократить плавание наших судов в Китай и обратно. Вам предлагается обратить особое внимание на этот вопрос,— подчёркивалось в инструкции,— чтобы вы были в состоянии составить инструкции по навигации для мореплавателей. Было бы желательно также удостовериться в желании жителей этих островов вести торговлю, а также выяснить характер их продукции и ресурсы страны»¹.

¹ *Wilkes*, цит. соч., v. I, стр. XXVII.

В начале 1845 г. вопрос о захвате японского рынка был поставлен перед конгрессом, и председатель Отдельного статистического комитета Пратт внёс на обсуждение палаты представителей резолюцию, в которой требовалось принять немедленные меры для установления торговых отношений с Японской империей и Корейским королевством, ибо «интересы Соединённых Штатов требуют, чтобы были предприняты настойчивые попытки расширить американскую торговлю»¹.

Обсуждение этой резолюции было отложено. Но это не помешало правительству Соединённых Штатов отдать приказание командующему американской эскадрой в Ост-Индии Джемсу Биддлю оказать всяческую поддержку комиссару США в Китае Эверту, которому были даны полномочия на заключение договора с Японией. Если же Эверт почему-либо не смог бы направиться в Японию, то Биддлю предписывалось самому совершить подобную попытку.

20 июля 1846 г. коммодор Биддль с двумя военными кораблями вошёл в залив Эдо и попытался передать японским властям послание президента Польша, в котором Японии предлагалось заключить с США договор, аналогичный кабальным договорам, навязанным в 1842—1844 гг. Англией, США и Францией Китаю. Японские власти, однако, отказались вести какие-либо переговоры с американцами и потребовали ухода кораблей. 27 июля Биддль получил от японцев письмо без подписи и печати (чем подчёркивался его неофициальный характер), в котором указывалось, что страна с незапамятных времён была закрыта для иностранцев и что ни для кого не может быть сделано исключения. «Мы уверены,— с чувством собственного достоинства писали японские представители,— что здесь наши обычаи расходятся с обычаями других народов, но каждый народ имеет право поступать так, как считает нужным»². Биддль был вынужден покинуть берега Японии.

Но Соединённые Штаты не отказались от своего намерения во что бы то ни стало проникнуть в Японию. В 1848 г. видный член американского правительства

¹ *Dennett*, цит. соч., стр. 249.

² *Цудзи Дзэнносукэ*, *Кайгай коку сива* (Очерки по истории внешних сношений), Токио 1942, стр. 785.

министр финансов Роберт Волькер призвал обратить внимание на Японию, «эту высокоцивилизованную страну с 50 миллионами населения, до которой от наших западных берегов всего две недели пути на пароходе...»¹. 17 апреля 1849 г. у японских берегов показался американский военный корабль «Пребл» под командованием коммодора Глинна. Согласно официальной версии, он прибыл, чтобы принять на борт 15 американских матросов с судна «Лагода», которые в знак протеста против жестокого обращения капитана покинули судно в море и высадились на японском берегу в районе Фукусима.

Японское правительство быстро согласилось на передачу американских матросов Глинну. Казалось бы, что американцам больше нечего делать в Японии. Но коммодор не спешил уходить, стремясь выполнить основную задачу, поставленную перед ним правительством США: вырвать у японцев согласие на создание на их территории баз для американских китобойных флотилий. «Защита нашего ценного китобойного флота и поощрение китобойцев являются предметом глубокого интереса для нашего правительства...», — говорилось в инструкции, полученной Глинном. Японские власти, однако, отвергли все притязания американского коммодора. 26 апреля он был вынужден покинуть Японию.

В том же 1849 году видный представитель торгово-промышленных кругов Бостона и Нью-Йорка Арон Польмер, о котором уже говорилось выше, направил меморандум президенту и государственному секретарю США, где доказывал необходимость установления торговых отношений с Востоком. Так же как и представители военно-морского флота, Польмер рекомендовал добиваться этого, не останавливаясь перед выбором средств. По отношению к Японии он предлагал проводить так называемый «твёрдый курс», предъявив её правительству следующие требования: 1. Выплатить компенсацию за плохое обращение с американскими матросами, потерпевшими кораблекрушение; 2. Гарантировать оказание помощи любому американцу, который впредь может очутиться по воле стихии на берегах Японии; 3. Открыть ряд портов для торговли и согласиться на учреждение в них консульств;

¹ *I. Nitobe, The Intercourse between the United States and Japan, Baltimore 1891, стр. 40—41.*

4. Дать разрешение на создание угольных станций в этих портах.

Предполагая не без оснований, что эти требования могут быть отклонены японскими властями, Польмер разработал целую систему репрессивных мер. Он предлагал для начала установить строгую блокаду залива Эдо (ныне Токийский залив). Если же это не сломит сопротивления Японии, то американское правительство, писал Польмер, не должно останавливаться перед применением оружия. В письме начальнику голландской фактории в Японии Левинсону Польмер подчёркивал, что Соединённые Штаты «должны открыть японские порты для американской торговли и заручиться согласием японского правительства на создание угольных баз в Мацумаэ и на островах Цусима и Рюкю для кораблей, курсирующих по линии Сан-Франциско — Шанхай — Кантон. В случае отказа сёгуна или регента вести переговоры американцы не должны останавливаться перед бомбардировкой их столицы и преданием её огню, перед блокированием портов страны и прочими репрессивными мерами, пока не будет получено согласие японского правительства удовлетворить предъявленные ему требования»¹. Необходимость принятия самых решительных мер, чтобы заставить Японию удовлетворить все американские требования, отстаивали и многие представители американского военно-морского флота. Коммодор Глинн, например, обратился в 1851 г. к компании «Пасифик мэйл» с предложением основать регулярную пароходную линию Нью-Йорк — Панама — Сан-Франциско — Шанхай для расширения торговли с Китаем. В качестве баз для пароходов Глинн предлагал использовать порты Японии. Для этого он планировал предварительно силой оружия заставить Японию покончить с системой изоляции. Американский коммодор цинично рекомендовал в качестве предлога для агрессии против Японии использовать «недостаточно чуткое» отношение японцев, проявленное якобы к потерпевшим кораблекрушение американским морякам. «...Нам нужны топливные базы и промежуточные порты для наших пароходов, — писал Глинн. — У нас есть хорошая причина для ссоры; и,

¹ *Хаттори Сисо*, Бакумацу-ни окэру сэкай дзёсэй оёби гайко дзидзё (Международное положение и международные отношения в период Бакумацу), Токно 1932, стр. 22.

как я сказал японскому офицеру, которому я изложил свои требования, — вспоминал Глинн о своём неудачном визите в Японию в 1849 г., — у них нет друзей во всём свете; мы требуем возмещения — и хотим получить его в форме удобств, которые они могут предоставить для плавания наших судов»¹. Отстаивая «ценность» своего проекта, Глинн успокаивал Вашингтон, что тревожиться здесь нечего: Япония слаба, и справиться с ней будет трудно. «Они не хотят соглашаться, — писал Глинн, — заставим их...»²

Проект Глинна был поддержан президентом Фильмором, принявшим коммодора в июне 1851 г. Встретил он решительное одобрение и со стороны влиятельной группы крупных американских дельцов, уже несколько лет требовавших расширения экспансии на Дальнем Востоке.

Выполняя волю американской буржуазии, правительство США приняло в 1852 г. решение послать в Японию мощную военно-морскую эскадру, чтобы силой оружия взломать двери Японии и заставить её удовлетворить все требования американского капитала.

2. ПОДГОТОВКА ВООРУЖЁННОЙ ИНТЕРВЕНЦИИ США ПРОТИВ ЯПОНИИ

Вооружённая интервенция против Японии, которая могла вылиться в открытую войну, требовала тщательной и длительной подготовки. Необходимо было не только снарядить корабли, но и подобрать на пост командующего военно-морской экспедицией такого человека, который был бы душой и телом предан американской буржуазии. После тщательного выбора правящие круги США остановились на кандидатуре коммодора Перри, рекомендованного крупными торговыми фирмами Бостона и Нью-Йорка.

Мэтью Колбрайс Перри был опытным морским офицером, с ранних лет связавшим свою жизнь с флотом. Он участвовал во многих захватнических войнах, которые

¹ *E. Swisher, Commodore Perry's Imperialism in Relation to the America's Present-day Position in the Pacific. «The Pacific Historical Review», v. XVI, No. 1, February 1947, стр. 38.*

² *Sakamaki Shunzo, Western Concepts of Japan and the Japanese, 1800 — 1854. «The Pacific Historical Review», v. VI, No. 1, March 1937, стр. 8—9.*

вели США в 30—40-х годах XIX века, и особенно отличился своими варварскими действиями на посту командующего американской эскадрой во время захватнической войны против Мексики.

Перри был известен также как видный политический деятель и один из наиболее активных проводников американского экспансионизма. Он настойчиво выступал за продвижение на Дальний Восток и доказывал, что захват Японии, занимающей выгодное стратегическое положение, мог бы послужить первым шагом на этом пути. Правительству США были отлично известны агрессивные замыслы commodora. Назначая его в 1852 г. на пост командующего дальневосточной эскадрой, оно было уверено, что Перри будет не за страх, а за совесть отстаивать интересы американского капитала.

Перед отплытием эскадры из Соединённых Штатов государственный секретарь вручил commodору Перри специальную инструкцию, с которой особенно интересно познакомиться в связи с попытками американских буржуазных историков представить экспедицию в Японию как «мирную цивилизаторскую миссию». Для «доказательства» этого положения они обычно ссылаются на послание президента Фильмора конгрессу от 6 декабря 1852 г., где говорилось о том, что «экспедиция носит дружественный и мирный характер»¹.

Однако послание президента Фильмора, рассчитанное на широкую публику, ни в коем случае не может быть принято на веру, ибо его главной целью было завуалировать истинный характер экспедиции. Значительно более откровенны в этом отношении инструкции государственного департамента, не предназначенные для печати. О чём же писал в этих инструкциях исполняющий обязанности государственного секретаря Конрад?

Прежде всего он предупреждал Перри, ссылаясь на опыт прошлого, чтобы тот отбросил все иллюзии (если таковые имеются!) и был готов к применению вооружённой силы, ибо только таким путём, по мнению Конрада, можно заставить японцев удовлетворить американские требования.

«Из опыта прошлого стало очевидно, — писал руководитель государственного департамента США, — что любые

¹ *J. Richardson, A Compilation of the Messages and Papers of the Presidents, 1789—1897, v. V, Washington 1899, стр. 168.*

аргументы или уговоры, адресованные этому народу, будут совершенно бесполезны, *если они не будут поддержаны внушительной демонстрацией силы*». Поставив перед Перри задачу добиться свидания с японским императором, передать ему письмо президента и подготовить почву для более широких торговых сношений между обоими государствами, Конрад указывал, что коммодору предоставляются самые широкие полномочия. «Невозможно никакими инструкциями, как бы обширны они ни были, предусмотреть все случайности, которые могут возникнуть в ходе такой своеобразной и новой по своему характеру экспедиции. По этой причине, а также и в связи с отдалённостью театра действий будет разумно, чтобы коммодор был наделён самой обширной дискреционной властью (т. е. правом действовать по своему усмотрению. — Д. П.) и был бы уверен, что любое отступление от обычая или любое ошибочное решение, которое он может допустить, встретят снисходительное отношение»¹.

То же самое говорилось и в инструкции морского департамента от 13 ноября 1852 г.:

«Вы облечены широкой дискреционной властью для достижения целей Вашей миссии в Японии. Вы уполномочены использовать почтовые суда, переводчиков, негров или местных жителей, а также все иные средства, какие Вы сочтёте необходимыми для достижения Вами желаемых результатов»².

Таким образом, секретные инструкции, полученные коммодором Перри, определённо свидетельствовали о том, что американское правительство, во-первых, давало ему полномочия на проведение широкой военной демонстрации и, во-вторых, выражало готовность задним числом оправдать любые действия Перри, которые не были предусмотрены письменными указаниями. Практически это означало, что коммодору предоставлялось право прибегнуть к вооружённой силе в случае отклонения японцами предъявленных им требований. Именно так и понимал свои инструкции коммодор.

В период подготовки экспедиции в США мало кого ввели в заблуждение лицемерные разглагольствования

¹ A. Walworth, Black Ships off Japan, New York 1946, стр. 240—245. Курсив мой. — Д. П.

² Walworth, цит. соч., стр. 247.

президента Фильмора о её «мирных» целях. Газета «Нью-Йорк геральд» иронизировала по поводу заявления президента: «Экспедиция в Японию, — писала она, — предназначена лишь для простого гидрографического исследования берегов. 32-фунтовые пушки будут использованы просто в качестве измерительных инструментов при триангуляции, а пушечные ядра — для проведения базисных линий. Если какой-нибудь японец будет настолько глуп, что появится на линии действия этих приборов, то ему придётся пенять только на самого себя, если с ним что-нибудь случится»¹.

Об агрессивных целях экспедиции откровенно говорили и американские конгрессмены на заседаниях 1-й сессии 32-го конгресса. В связи с проникшими в печать сведениями о намерении правительства не останавливаться перед применением вооружённой силы для «открытия» Японии сенатор Борленд даже внёс 31 марта 1852 г. на обсуждение сената резолюцию, требующую, чтобы государственный секретарь доложил о целях готовящейся экспедиции в Японию. «Я не возражаю против посылки этой экспедиции, — отстаивал он свою резолюцию, — если, как предполагалось, её целью является установление новых торговых связей между нашей страной и Дальним Востоком. Если же она, возможно, втянет нас, как здесь намекалось, в военное столкновение с другими державами, то, бесспорно, не только наше право, но и обязанность знать о ней всё. Зачем тогда скрывать от нас её цели и её характер? Сэр, я всегда с подозрением отношусь ко всякого рода секретам и тайнам. Если дело честное, то ему нечего бояться света. Если же оно нечестно, то интересы страны требуют, чтобы оно было выставлено на свет»².

При голосовании резолюция Борленда была отклонена большинством в 24 голоса против 17. Это свидетельствует прежде всего о том, что конгрессмены боялись разгласить действительные цели экспедиции Перри и помешать тем самым осуществлению колонизаторских планов правительства. В этом смысле отклонение резолюции Борленда было своеобразным вотумом доверия правительству, одобрением его внешнеполитической линии. Что же касается большого количества сторонников этой резолюции (две

¹ *Walworth*, пят. соч., стр. 31.

² «32-nd Congress, 1-st Session. The Congressional Globe», v. XXIV, Pt. II, Washington 1852, стр. 944.

пятых числа участвовавших в голосовании сенаторов), то это говорит о серьёзных опасениях определённых кругов правящих классов, что новая авантюра может втянуть США в открытую войну, ибо сенаторы, конечно, отнюдь не склонны были верить заявлениям Фильмора о «мирном» характере экспедиции¹.

Как видно из официальных документов правительства США, перед экспедицией коммодора Перри, которая призвана была воплотить в жизнь колонизаторские планы американских экспансионистов, ставились следующие основные цели:

1. Добиться «открытия» Японии, установить с нею торговые отношения и получить на её территории базы для китобойного и торгового флота.

2. Захватить в свои руки инициативу в сношениях с японцами, оттеснив на задний план Англию, Россию, Францию и другие страны, и обеспечить США преобладающее политическое влияние в Японии.

3. Собрать всевозможные разведывательно-информационные данные о Японии и других странах Дальнего Востока, которые облегчили бы в дальнейшем проникновение американского капитала на восточные рынки. На это прямо указывал, в частности, морской министр Кэннеди в своей инструкции от 13 ноября 1852 г. коммодору Перри: «Вы будете тщательно собирать из любых подходящих источников и особенно от наших консульских и торговых агентов всевозможную информацию о социальном, политическом и экономическом положении тех стран

¹ Есть ещё ряд документов, которые совершенно определённо говорят о том, что Соединённые Штаты отнюдь не собирались «угрожать» японцев, как утверждал Фильмор, а с самого начала решили навязать им свои требования силой, с помощью угроз и демонстраций. Морской министр, например, вполне откровенно говорил об этом в послании президенту, доказывая, что при наличии мощной эскадры коммодору Перри не потребуется много времени для достижения поставленных перед ним целей.

«Весьма вероятно, — писал морской министр, — что демонстрация всех сил, которые будут находиться под командованием коммодора Перри в течение первого года, произведёт такое впечатление на правительство и народ, которые привыкли определять степень своего уважения соответственно силе, сопровождающей требования этого уважения, что может дать возможность коммодору обойтись без кораблей, срок службы которых подходит к концу и которые смогут быть возвращены в Штаты без продления этого срока» («32-nd Congress, 2-nd Session. Appendix to the Congressional Globe», v. XXVII, Washington 1853, стр. 9).

и мест, которые Вы можете посетить, и особенно о новых рынках для торговли. Вы призовёте Ваших офицеров применить свои таланты и способности для этой работы. Её результаты и результаты Ваших исследований Вы будете сообщать Департаменту так часто и полно, как это окажется практически возможным»¹.

Эти действительные цели экспедиции, как видно, ничего общего не имеют с той официальной версией, которая важнейшей целью посылки эскадры Перри в Японию объявляла... обеспечение «гуманного отношения» к американским морякам, потерпевшим кораблекрушение и попавшим в руки «варваров»-японцев.

Впервые этот лицемерный тезис был сформулирован президентом Фильмором в 1852 г. в его послании конгрессу, о котором уже говорилось выше. Сообщая об инструкциях, полученных коммодором Перри, Фильмор отмечал, в частности: «Ему было поручено в самых твёрдых выражениях заявить протест против жестокого обращения, которому подвергаются наши моряки, потерпевшие кораблекрушение, и настаивать на гуманном отношении к ним»².

Вслед за президентом стали повторять эту версию и многие американские буржуазные историки, которые пытались представить американских колонизаторов в роли «защитников» прав человека. Так, известные специалисты в области истории стран Дальнего Востока — Морзе и Макнэйр утверждали, что одной из целей американской экспедиции в Японию было «стремление американского правительства защитить потерпевших кораблекрушение»³.

Можно ли действительно всерьёз утверждать, что «защита» нескольких десятков потерпевших кораблекрушение моряков была одним из определяющих факторов американской внешней политики? Конечно, нельзя. Тем более что не было ни одного случая, когда японцы действительно убили бы американских моряков, попавших случайно к ним. Ширма «гуманности» и «христианского милосердия» была нужна, чтобы прикрыть ту разбойничью колонизаторскую политику, которую американские экспансионисты проводили на Дальнем Востоке.

¹ *Walworth*, цит. соч., стр. 247.

² *Richardson*, цит. соч., стр. 168.

³ *H. B. Morse and H. F. Mac Nair*, *Far Eastern International Relations*, Boston 1931, стр. 296—297.

Утверждения Фильмора, кстати сказать, полностью опровергаются заявлениями видных деятелей американского правительства, не рассчитанными на широкую публику. Морской министр США, например, в своём ежегодном отчёте с предельной откровенностью говорил об истинных целях экспедиции в Японию. «Открытие Японии стало необходимостью, — без обиняков заявлял он, — которая осознаётся торговыми кругами всех христианских государств и которую в Америке глубоко ощущает каждый владелец китобойного судна и каждый купец, занимающийся торговлей между Калифорнией и Китаем». Морской министр утверждал далее, что «настал день, когда Европа и Америка почувствовали настоятельную необходимость потребовать от Азии и Африки прав на уважение, помощь и поддержку». Ведущую роль в предъявлении этих требований должны сыграть, по мнению морского министра, Соединённые Штаты. «Правительству Соединённых Штатов выпало счастье встать во главе этого движения, и это может рассматриваться как одна из самых надёжных гарантий успеха в этом деле...»¹, — заявлял морской министр, не считая нужным скрывать планы американских экспансионистов.

Весть о подготовке в США экспедиции, направляющейся в Японию, быстро разнеслась по всему миру, и многие видные исследователи стран Востока выразили своё желание принять в ней участие. Однако Перри категорически отверг все просьбы учёных о включении их в состав экспедиции.

Официальная американская историография объясняет этот отказ тем, что на кораблях не было, дескать, места для учёных, привыкших к комфорту, для их инструментов и семьи, которую они, быть может, пожелают взять с собой, что гражданским лицам было бы трудно подчиняться суровой морской дисциплине и что, наконец, это могло бы не только создать некоторые трудности для Перри, но и подорвать его авторитет.

Однако истинной причиной такого стремления коммодора избавиться от посторонних наблюдателей являлись, вне всякого сомнения, агрессивные цели экспедиции. Понятно, что ни сам коммодор, ни правительство США не же-

¹ «32-nd Congress, 2-nd Session. Appendix to the Congressional Globe», v. XXVII, Washington 1953, стр. 9.

лали допускать просачивания информации о действиях эскадры, отправляющейся на завоевание новой колонии. В интересах соблюдения полной секретности всем членам экспедиции было не только запрещено передавать какие-либо сведения о передвижениях эскадры в газеты или в журналы, но и упоминать об этом в частных письмах, которые к тому же подлежали строгой цензуре. В приводимой выше инструкции, вручённой Перри, морской министр Кэннеди писал: «Вы предпримете всем Вашим подчинённым воздержаться от упоминания об этом в их письмах друзьям. Журналы и личные записи офицеров и других лиц, входящих в состав экспедиции, должны рассматриваться как принадлежащие государству до тех пор, пока не будет получено разрешение Морского департамента на их опубликование»¹. Тайна, которой была окружена экспедиция в Японию, лишней раз свидетельствует о том, что она отнюдь не носила мирного характера.

Для участия в экспедиции было выделено 12 кораблей. Флагманом был назначен паровой фрегат «Миссисипи» водоизмещением в 1 692 т, который имел 300 человек экипажа. В эскадру вошли паровые фрегаты «Аллеган», «Паухэтэн», «Вермонт», «Сасквехана», парусные военные корабли «Вандалия», «Саратога» и «Плимут», корвет «Македонизэн» и вооружённые транспорты «Сэплай», «Лексингтон» и «Саутгемптон». Часть этих кораблей находилась в Восточной Азии.

24 ноября 1852 г. Перри на флагмане «Миссисипи» покинул Норфольк. Остальные корабли должны были присоединиться к нему уже на Дальнем Востоке. В день отплытия флагманский корабль посетили президент Фильмор и морской министр Кэннеди, что говорило о том большом значении, которое придавалось экспедиции американским правительством.

Вскоре эскадра бросила якорь у острова Мадэйра. Пополнив здесь запасы угля, экспедиция мимо Канарских островов направилась к острову св. Елены, миновала затем город Кэптаун и острова св. Маврикия и, оставив позади себя остров Цейлон, 25 марта 1853 г. прибыла в Сингапур. В апреле того же года Перри побывал в Гонконге, Макао и Шанхае, а 16 мая направился с частью эскадры к островам Рюкю. «Плимут» и другие корабли были остав-

¹ *Walworth*, цит. соч., стр. 248.

лены коммодором в Китае для поддержания новых требований о расширении прав и привилегий американцев, которые были предъявлены американским послом в Китае Маклайном цинскому правительству.

Эскадра Перри не случайно взяла курс на острова Рюкю. Их важное стратегическое положение давно привлекало командование американского флота, мечтавшее захватить один из островов или хотя бы создать здесь военноморскую базу. У Перри был заранее разработан план вторжения на острова Рюкю, согласованный в общих чертах с морским министром. Излагая детали этого плана, коммодор писал в Вашингтон 14 декабря 1852 г., что предлагает оккупировать «главные порты этих островов для удобства военных судов»¹. В своей ответной депеше от 15 февраля 1853 г. государственный секретарь Эверетт, занявший этот пост в ноябре 1852 г., обещал полную поддержку коммодору. «Президент согласен с Вами в том, что в высшей степени желательно, даже, вероятно, необходимо для безопасности Вашей экспедиции, чтобы Вы захватили один или более портов из наиболее доступных для стоянки наших кораблей... — говорилось в этом официальном документе. — Президент согласен с Вами в том, что легче всего Вы добьётесь этой цели на островах Рюкю. С точки зрения их положения они хорошо приспособлены для этой цели...»²

Прибыв на Рюкю в мае 1853 г., Перри прежде всего обосновался в порту Наха на острове Окинава, который он сделал базой своих действий против Японии.

Коммодор побывал и на другой группе островов, расположенной недалеко от её восточного побережья, — на островах Бонин, где также создал базу для своей эскадры.

Укрепив свои, так сказать, тылы, Перри решил, наконец, направиться в Японию, чтобы осуществить главную цель экспедиции — обеспечить американскому капиталу широкие возможности для эксплуатации японского рынка и закабаления японского народа.

¹ Narrative of the Expedition of an American Squadron to the China Seas and Japan, performed in the Years 1852, 1853 and 1854 under the Command of Commodore M. C. Perry, U. S. Navy, by Order of the Government of the United States. Compiled from the Original Notes and Journal of Commodore Perry and his Officers at his Request and under his Supervision by Francis L. Hawks, New York 1857, стр. 85 (далее в сносках — Hawks, цит. соч.).

² Там же, стр. 87.

3. ЯПОНИЯ В СЕРЕДИНЕ XIX ВЕКА

В первой половине XIX века, когда волна колониальной экспансии крупнейших капиталистических держав обрушилась на Дальний Восток и докатилась до берегов Японии, «Страна Восходящего Солнца», как называли её в старинных летописях, переживала жесточайший экономический и политический кризис феодализма.

До конца XVI столетия в Японии не существовало централизованного феодального государства. Император считался номинальным сюзереном всех феодалов, но в силу исторически сложившихся условий почти совсем не имел своих земель и не пользовался никакой политической властью. Фактически власть в стране принадлежала отдельным феодалам, которые были полноправными царьками в своих княжествах.

Раздроблённость Японии, множество пограничных барьеров между отдельными княжествами, постоянные междоусобные войны— всё это в значительной мере тормозило развитие торговли и ремесла и вело к деградации земледелия. Развивающиеся производительные силы требовали простора. Возникла необходимость в создании централизованного государства, способного создать минимально необходимые предпосылки для развития сельского хозяйства, ремесла и торговли.

С другой стороны, по мере развития производительных сил и усиления степени эксплуатации крестьянства бунты эксплуатируемых принимали всё более и более грозный размах. Они стали перерастать границы отдельных княжеств. В середине XV века по всей стране прокатилась волна мощных выступлений крестьян, жестоко страдавших от непосильных поборов, феодального произвола и постоянных войн. В 1441, 1447, 1451, 1457, 1461 и 1467 гг. в восстаниях участвовали десятки тысяч крестьян. Восставшие жгли владения своих князей, уничтожали долговые записи и обязательства, убивали ненавистных старост. О размахе и силе крестьянских выступлений в эти годы можно судить, например, по восстанию в провинции Ямасиро. Здесь поднявшиеся против своих угнетателей крестьяне совместно с частью мелких самураев, ремесленников и торговцев разбили войска своего князя Хатакэяма и установили выборную народную власть, которая несколько лет просуществовала на территории этой провинции.

Мощные крестьянские восстания, с которыми были уже не в силах справиться отдельные феодалы, порождали у последних стремление к объединению сил в совместной борьбе за сохранение своих позиций. Однако эти стремления, разумеется, были не в силах преодолеть сепаратизм отдельных феодальных князей, не желавших расставаться хотя бы с частицей своей власти. Для создания централизованного государства необходимо было применить насилие, заставить феодалов подчиниться сильнейшему.

В середине XVI века на политической арене появились так называемые объединители Японии — Ода Нобунага, Тоётоми Хидэёси и Токугава Иэясу. Они последовательно разгромили отдельных непокорных феодалов, что позволило создать в первой половине XVII века сильное централизованное государство.

Основной задачей централизованного государства было укрепление господства класса феодалов и подавление борьбы крестьянства. «Для удержания своего господства, — указывал В. И. Ленин, — для сохранения своей власти помещик должен был иметь аппарат, который бы объединил в подчинении ему громадное количество людей, подчинил их известным законам, правилам, — и все эти законы сводились в основном к одному — удержать власть помещика над крепостным крестьянином. Это и было крепостническое государство...»¹

Централизованное феодальное государство, образовавшееся в начале XVII века, просуществовало в Японии более двух с половиной веков, вплоть до буржуазной революции 1867—1868 гг. Являясь могущественной материальной силой, мощным аппаратом принуждения в руках эксплуататоров, оно использовалось ими прежде всего для сохранения и упрочения своего господства.

Феодальная верхушка в Японии состояла из нескольких различных групп, стоявших на разных ступенях феодальной иерархии.

Фактическим правителем страны в XVII веке — первой половине XIX века был феодальный дом Токугава. Рост его могущества связан с именем Токугава Иэясу, который в 1585—1603 гг. разгромил своих противников, захватил их земли и провозгласил себя в 1603 г. сёгуном. Этот титул в древности означал «военачальник»,

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 29, стр. 445.

«главнокомандующий». Он давался первоначально командующему императорской армией. Однако уже начиная с XII века сёгуны из домов Минамото (1192—1333 гг.), Асикага (1335—1572 гг.) и Токугава (1603—1868 гг.) постепенно концентрировали в своих руках всю власть и полностью изолировали императорский двор от политической жизни. Дому Токугава принадлежала в XVIII веке почти четвертая часть всей земельной площади страны. Поскольку земля была основным средством производства в феодальной Японии, то сёгуны Токугава, естественно, были богатейшими феодалами. На их долю падала в эти годы треть общего годового дохода Японии: 4 млн. коку риса из 11 млн. коку (1 коку риса равен 160 кг).

Остальная земля находилась в основном в руках 252 феодальных князей — даймё (дословно — «большое имя», т. е. важный, богатый человек), которые владели различными по величине земельными участками. Вот данные о размерах доходов отдельных групп даймё в 50-х гг. XIX в.¹:

Годовой доход княжества	Количество княжеств
От 10 000 до 25 000 коку	113
» 25 000 » 50 000 »	51
» 50 000 » 150 000 »	65
» 150 000 » 300 000 »	12
Более 300 000 »	11

Как видно из этой таблицы, феодальные князья далеко уступали дому Токугава по размерам годового дохода. Лишь 11 крупнейших феодалов, имевших обширные поместья и большое количество вассалов, обладали относительной самостоятельностью. Подавляющее же большинство феодалов было полностью зависимо от сёгуна.

Ступенькой ниже феодальных князей стояли на иерархической лестнице их вассалы, а также вассалы сёгуна — самураи (от глагола «самурау» — служить, т. е. «служилые люди»). Они состояли в дружинах феодалов и

¹ «Мэйдзи ниси си» (Исследование по истории революции Мэйдзи), Токио 1936, стр. 117—118.

получали от них либо земельные участки, либо, в подавляющем большинстве случаев, так называемую «рисовую стипендию» — особый рисовый паёк. Самураев в Японии было большое количество. В конце XVIII века их насчитывалось около 1,8 млн. человек.

В состав класса феодалов входили ещё служители церкви и придворная аристократия, составлявшая окружение императора.

Все феодалы жили за счёт основного производительного класса страны — крестьянства. Считаясь собственниками земли, они сами, как правило, не вели хозяйства. Земля крошечными участками сдавалась в аренду крестьянам, которые должны были отдавать феодалу в качестве арендной платы от 60 до 90% урожая.

Наличие крупного землевладения и мелкого землепользования является типичной чертой феодального общества. К. Маркс указывал, что «...феодальное производство характеризуется разделением земли между возможно большим количеством леннозависимых крестьян»¹. В этом смысле Маркс в середине XIX века обращал особое внимание на Японию, как на страну типично феодальную. «Япония, — писал Маркс, — с ее чисто феодальной организацией землевладения и с ее широко развитым мелкокрестьянским хозяйством дает гораздо более верную картину европейского средневековья, чем все наши исторические книги, проникнутые по большей части буржуазными предрассудками»².

Могущество феодалов определялось числом леннозависимых крестьян. Поэтому одной из основных задач феодального государства Токугава было прикрепление крестьян к земле, запрет каких-либо перемещений, чтобы не допустить ухода крестьян из деревни и сокращения тем самым доходов феодалов.

Сёгунатом было разработано множество всякого рода законодательных мер, сущность которых сводилась к запрещению крестьянам совершать какие-либо сделки с землёй (указ 1643 г., запрещающий «на вечные времена» куплю-продажу земли и др.), переходить от одного феодала к другому, переезжать с места на место, уходить в города и т. д. Крестьянин пользовался из поколения в поколение

¹ К. Маркс, Капитал, т. I, стр. 722.

² Там же, примечание 192.

участком, полученным от предков данного феодала, и был по сути дела прикреплен к этому участку, хотя феодал и не имел права покупать или продавать крестьян. «Вечная аренда» в этом смысле представляла собой одну из форм крепостничества.

В случае если крестьяне, стремясь вырваться из-под ига феодалов, поднимали восстание, против них обращалась объединенная сила всего класса феодалов, сконцентрированная в руках государства.

Японские феодалы стремились сохранить своё господство над эксплуатируемым крестьянством, используя вооруженную силу, право и другие рычаги государственной власти.

Немалую угрозу господству дома Токугава представляло появление в середине XVI века иностранцев, которые начали с насаждения христианства, а затем перешли к снабжению отдельных феодалов огнестрельным оружием с целью усиления своего влияния в южных и юго-западных районах страны. Широкое проникновение в страну чужеземных завоевателей с их новой религией и новым оружием могло усилить сепаратизм отдельных феодалов и значительно подорвать влияние центральной власти. Кроме того, создавалась непосредственная угроза превращения Японии в колонию европейских государств. Поэтому первые сёгуны из дома Токугава — Иэясу, Хидэтада и Иэмицу — встали на путь ограничения, а затем и полного запрещения каких бы то ни было связей с иностранцами. С 1638 г. была установлена почти полная изоляция Японии от внешнего мира. Только голландцам было разрешено сохранить свою факторию на острове Дэсима в районе города Нагасаки и раз в год присылать в Японию торговый корабль. Не считая контрабандной торговли с Китаем и Кореей, это была единственная ниточка, связывавшая страну с внешним миром, и единственный источник информации о положении на земном шаре.

Таким образом, сёгунат Токугава делал всё возможное, чтобы сохранить неизменным феодальный базис, чтобы предотвратить разложение феодальных производственных отношений и максимально ослабить сопротивление крестьянства, а также не допустить каких-либо перемен, причиной которых могли бы быть связи с другими странами. Именно по этим двум основным направ-

лениям — жестокой внутренней реакции и строгой внешней изоляции — и осуществлялось сдерживающее, тормозящее, консервирующее влияние сёгуната Токугава как феодального государства на развитие производительных сил в феодальной Японии. Однако надстройка не в состоянии была полностью остановить неизбежный исторический процесс и помешать действию имманентных законов развития общества. Несмотря на все препятствия, чинимые феодальным государством, в Японии, как и во всех других странах, феодализм не мог оставаться неизменным. Он раздирался внутренними противоречиями, обострение которых вело к разложению всего феодального режима. Подспудные процессы, протекавшие в недрах феодальной Японии, должны были в конечном счёте привести к зарождению нового, капиталистического базиса.

Уже в конце XVII века в Японии наблюдается идущий быстрыми темпами процесс разложения натурального хозяйства и развития товарно-денежных отношений, в основе которого лежал рост производительных сил. Усилилась специализация отдельных районов, выросло значение ремесла. Всё большую роль стало играть денежное хозяйство¹.

Развитие торговли и ремесла и рост внутреннего рынка расширяли потребности феодала в деньгах. С другой стороны, по мере развития торгово-ростовщического капитала происходило определённое перераспределение получаемой с крестьян ренты: часть её уплывала из рук феодала в кошельки третьего сословия. Испытывая постоянную нужду в деньгах, господствующий класс увеличивал, используя своё феодальное право на землю, и без того высокую степень эксплуатации крестьянства.

Наряду с повышением арендной платы феодалы вводили всё новые и новые налоги или обязательные подношения. Налогами были обложены колёса водяных мельниц в зависимости от их размеров; крестьяне платили налог с прудов, в которых уже давно не было рыбы, платили за опавшие листья, которые они собирали в лесу феодала,

¹ «Золотые и серебряные монеты появились в обращении в годы Кэйтё (1596—1614 гг.) и Гэнва (1615—1623 гг.) вместо прямого обмена товарами, а в годы Гэнроку (1688—1703 гг.) монеты были в обращении даже в сельских районах...» (M. A. Thomas and S. Kouyama, *Commercial History of Japan, Tokyo 1936, стр. 97*).

и т. д. Начиная с первой половины XVIII века феодалы стали требовать, чтобы всё большая часть налогов и арендной платы выплачивалась им звонкой монетой. Отработки также часто заменялись денежным налогом.

От феодальных князей не отставало и правительство сёгуна — бакуфу. Оно обложило денежными налогами рыночную торговлю шёлком, хлопком, ремесленными изделиями и другими товарами. В столице сёгунов городе Эдо с 1696 г. был введён подомовой налог в размере 3 бу (мелкая золотая монета, весившая около 5 граммов) с каждого кэн (1 кэн=1,8 м) фасада дома. Денежными налогами облагались морские и речные суда, китобойный промысел (с 1712 г. — 5% от стоимости убитого кита), различного рода производства — изготовление рисовой водки — сакэ, соеварение и т. п. Большие налоги должны были платить цехи ремесленников и гильдии купцов. Всего в XVIII веке денежные поступления составляли 15—20% от общей суммы доходов бакуфу.

Развитие товарно-денежных отношений сопровождалось увеличением степени эксплуатации крестьян феодалами, отбиравшими у них до 90% урожая. Японский экономист-аграрник Оно Такэо, собравший данные о положении в деревнях в различных провинциях Японии, приводит следующие интересные цифры, дающие представление о грабеже крестьянства феодалами в конце XVIII в. ¹:

Название местности	Сбор рйса с 1 тана (в коку) ²	Налог и арендная плата (в коку)	Остаток арендатору	
			в коку	в %
Деревня Хирадзава (провинция Акита)	1,8	1,246	0,554	30
Деревня Тадзима (провинция Фукусима)	2,0	1,5	0,5	25
Деревня Оногути (провинция Сидзуока)	1,6	1,2	0,4	25
Деревня Такава (провинция Оита)	2,52	2,1	0,42	17

¹ Оно Такэо, Токугава дзидай-но нока кэйдзай (Экономика крестьянских хозяйств в эпоху Токугава), Токио 1926, стр. 80—82.

² 1 тан = 0,099 га.

Естественным следствием жестокой эксплуатации крестьянства было разорение его основной массы. Крестьяне были вынуждены закладывать и продавать единственную имевшуюся у них ценность — участки арендуемой земли — и уходить на новые места в поисках работы и пропитания. «По вычислениям Фудзита Юоку, — пишет японский историк Такидзава, — уменьшение сельского населения во владениях Мито за 21 год между 11-м годом Кёхо и 4-м годом Энкё (1726—1747) составило 30 000 человек, а ещё через 30 лет — 90 000 человек. Мацудаира Саданобу утверждал, что только в его владениях сельское население уменьшилось между двумя последовательными переписями годов Тэммэй (1781—1788) на 1,4 млн. человек»¹.

Даже если эти цифры не совсем точны, то всё же они дают общее представление о том, какой грандиозный размах приняло в конце XVIII века обезземеление крестьянства и непосредственно связанное с ним бегство крестьян из деревни в город.

В Японии мы находим, таким образом, прекрасную иллюстрацию к известному указанию В. И. Ленина о том, что «развитие товарного хозяйства означает, следовательно, *eo ipso* (тем самым. — *Ред.*) отделение все большей и большей части населения от земледелия, т. е. рост промышленного населения на счет земледельческого»².

Этот процесс шёл несмотря на то, что феодальное государство стремилось путём ряда законодательных мер и применения репрессий привязать крестьянство к земле, не допустить ослабления экономического влияния и могущества господствующего класса феодалов, которое, как указывал К. Маркс, определяется «не размерами их ренты, а числом их подданных, а это последнее зависит от числа крестьян, ведущих самостоятельное хозяйство»³. Сёгунат в течение всего периода своего существования неоднократно издавал указы, категорически запрещавшие куплю-продажу земли, а также дробление мелких участков, приводящее к их нерентабельности. Закон 1722 г., например, гласил: «Крестьянину, имеющему менее 10 коку риса до-

¹ *Takizawa Matsuyo*, *The Penetration of Money Economy in Japan and its Effects upon Social and Political Institutions*, New York 1927, стр. 81.

² *В. И. Ленин*, Соч., т. 3, стр. 18.

³ *К. Маркс*, *Капитал*, т. I, стр. 722.

хода в год или владеющему участком менее 1 тѣ (1 тѣ = =0,99 га), запрещается выделять участки из своей земли. Этот закон несколько раз провозглашался в прошлом, но тем не менее много сделок совершалось тайно. С настоящего времени разрешается выделять землю только хозяйствам, получающим более 10 коку дохода. Крестьянину, имеющему менее 10 коку, строго запрещается делить свою землю при каких бы то ни было обстоятельствах. Поэтому те, кто находится у него на иждивении, должны либо работать с ним вместе, либо поступить в услужение к другим»¹.

Однако никакие указы сѣгуната не могли предотвратить продажу земли и уход крестьян из деревни. Продолжалось и дробление крестьянских хозяйств. Японский прогрессивный историк Хани Горо приводит, например, следующие данные о размерах земельной площади крестьянских хозяйств в деревне Тэраяма, провинции Осуми²:

Год	Безземельных хозяйств	Хозяйств, имеющих					Всего
		менее 6 тан	от 6 тан до 1 тѣ	от 1 тѣ до 3 тѣ	более 6 тѣ	более 8 тѣ	
1706 . .	5	11	12	11	—	1	40
1852 . .	3	40	13	8	1	—	65

Как видно из этих данных, общее количество дворов в деревне возросло за 150 лет на 62,5% за счёт дворов, владеющих мизерными участками—размером менее 6 тан. Если количество дворов, владеющих участками менее 1 тѣ или совсем не имеющих земли, составляло в 1706 г. 70% от общего количества дворов в деревне, то в 1852 г. они составили уже 86,15%. Такова картина, характерная для японской деревни конца XVIII — первой половины XIX века.

Развитие товарно-денежных отношений, разложение натурального хозяйства и создание внутреннего рынка были неразрывно связаны с ростом городов, которые постепенно стали центрами сосредоточения цехового ремесла и

¹ Takizawa, цит. соч., стр. 116.

² Хани Горо, Бакумацу-ни окару сякай кэйдзай дзётэй кайкю канкэй оёби кайкю тосо (Социально-экономическое положение, классы и классовая борьба в период Бакумацу), Токио 1932, стр. 19.

основными, узловыми пунктами торговли. Крупнейшие города страны насчитывали в конце XVIII века по несколько сот тысяч человек населения. В городе Эдо (после 1868 г. — город Токио), столице сёгунов Токугава, в 1721 г. жило, по данным переписи, более 500 тыс. человек. Более 660 тыс. человек насчитывалось в начале XVIII века в основном экономическом центре Японии — городе Осака.

Крупные города были главными центрами торгово-ростовщической буржуазии, финансовое могущество которой росло необычайно быстро.

Известен, например, случай, когда в 1771 г. 24 осакских купца за 2 месяца сумели предоставить сёгуну Иэхара заём в 1 700 тыс. рё золотом, что представляло в то время громадную сумму. В годы Тэмпо (1830—1843) в Японии насчитывалось более 50 купцов, обладавших капиталом более 200 тыс. рё каждый.

По подсчётам японских экономистов, к концу XVIII века в руках представителей торгово-ростовщического сословия сосредоточилась значительная часть всего богатства страны¹. Оптовики и ростовщики опутали цепями финансовой зависимости все слои общества. Не говоря уже о крестьянах, и самураи и даже князья были у них в долгу. «В конце годов Тэмпо, — писал японский историк Цутия Такао, — три миллиона коку риса из четырёх, которые даймё вывозили на центральные рынки и которые давали большую часть их денежного дохода, отбирались осакскими купцами в качестве процентов на одолженные ими 60 млн. рё»².

Торгово-ростовщический капитал получил, таким образом, в Японии исключительно большое развитие. Это было непосредственно связано с очень низким уровнем развития производства в стране, с общей отсталостью её экономики. «Чем менее развито производство, — писал Маркс, — тем более денежное имущество концентрируется в руках купцов...»³

¹ Японский экономист XVIII века Хонда Рймэй считает даже, что представители торгово-ростовщического сословия владели ¹⁶/₁₇ всего богатства страны. Эта цифра, несомненно, значительно преувеличена. См. *Takizawa*, цит. соч., стр. 104.

² *Цутия Такао*, *Хокэн сякай хокай катэй-но кэнкю* (Исследование процесса разложения феодального общества), Токио 1927, стр. 41.

³ *К. Маркс*, *Капитал*, т. III, Госполитиздат, 1954, стр. 338.

В истории смены феодальной формации капиталистической торгово-ростовщический капитал сыграл в Японии диалектически противоречивую роль.

С одной стороны, он способствовал разложению феодализма, участвуя в ограблении крестьянства и ускоряя темпы его обезземеливания. Торгово-ростовщический капитал подрывал также основы экономического господства феодалов, отбирая в свою пользу значительную часть прибыли от эксплуатации крестьянства. Его развитие создавало, наконец, известные предпосылки для возникновения капиталистического производства в виде концентрации крупных денежных сумм в руках отдельных лиц. «Его существование и развитие, — писал Маркс о купеческом капитале, — до известной высоты само является историческим условием для развития капиталистического способа производства, 1) как предварительное условие концентрации денежного имущества и 2) потому что капиталистический способ производства предполагает производство для торговли, сбыт в крупных размерах и не отдельным покупателям, а следовательно уже предполагает купца, который покупает не для удовлетворения своих личных потребностей, но в своем акте купли концентрирует акты купли многих лиц»¹.

С другой стороны, торгово-ростовщический капитал, способствуя разложению феодального способа производства, в то же время тормозил этот процесс, консервировал старые, феодальные производственные отношения. Сконцентрировав в своих руках громадные богатства, он не желал изымать их из сферы обращения и направлять в сферу производства, пока развитие производительных сил не обеспечит здесь более высокой прибыли. Верхушка торговцев и ростовщиков в Японии оказалась самым тесным образом связанной с феодальным государством, охранявшим в значительной мере её интересы. Сёгунат помогал торгово-ростовщическому капиталу путём создания гильдий монополизировать внутренний рынок и защищал его как от бунтов городского плебса, так и от конкуренции аутсайдеров. Поэтому торгово-ростовщический капитал, объективно способствуя разложению феодального строя, в то же время оказался заинтересованным в сохранении феодального режима, в консервации старых порядков.

¹ К. Маркс, Капитал, т. III, стр. 339.

По мере развития товарно-денежных отношений в Японии наблюдается ясно выраженная специализация отдельных районов.

«В настоящее время, — писал в 1820 г. японский экономист Ямаката Хосю, — одни провинции знамениты производством риса, другие — хлебных злаков, третьи — тканей, четвёртые — бумаги, леса и т. п. Таким образом, большинство провинций стало производить в больших количествах один или два вида товаров и перестало изготавливать другие товары; эти провинции посылали свои продукты в города и обменивали их на необходимые им товары»¹.

Усиление специализации отдельных районов Японии увеличивало роль торгового капитала в деле обеспечения связи между ними. Причём по мере развития средств производства и роста производительности труда купцы стали проявлять всё больший интерес непосредственно к производству. В погоне за прибылью они уже не ограничивались только скупкой производимых в различных местах товаров, а стали вмешиваться также и в процесс изготовления особенно интересующих их товаров, диктуя вид, количество и качество. Домашняя промышленность и ремесло постепенно попадали под контроль купцов-скупщиков, которые опутывали мелких производителей сетью финансовой зависимости и отрывали их от рынка.

Во второй половине XVIII века почти во всех районах Японии получила распространение так называемая «система предварительной отдачи в долг» (дзэнтай сэйдо), которая представляла собой не что иное, как специфическую форму капиталистической работы на дому.

Действовала эта система следующим образом. Гильдии купцов вступали в связь с тем или иным местом производства интересовавших их товаров, на которые был особенно большой спрос на рынках, и делали заказы на изготовление определённой продукции. Производители получали при этом сырьё от скупщика и обязывались сдать установленное количество товаров к назначенному сроку. Агенты гильдий систематически разъезжали по провинциям и следили за точным выполнением соглашений производителями.

¹ См. *Takizawa*, цит. соч., стр. 59—60.

Раньше всего эта первичная форма капиталистического производства появилась в районах изготовления пряжи и ткани. Уже в середине XVIII века в ряде мест Японии купцы-скупщики стали снабжать сырьём женщин в деревнях, а последние сдавали им готовую продукцию, получая за проделанную работу определённую плату деньгами или же необходимыми им товарами.

«В районе Осака, — писал историк Мори Киити, — между купцами и производителями хлопка действовала «система предварительной отдачи в долг». В районах Исэ и Оми купцы платили вперёд деньги за ткани и привозили тем, кто их изготовлял, различные товары из города; затем они получали готовые ткани, отвозили их на лодках в Эдо и там продавали»¹.

Аналогичная система существовала и в производстве шёлковых тканей. В районах Тоттиги и Фукусима, например, купцы-скупщики снабжали крестьян на дому сырыми коконами. Крестьяне производили размотку коконов и пряли пряжу, которая сдавалась затем скупщикам, уплачивавшим за работу определённое вознаграждение. «Такая система («предварительной отдачи в долг». — Д. II.) с конца периода Токугава стала господствующей в производстве пряжи, — писал Хани Горо. — Скупщики раздавали коконы женщинам и детям в деревнях, которые за определённую плату пряли пряжу»².

Итак, в XVIII веке в Японии начинается процесс превращения купца-скупщика в капиталиста. Основные этапы этого процесса, основные формы, которые приобретал торговый капитал в ходе превращения в капитал промышленный, совпадали в основном в Японии с теми этапами и формами, которые были гениально вскрыты В. И. Лениным в результате анализа развития капитализма в России.

Капиталистическая работа на дому была в Японии самым тесным образом связана с мануфактурой.

Предприятия мануфактурного типа появились в Японии примерно в конце XVIII века в непосредственной связи с развитием товарно-денежных отношений и расширением внутреннего рынка, потребности которого уже не могли удовлетворить ремесленные цехи. Раньше всего

¹ Мори Киити, Ниппон сихонсюги хассэй си (История возникновения капитализма в Японии), Токио 1935, стр. 87.

² Хани Горо, цит. соч., стр. 59.

возникла мануфактура в текстильном производстве. Крупные шелкоткацкие мануфактуры были созданы, например, в провинции Кодзукэ, в районе города Кириу, который после незавершённой буржуазной революции 1867—1868 гг. развился в крупнейший центр шелкоткацкой промышленности. Всего здесь в 1846 г. насчитывалось, по данным японского историка Цутия Такао, 267 шелкоткацких предприятий, на которых работало 5—6 тыс. ткацких станков¹.

Появились также мануфактуры в производстве хлопчатобумажных и льняных тканей. Известно, например, что крупная хлопчатобумажная мануфактура находилась в деревне Исида, уезда Нью, провинции Этидзэн. Большая льноткацкая мануфактура была расположена в деревне Миябу, уезда Кандзаки, провинции Оми. Здесь работало более 500 станков, а изготовлявшееся льняное полотно продавалось на рынках в Осака.

Мануфактура существовала в Японии в конце XVIII—начале XIX века и во многих других отраслях производства. Широкое распространение она получила, в частности, в винокурении. Так, по данным правительственной инспекции, уже в конце XVII века в ряде уездов провинции Ивасиро, принадлежавших княжеству Аидзу, существовали предприятия по выработке японской рисовой водки — сакэ. В 1688 г. здесь насчитывалось 326 заведений, которые перерабатывали 5 905 коку риса, что составляло в среднем примерно 18 коку (около 2 700 кг) риса на предприятие. Более крупные предприятия, перерабатывавшие по 1 500—2 000 коку риса, существовали в городе Нада, а в городе Аоки было 6 заведений, которые перерабатывали в общей сложности 18 480 коку, т. е. по 3 080 коку на предприятие.

Несколько позже, чем в винокурении, появилась мануфактура в железоделательном производстве. Известен ряд железоделательных предприятий мануфактурного типа в районах Саниндо. Они состояли обычно из четырёх основных компонентов: выработок, где добывалась руда, предприятий по выплавке чугуна и стали, предприятий по выжигу древесного угля и, наконец, кузницы.

¹ Цутия Такао, Токугава дзидай-но манюфакча (Мануфактура в период Токугава), журнал «Кайдзо», сентябрь 1933 г., стр. 12. См. также Хани Горо, цит. соч., стр. 60—61.

О масштабах подобного рода предприятий можно судить, например, по железоделательной мануфактуре в деревне Кюсю, уезда Ано, провинции Ивами, которая имела 8 шахт и ежегодно давала 260 тыс. кан (975 т) чугуна и стали.

Существовали также мануфактуры в гончарном производстве. Большая мануфактура была, например, в княжестве Сага. На ней работало 47 человек различных специальностей. Процесс производства изделий был расчленён на ряд операций, каждую из которых делал определённый человек. На мануфактуре было занято 11 лепщиков на столах и 4 лепщика на гончарном круге, 9 художников, 16 обжигальщиков и 7 подсобных рабочих. Всего это предприятие давало в год 5 311 изделий различного вида и размера¹.

Всего в Японии к 1853 г. насчитывалось 309 мануфактур в различных отраслях производства. Из них до 1803 г. было создано 146, за 20 лет XIX века (1803—1823) — 57, а за следующие 30 лет (1824—1853) — уже 106².

От мануфактуры оставался лишь один шаг до капиталистического фабричного производства. Однако совершить этот шаг можно было только путём слома феодальных производственных отношений, которые уже стали сильнейшим тормозом на пути развития производительных сил.

Феодализм в Японии стоял на краю гибели. Он переживал серьёзнейший кризис, и его падение диктовалось исторической закономерностью развития общества. Одним из симптомов этого кризиса было резкое снижение темпов роста годового дохода Японии. Так, в среднем за годы Кэйтё (1596—1615) в год собиралось 11 млн. коку риса. В годы Гэвроку (1688—1704) годовой доход поднялся до 26 млн. коку, т. е. вырос за 100 лет на 136%. Если же взять средний годовой доход Японии за годы Тэмпо (1830—1844), то он составил всего 30 млн. коку. Другими словами, годовой доход страны примерно за 150 лет вырос всего на 16%.

Столь резкое падение темпов роста годового дохода красноречиво свидетельствует о кризисе феодализма в

¹ *Мори Киити*, цит. соч., стр. 103—104.

² *Ямада Сэйтаро*, *Когё-ни окэру сихонсюги-но тансётэки сёкэйтай манюфакча канай когё* (Первичные формы капитализма в промышленности — мануфактура и работа на дому), Токио 1932, стр. 6—7.

Японии, о неспособности сёгуната увеличить производство материальных благ ни за счёт освоения новых посевных площадей, ни за счёт повышения интенсивности сельского хозяйства.

О кризисе феодальной системы хозяйства в Японии со всей убедительностью говорит также падение прироста населения в стране в конце XVIII — начале XIX века и даже его абсолютное уменьшение в отдельные годы.

В 1600 г. население Японии составляло примерно 17 млн. человек. В 1721 г. оно возросло до 26 065 425 человек, т. е. выросло за 120 лет на 53%. В течение всего XVIII века и первой половины XIX века население страны почти не увеличивалось. Если сравнить 1721 г. и год последней переписи — 1846, когда в стране насчитывалось 26 957 625 человек, то мы увидим, что за 125 лет население Японии выросло лишь на 850 тыс. человек, или на 3,3%¹.

Столь мизерный прирост населения объяснялся в первую очередь жесточайшей эксплуатацией крестьянства феодалами и разорением основной массы крестьян, для которых воспроизводство семьи превратилось в недозволенную «роскошь». Не имея возможности прокормить себя, крестьяне прибегали даже к умерщвлению детей, ибо знали, что им всё равно не удастся их вырастить. «В 50—60-х годах XVIII века почти по всей стране стало обычаем прибегать к умерщвлению детей и абортам...»², — писал Хани Горо.

«Это ужасно, — читаем мы записи известного писателя того времени Сато Нобухиро, — что в деревне, состоящей из десяти дворов, ежегодно убивается более двух детей... Этот обычай больше всего распространён в провинциях районов Оу и Канто. В Тюкоку, на Сикоку и Кюсю аборты стали обычным явлением. Даже в провинциях районов Дава и Осю ежегодно умерщвляется 16 — 17 тысяч детей»³.

Таким образом, к середине XIX века экономическая база феодализма необычайно сузилась, и он оказался уже не в состоянии удовлетворять потребности японского общества.

¹ Хондаё Эйджиро, Дзинко оёби дзинко мондай (Население и проблемы народонаселения), Токио 1925, стр. 37—39.

² Хани Горо, цит. соч., стр. 23.

³ См. Хондаё Эйджиро, Токугава бакуфу-но бэйка тэсэцу (Регулирование цен на рис правительством сёгуна), Киото 1924, Приложение, стр. 39.

По мере развития товарно-денежных отношений и разложения феодального способа производства совершалась также определённая перестановка классовых сил на политической арене.

Значительные изменения произошли внутри господствовавшего класса феодального дворянства. Чем больше развивалось денежное хозяйство, тем больше углублялась пропасть, отделявшая феодальную аристократию — даймё и привилегированные слои самураев — от рядового самурайства, жившего исключительно за счёт получаемых от даймё рисовых стипендий. Испытывая всё большую нужду в деньгах, даймё не только усиливали эксплуатацию крестьян, но одновременно снижали также размеры выплачиваемых вассалам стипендий и сокращали численность своих дружин. Сотни тысяч самураев лишились привычных источников доходов. В поисках средств они пытались заниматься торговлей и ремеслом, а часть из них стала на путь разбоя и грабежа.

Параллельно с процессом упадка и разложения господствующего класса шло развитие торгово-промышленной буржуазии, которая сконцентрировала к середине XIX века в своих руках значительную часть денежного богатства страны. Несмотря на всю свою слабость, нерешительность, несмотря на свои тесные связи с феодальными элементами, японская буржуазия не могла всё же не стремиться к получению политических прав, соответствующих её экономическому могуществу.

Разложение феодального общества было ознаменовано постоянным нарастанием классовой борьбы эксплуатируемого крестьянства против эксплуататоров-феодалов. Из года в год росли масштабы и увеличивалось количество крестьянских восстаний, вспыхивавших одно за другим в различных районах Японии. За 100 лет — с 1603 по 1704 г. — произошло 80 крупных восстаний.

С середины XVIII века борьба крестьянства Японии приняла ещё более широкий размах. Она носила различные формы. Здесь и массовое бегство из деревни, и петиционное движение, и, наконец, высшая форма борьбы — восстание. Крестьянские восстания этих лет были вызваны не только усилением феодальной эксплуатации, но и гнётом торгово-ростовщической кабалы. Следовательно, они были направлены против всего строя феодальных производственных отношений. Только крупных восстаний за столетие с 1704

по 1803 г. было зарегистрировано 254, т. е. в 3 с лишним раза больше, чем в XVII веке.

Характерной чертой этих восстаний была их массовость. Очень часто они охватывали несколько деревень и даже целые уезды. В 1746 г., например, на борьбу поднялось население 10 деревень, принадлежавших сёгуну, в провинции Бунго. Крестьяне потребовали отменить новые налоги, сократить долю отбираемого у них урожая и т. д. Восстание приняло столь широкий размах, что местные власти были вынуждены удовлетворить часть предъявленных крестьянами требований. В условиях феодальной Японии это было серьёзным успехом крестьян.

Боевой характер носило выступление 84 тыс. крестьян в провинции Иваки, в северной Японии, в 1739 г. Основным требованием повстанцев была отмена денежного налога в 1 рё 3 бу, который крестьяне были вынуждены платить с каждых 100 коку дохода. Восставшие разгромили дома местных должностных лиц, и напуганный феодал был вынужден удовлетворить все их требования.

Важную роль в развитии крестьянского движения сыграло восстание в Курумэ (провинция Тикуго на острове Кюсю) в 1754 г., в котором приняло участие свыше 200 тыс. человек. Это восстание знаменательно прежде всего своей тщательной подготовкой. Инициативная группа заранее составила обращение, в котором крестьяне призывались к единству действий. Здесь же намечались и объекты нападений: было сказано, что будут разрушены 14 домов деревенских старост, 4 дома торговцев, квартал гейш, 6 домов различных должностных лиц и т. д. Это воззвание было распространено среди населения ряда деревень. 12 марта 1754 г. крестьяне подняли эмблему борьбы — шести с привязанными на концах пучками рисовой соломы. Разбившись на отряды, они начали громить дома наиболее ненавистных эксплуататоров, требуя уменьшения налогов и сокращения повинностей. Характерно, что, как сообщают японские источники, крестьяне выступали не с голыми руками. Они имели 1 800 ружей, 6 тыс. копий. Заранее были сделаны запасы продовольствия.

Восстание в Курумэ было подавлено правительством, которому удалось предварительно разъединить крестьян обещанием различного рода уступок. Но организованность восстания и его массовость говорят о том, каким гроз-

ным для сёгуната становилось движение угнетённого крестьянства.

Столь же внушительным, как и восстание в Курумэ, было выступление 200 тыс. крестьян в провинциях Симодзукэ, Кодзукэ и Мусаси против гужевой повинности.

К концу XVIII века феодальному государству Токугава лишь с большим трудом удавалось выполнять свою основную функцию — подавлять сопротивление эксплуатируемого большинства. Для его попыток всеми силами задушить крестьянское движение характерен указ от 1769 г. В указе, в частности, говорилось: «Нам стало известно, что крестьяне из Камигава собираются вместе для того, чтобы оказать сопротивление властям. Должны быть предприняты все меры, чтобы их подавить. Если, несмотря на все усилия, они не подчинятся, то их следует арестовать. Если князь не может справиться с восставшими собственными силами, то объединённым войскам сёгуна и данного князя предписывается приложить все силы, чтобы арестовать крестьян и передать их управляющему или главе княжества»¹.

Но никакие карательные меры не могли покончить с крестьянским движением. Оно развёртывалось всё с новой и новой силой. В 1771 г. восстали 23 тыс. крестьян и рыбаков в Карацу, в провинции Хидзэн, которые требовали снизить налоги и отменить пошлыны на право рыбной ловли. В 1773 г. произошло восстание крестьян в Такаяма, в провинции Бунго. В 1776 г. более 12 тыс. крестьян поднялись на борьбу против известного буддийского храма Коёсан, который пытался провести новое межевание полей с целью увеличения поборов с крестьян.

Сплошь и рядом феодальные дружины и правительственные войска оказывались не в состоянии подавить восстание. В декабре 1786 г., например, поднялись на борьбу крестьяне поместья Абэ, в княжестве Фукуяма. Восставшие потребовали отменить несправедливые, из года в год увеличивающиеся налоги. Власти княжества послали на усмирение несколько сот солдат, но повстанцы забросали их камнями и заставили их отступить.

Восставшие крестьяне громили склады продовольствия, уничтожали запасы риса, жгли дома старост. Однако

¹ *Takekoshi Yosoburo, The Economic Aspects of the History of the Civilisation of Japan, v. III, London 1930, стр. 138.*

слабость этого восстания, как и многих других в эти годы, заключалась в том, что в силу исторической обстановки крестьянство было неспособно чётко и ясно сформулировать свои требования. Крестьяне наивно верили, что их угнетают лишь местные феодалы, старосты и чиновники, а сёгун ничего не знает. Отсюда рождалась надежда, что достаточно будет лишь сообщить правителю страны о чинимых безобразиях, как он немедленно примет сторону крестьян и заставит удовлетворить все их требования. В петиции, посланной сёгуну, выдвигались требования: снизить непомерно высокие налоги, произвести переоценку урожая, уменьшить в соответствии с этим арендную плату и т. д. Особенно интересно отметить, что крестьяне требовали ликвидировать контроль монополистических объединений купцов над рынком хлопка, дававший купцам возможность за бесценок скупать хлопок у крестьян. Не дожидаясь ответа на петицию, более 20 тыс. крестьян собралось у замка князя, требуя выдачи ненавистного управляющего. «Голова управляющего дороже голов крестьян, и мы её отрубим»¹, — отвечали они на град пуль, которыми их осыпали защитники замка. Это восстание распространилось на соседние районы и лишь с большим трудом было подавлено правительственными войсками.

В конце XVIII — начале XIX века характерным явлением стало переплетение крестьянских восстаний с бунтами городской бедноты. Правда, между ними ещё не существовало организационной связи, но уже само их совпадение во времени создавало серьёзную угрозу для сёгуната.

В 1787 г., например, в результате спекуляции рисоторговцев в городах резко поднялись цены на рис. Японский писатель Бакин сообщал о событиях, современником которых он был: «В 1787 г. цены на рис поднялись ещё больше. Они сначала в два раза превысили обычный уровень, а затем в три и четыре раза. Соответственно подпрыгнули цены на ячмень, пшеницу и просо. Некоторые торговцы отказывались вообще продавать зерно. Положение усугублялось ещё тем, что оптовики и розничные торговцы скупали весь рис, чтобы получить большие при-

¹ *H. Borton, Peasant Uprisings in Japan during the Tokugawa period, Leiden 1936, стр. 56.*

были... Во многих случаях купцы хранили рис до тех пор, пока в нём не заводились черви»¹.

Толпы голодающих горожан в июле 1787 г. начали громить склады и дома рисоторговцев в Эдо. Войска, посланные для подавления восстания, были вынуждены отступить. Одновременно бунты вспыхнули в Осака, Киото и других городах. Они прекратились только после того, как весь рис из складов был распределён между восставшими.

Первая половина XIX века, когда до крайности обострились все противоречия феодального общества, ознаменовалась гигантским подъёмом крестьянского движения. Достаточно сказать, что только за 10 лет—с 1833 по 1842 г.—в Японии было зарегистрировано 99 крупных восстаний крестьян, т. е. больше, чем за весь XVII век. Но дело не только в числе восстаний. Их значение определялось количеством участников, которое часто превышало несколько десятков тысяч человек, и ростом числа охваченных восстаниями районов.

В 1811 г. произошло крупное восстание крестьян в районах Усуки и Окуяма, в провинции Бунго (остров Кюсю). Повстанцы требовали отменить монополию на продажу соли и других товаров и снизить на них цены. Под влиянием этого восстания в начале 1812 г. аналогичные выступления были отмечены в 10 других местах.

Крупное восстание произошло в 1813 г. в провинции Этиго, во владениях князя Маэда. В нём участвовало несколько тысяч человек, требовавших снизить грабительские налоги на воду для орошения полей и отменить приказания о разработке целинных земель. Эти требования повстанцев частично были удовлетворены.

Одно из крупнейших восстаний было отмечено в Миядзу, в провинции Танго. В ответ на дополнительное обложение подушным налогом всех от 7 до 70 лет крестьяне различных деревень, вооружённые топорами, лопатами и бамбуковыми пестами, двинулись в декабре 1821 г. к городу Миядзу, ворвались в него и начали громить лавки крупных рисоторговцев, винные склады и т. п. Местные власти, напуганные этим выступлением, объявили о готовности удовлетворить некоторые требования повстанцев.

¹ См. *J. Murdoch, A History of Japan, v. III, London 1926, стр. 398.*

Тогда крестьяне покинули город и разошлись по окрестным деревням, где продолжали уничтожать лавки богачей, жечь долговые записи и дома старост. Только на 6-й день повстанцы разошлись по домам, успокоенные обещаниями удовлетворить их требования. Тогда начались аресты; четыре вожака восстания были обезглавлены.

Массовый характер носило также восстание в провинции Кии в 1823 г. Оно характерно тем, что было направлено своим остриём против феодальных монополий, которые устанавливали цены как на продаваемые, так и на закупаемые у крестьян продукты. В результате действий этих монополий крестьяне были оторваны от свободного рынка и были вынуждены продавать свои товары за полцены, а покупать у кушцов втридорога. В восстании в провинции Кии приняло участие около 100 тыс. человек. Восставшие громили лавки торговцев рисом и сакэ, банкирские дома, рисовые биржи. Местные власти были вынуждены пойти на удовлетворение ряда их требований и временно разрешить ввоз риса из других районов.

Важное место среди выступлений эксплуатируемых масс Японии в первой половине XIX века занимает восстание городской бедноты и разорившегося самурайства в Осака в 1837 г. Во главе этого восстания встал Осие Хэйхатино. Будучи выходцем из самурайской семьи, Осие прежде всего стремился защитить интересы разложившегося и обедневшего самурайства. Но вместе с тем он высказывался за улучшение положения крестьянства, считая, что разорение основного производительного класса подрывает основы господства феодалов в целом.

Восстание в Осака вспыхнуло во время голода, вызванного неурожаем и спекуляцией оптовых торговцев. Осие Хэйхатино, занимавший должность начальника стражи, потребовал от наместника сёгуна в городе изъять излишки риса у оптовиков-спекулянтов Коноикэ и Мицуи и раздать его нуждающимся. Когда эти требования были отклонены, Осие продал свою библиотеку и вырученные деньги роздал голодающим. Он стал душой заговора, направленного на свержение власти сёгуната. Стремясь привлечь на свою сторону не только городские низы, но и крестьянство окрестных деревень, Осие выпустил специальное воззвание, в котором призывал покарать алчных чиновников,

ростовщиков и спекулянтов. 19 февраля 1837 г. группа ронингов (разорившиеся самураи, потерявшие, как правило, связь со своим княжеством; буквально — «человек-волна») и крестьян подожгла в Осака дома богачей, открыла рисовые склады и раздала рис населению. Затем повстанцы начали осаду замка, но действовали нерешительно, неумело и в конечном счёте были разбиты.

Воззвание Осю к крестьянству нашло широкий отклик в окрестных деревнях. 500 крестьян из Кавати и других районов пытались присоединиться к повстанцам, но они действовали разрозненно и также потерпели поражение.

Восстание в Осака под руководством Осю Хэйхатино, несмотря на поражение, оказало громадное влияние на развитие борьбы крестьянства и городской бедноты.

Крупные крестьянские восстания произошли в 1838 г. в провинции Каи, в 1843 г. в районе Киото, в 1840 г. в районе Сёнай, в 1842 г. в провинции Оми и т. д.

Крестьянские восстания, переплетаясь с бунтами городской бедноты, представляли собой серьёзнейшую опасность для сёгуната. Они подрывали устои феодализма. Они приближали день его гибели. Однако, несмотря на всё своё значение, крестьянские восстания не могли закончиться полной победой.

Слабость крестьянских восстаний заключалась в их стихийности. Они, как правило, не были предварительно подготовлены и вспыхивали под влиянием момента. Часто отсутствовало общее руководство. У крестьян не было ясных целей: они знали, что хотят улучшения своей жизни, но не знали, как именно это сделать, какие именно выдвинуть требования. Века феодального гнёта, указывал Ленин, «накопили горы ненависти, злобы и отчаянной решимости», однако «крестьянство, стремясь к новым формам общежития, относилось очень бессознательно, патриархально, по-юродивому, к тому, каково должно быть это общежитие, какой борьбой надо завоевать себе свободу, какие руководители могут быть у него в этой борьбе... Вся прошлая жизнь крестьянства научила его ненавидеть барина и чиновника, но не научила и не могла научить, где искать ответа на все эти вопросы»¹.

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 15, стр. 183, 184.

Крестьянские восстания, как правило, носили локальный характер. Соседние районы поднимались зачастую тогда, когда главные очаги выступлений уже были подавлены.

Чтобы крестьянские восстания одержали хотя бы частичную победу, необходимо было, чтобы во главе их стал революционный класс, который выдвинул бы ясную программу борьбы. Таким классом в то время могла быть промышленная буржуазия, но процесс её зарождения только начался. Без руководителя крестьянские восстания были обречены на неудачу.

Но, несмотря на все свои слабые стороны, борьба японского крестьянства и беднейших слоёв городского населения не пропала бесследно. Она ускорила процесс разложения феодализма. Её бурный размах говорил о назревании в Японии в середине XIX века революционной обстановки.

Так действовали имманентные законы развития общества в закрытой, изолированной от внешнего мира Японии. Так развивался, в самых общих чертах, кризис сёгуната. Япония стояла уже перед лицом буржуазной революции, когда у её берегов появилась американская военная эскадра, направленная сюда правительством США для захвата господствующих экономических и политических позиций, для порабощения японского народа.

Все последующие события, связанные с американским вторжением в Японию, будут непонятны, если абстрагироваться от внутреннего положения в стране. Без учёта создавшейся в Японии обстановки будут неясны причины позиции, которую заняли японские правящие круги в отношении американских притязаний, будет непонятна подоплёка нерешительности, двойственности действий сёгуната, оказавшегося полным банкротом как во внутренней, так и во внешней политике.

КОЛОНИЗАТОРСКАЯ ПОЛИТИКА
США В ЯПОНИИ

в 1853—1859 гг.

1. АГРЕССИВНЫЕ ДЕЙСТВИЯ
АМЕРИКАНСКОЙ ВОЕННОЙ ЭСКАДРЫ В ЯПОНИИ
(1853 г.)

Военно-морская эскадра под командованием Перри, отплывшая в конце 1852 г. из Соединённых Штатов, в июле 1853 г. подошла к берегам Японии.

8 июля 1853 г. многочисленные сторожевые посты японцев на побережье в районе залива Урага донесли в Эдо о появлении иностранных кораблей. К месту стоянки американской эскадры немедленно прибыл один из чиновников правительства Накадзима Сабуросуке, который потребовал ухода кораблей из Урага. «Поскольку по японским законам все дела с иностранными государствами могут вестись только в Нагасаки, — заявил Накадзима, — я прошу Вас направиться туда»¹.

Опираясь на мощь эскадры, снабжённой новейшим оружием, коммодор Перри решил начать переговоры с японскими представителями с требований и угроз. Он заявил, что «ни в коем случае не пойдёт в Нагасаки» и что он «должен вручить послание президента японскому императору именно здесь с соответствующими церемониями». Перри тут же пригрозил, что он не уйдёт, пока это не будет сделано².

В ответ на вторичное требование японцев покинуть Урага коммодор выразился ещё откровеннее, в полной мере раскрыв свои агрессивные замыслы. «Если японское правительство не находит нужным назначить соответ-

¹ *Токүтоми Итиро*, Кинсэй ниппон кокумин си (Новая история японского народа), т. 31, Токио 1929, стр. 52.

² См. *S. W. Williams*, A Journal of Perry Expedition to Japan, 1853—1854, «Transactions of the Asiatic Society of Japan», v. XXXVII, Part II, Yokohama 1910, стр. 51.

ствующее лицо для получения документов, адресованных императору, — заявил Перри, — то он, коммодор, долгом которого является доставить их, высадится на берег с достаточными силами и вручит их лично, каковы бы ни были последствия этого»¹.

Эти угрозы командующего американской эскадрой не были пустыми словами. Он действительно готов был открыть огонь в случае отклонения японцами американских требований. «Можно быть уверенным в том, что Перри готов был применить силу...»², — отмечал англичанин Муррэй. «С самого начала, — подчёркивал английский историк Мардох, — американцы показали японским должностным лицам, что они пришли с самыми серьёзными намерениями. Корабли были готовы к военным действиям: амбразуры открыты, боеприпасы заготовлены, команда на своих местах; сама эскадра так стала на якорь, что её орудия господствовали над всеми фортами и батареями вокруг Урага»³.

Даже официальный историограф экспедиции Гаукс вынужден был признать, что Перри не остановился бы перед применением силы для достижения своих целей. «Вопрос о высадке на берег с применением вооружённой силы, — писал Гаукс, — должен был быть решён в зависимости от хода событий... Чтобы быть готовым к худшему, коммодор приказал держать корабли в полной боевой готовности и проводить строевое обучение команды, как в период открытых военных действий»⁴.

Готовясь обнажить оружие, американцы, не теряя ни одной минуты, приступили к обследованию гавани Урага и разведке береговых укреплений японцев. Последние, как оказалось, были настолько слабы, что не представляли бы серьёзной помехи в случае высадки. «В районе стоянки, — писал главный переводчик экспедиции Вильямс в своём дневнике, — были видны 4 форта, один из которых — новой постройки; но на них было видно мало орудий, и они не представляли собой мощных укреплений»⁵.

Японские форты действительно были очень плохо вооружены. В 1850 г. градоправитель Урага Асано Нага-

¹ *Hawks*, цит. соч., стр. 238.

² *D. Murray, Japan, London 1914*, стр. 316.

³ *Murdoch*, цит. соч., стр. 577.

⁴ *Hawks*, цит. соч., стр. 235.

⁵ *Williams*, цит. соч., стр. 52.

тоси доносил правительству, что на фортах имеется всего 124 пушки, из которых лишь 8 превышают по калибру 5 дюймов. Большинство пушек стреляло ядрами весом всего в 500 моммэ (1 кг 875 г), но и их было лишь 10—15 штук на орудие. Недостаток орудий японцы пытались восполнить устройством ложных батарей, но обман очень скоро был раскрыт американцами ¹.

Действия правительства сёгуна — бакуфу в связи с прибытием американских кораблей ярко продемонстрировали его политическую, экономическую и военную беспомощность.

Уже в первый день появления эскадры Перри в Урага местные власти оказались не в состоянии справиться с паникой, начавшейся в городе. Один из должностных лиц, Иидзука Кумэсабуро, так описывал положение в Урага:

«Когда прибыли иностранные корабли, в городе началось смятение, купцы стали вывозить из города товары, и создался невероятный беспорядок. Бугё (градоначальник) успокаивал всех, говоря, что не следует поддаваться панике и что если случится что-либо серьёзное, то будут даны соответствующие приказания. Он уговаривал всех разойтись по домам и успокоиться, но его слова ни на кого не действовали, и все только готовились к тому, чтобы бежать из города. Кроме того, циркулировали разные слухи, народ страшно волновался, и никак нельзя было навести порядок» ².

Нет ничего удивительного в том, что бакуфу оказалось совершенно неподготовленным к вооружённой борьбе с американцами. Что оно могло сделать в условиях жесточайшего экономического и политического кризиса, в усло-

¹ О батареях из брёвен можно прочитать в дневнике великого русского писателя И. А. Гончарова, который посетил в августе 1853 г. Нагасаки на русском фрегате «Паллада». Своим обычным живым и красочным языком передаёт Гончаров разговор с одним из матросов: «Вот я на днях сказал ему, что «видел, как японец один поворачивает пушку, а вас тут, — прибавил я, — десятеро взолись около одной и насилу двигаете её». «Точно так, ваше высокоблагородие, — отвечал он, — куда нам! Намедни и я видел, что волной плеснуло на берег, вот на ту низенькую батарею, да и смыло пушку, а она и поплыла, а японец едет подле, да и толкает её к берегу. Уж такие пушки у них!» (И. А. Гончаров, Фрегат «Паллада», 1950, стр. 368).

² «Дайниппон комондзё. Бакумацу гайкоку канкэй бунсё» (Сборник древних актов. Документы, относящиеся к внешним сношениям в период Бакумацу), т. I, Токио 1912, док. № 16, стр. 64.

внях разложения всей феодальной системы? Какое вооружение могло оно противопоставить новейшей американской артиллерии? Главным образом... самурайские мечи! Пушек у бакуфу было очень мало, и их боевые данные оставляли желать лучшего. Что же касается ружей, то, как писал японский историк Цудзи Дзэнносукэ, «их у нас на 1 000 человек приходилось всего 30 штук, а у западных держав на 1 000 человек — 1 000 штук»¹.

В результате исследования глубин залива Эдо и его берегов было установлено, что корабли могут подойти к столице Японии на расстояние всего в несколько миль. 11 июля Перри приказал эскадре сняться с якоря и направиться к Эдо, чтобы создать непосредственную угрозу столице. «Коммодор сделал это не только ради исследований, — подчёркивал японский историк Токутоми, — а и для того, чтобы пригрозить японским властям и обеспечить благоприятные ответы во время переговоров»².

Японские представители понимали, что от этой очередной угрозы коммодора Перри до открытых военных действий — один шаг. Вот что писал по этому поводу влиятельный чиновник бакуфу Каяма Эдзаэмон в своём донесении об одной из бесед с американцами:

«По положению на корабле и внешнему виду команды, — отмечал Каяма, — было видно, что они готовы к военным действиям. Если бы мы прямо отказались принять здесь послание президента, то нельзя было бы и думать о сохранении мира. Поэтому мы ответили, что о принятии послания необходимо запросить правительство в Эдо. Американцы тогда заявили, что они хотят знать, хватит ли для получения ответа двух-трёх дней, учитывая, что правительству уже должно быть известно об их требованиях. Далее они сказали, что, в случае если послание не будет принято именно здесь, они пойдут в Эдо и вручат его там, а на нас падёт несмываемый позор, поскольку мы не выполнили своего долга и не приняли послание.

В ответ я заявил, — продолжает Каяма, — что если бы это и пришлось сделать в Урага, то они всё-таки должны учесть, что даже и в этом случае они должны вывесить белый флаг, поскольку прибыли для переговоров, и не производить никакой стрельбы из пушек.

¹ Цудзи Дзэнносукэ, цит. соч., стр. 791.

² Токутоми Иитиро, цит. соч., т. 31, стр. 57—58.

Не говоря уже о коммодоре, — сообщает далее Каяма, — у всех присутствовавших на беседе иностранцев были суровые лица, и нетрудно было догадаться, что в глубине души они полны решимости во что бы то ни стало добиться удовлетворения их требований. Поэтому если они с помощью оружия насильно заставят нас принять послание, то это будет чревато тяжёлыми последствиями в связи с общим положением в стране»¹.

Таким образом, Каяма считал, что единственный путь избежать войны — это удовлетворить требования американцев и принять письмо президента. Он не сомневался, что в противном случае Перри развяжет военные действия, к которым Япония была совершенно не подготовлена.

Эту точку зрения разделяло и бакуфу. Ему ничего не оставалось делать, как уступить под давлением вооружённой силы и принять требования американцев.

Утром 14 июля паровые фрегаты «Миссисипи» и «Сасквехана» бросили якорь недалеко от места, где должна была состояться церемония передачи послания президента; около 300 американских солдат и офицеров в полном боевом снаряжении направились к специально выстроенному для этого случая зданию. Американские корабли всё время держали его под прицелом своих орудий. «Коммодор провёл всестороннюю подготовку перед высадкой, — писал японский историк Токутоми Иитиро, — «Миссисипи» и «Сасквехана» встали на якорь в таком месте, откуда была видна Курихама; палубы были убраны; всё было готово к открытию военных действий в любой момент. На шлюпках были установлены гаубицы, чтобы в случае нападения японцев забросать снарядами японские войска, расположенные на берегу»².

Передача послания президента Фильмора была произведена в абсолютной тишине: представители японцев в знак протеста против насильственных действий американцев за всё время церемонии не проронили ни слова.

Своё послание президент США начинал с лицемерных фраз о том, что «конституция и законы Соединённых Штатов запрещают всякое вмешательство в религиозные и политические воззрения других народов». Однако вслед за этим он выдвигал такие требования, которые не могут

¹ «Дайниппон комондзё», т. I, док. № 15, стр. 24—25.

² Токутоми Иитиро, цит. соч., т. 31, стр. 111—112.

быть расценены иначе, как непосредственное вмешательство во внутренние дела Японии. Фильмор предлагал правителю Японии прежде всего немедленно покончить с системой изоляции страны и заключить с США торговый договор. Этому вопросу были посвящены две трети послания. Затем президент Соединённых Штатов останавливался вкратце на проблеме обращения с американскими моряками, потерпевшими кораблекрушение, и заканчивал своё послание требованием дать согласие на создание баз для американского флота на территории Японии¹.

Одновременно с посланием президента японским представителям были переданы верительная грамота коммодора Перри и его письмо императору Японии, в котором повторялись в основном положения, изложенные президентом. Единственным отличием было то, что коммодор, разъясняя предложения Фильмора, откровенно угрожал японцам прибытием мощного военно-морского флота, если они решатся отклонить американские требования.

«Много больших военных кораблей, которым приказано посетить Японию, — многозначительно сообщал японцам коммодор, — ещё не прибыли в эти моря, хотя их ожидают с часу на час. Нижеподписавшийся... пришёл только с четырьмя самыми маленькими, рассчитывая, если это окажется необходимым, вернуться в Эдо будущей весной со значительно большими силами»².

Это полное угроз заявление коммодора Перри, недвусмысленно указывавшего на последствия отклонения японцами американских требований, полностью опровергает лицемерные заявления президента Фильмора о «дружественной миссии» Соединённых Штатов.

После передачи всех этих документов японским представителям коммодор заявил, что дня через два-три он собирается отплыть из Японии в Китай. При этом он подчеркнул, что в апреле или мае будущего года обязательно вернётся в Японию за ответом. На вопрос Хори, переводчика с японской стороны, придёт ли он опять со всеми кораблями, Перри ответил, что вернётся со всей эскадрой, т. е. с ещё большим количеством кораблей³.

¹ См. *Hawks*, цит. соч., стр. 256—257.

² Там же, стр. 258—259.

³ См. *Киёдава Киёси*, *Ниппон гайко си* (История японской дипломатии), т. I, Токио 1942, стр. 38.

Почему Перри не стал настаивать на немедленном ответе, который раньше он требовал от японцев, а решил временно уйти из Японии?

Сам коммодор в письме сёгуну от 14 июля 1853 г. объяснял это решение стремлением дать японцам время обсудить предъявленные им требования¹. Эту версию услужливо подхватили и стали повторять в своих работах реакционные американские исторки, поставившие целью представить коммодора как «благодетеля» японцев, всегда готового пойти навстречу их желаниям. Факты говорят, однако, о том, что отнюдь не «расположенне к японцам», а обстановка на Дальнем Востоке заставила Перри временно покинуть Японию; ни о каком «благодеении» здесь говорить не приходится.

Следует вспомнить, что «открытие» Японии было важнейшей, но не единственной задачей, поставленной перед коммодором Перри правительством США. Он должен был также использовать мощь своей эскадры для всемерного расширения американского влияния в Китае. Пока Перри находился в Японии, у него не было ни малейшей возможности отправить хотя бы один корабль в Китай, а обстановка там всё накалялась в связи с быстро расширявшимся восстанием тайпинов.

Ещё в конце 40-х годов XIX века среди угнетённых масс Китая широкое распространение получили идеи построения так называемой Империи Великого благоденствия (Тайпин тяньго), основанной на всеобщем равенстве и братстве. В июле 1850 г. последователи этих идей, которых стали называть тайпинами, выступили на открытую борьбу против феодального строя, против цинской династии. Во главе восстания встал Хун Сю-цюань.

Малочисленный отряд повстанцев вскоре вырос в многотысячную крестьянскую армию, которая нанесла ряд поражений правительственным войскам. К весне 1853 г. тайпины заняли уже провинции Цзянси, Хубэй, Хунань, Аньхой в центральной части Китая и овладели городами Чанша, Учан, Нанкин и др.

Тайпины повсюду несли освобождение крестьянам. Они проводили конфискацию собственности помещиков, купцов и чиновников, делили землю между крестьянами. Это было подлинно народное антифеодальное движение.

¹ См. *Hawks*, цит. соч., стр. 259.

Под влиянием тайпинского движения ряд восстаний вспыхнул также в приморских провинциях Китая, где особенно было сильно влияние иностранцев. Здесь во главе восстаний, охвативших главным образом города, зачастую стояли представители купечества. Эти восстания сплошь и рядом носили не только антицинский, но и антииностраный характер.

Широкое всенародное движение, угрожавшее в конечном счёте хозяйничанью иностранцев в Китае, не могло, разумеется, не тревожить американские торговые фирмы, которые к этому времени пустили глубокие корни в Китае. Здесь процветали торговые дома Расселя, Перкинса, Кашингов, Кинга, Ветмора; Олифантов, Грисуолдов и многих других. Их капиталы достигали внушительных по тем временам размеров. Достаточно сказать, что только в одном Шанхае американские торговые компании и отдельные лица владели различного рода движимым и недвижимым имуществом на общую сумму в 1 млн. 200 тыс. долл.

Американские торговые фирмы рассчитывали использовать в своих целях тайпинское восстание, чтобы заставить растерявшееся цинское правительство предоставить им новые привилегии. В частности, они старались захватить в свои руки судоходство по важнейшим водным путям страны и особенно по крупнейшей водной артерии — Янцзы. Это дало бы американскому капиталу возможность проникнуть в глубинные районы Китая.

В первые годы тайпинского восстания американские представители в Китае сделали попытки установить с тайпинами контакт, рассчитывая получить ряд льгот для развития торговли в освобождённых районах в обмен на соблюдение нейтралитета. «Западные державы надеялись, — писал китайский историк Ху Шен, — что если тайпины объединят под своей властью весь Китай, они предоставят им свободу торговли и миссионерской деятельности, а не будут изолировать Китай от иностранцев, как это делало цинское правительство»¹.

Однако вскоре американцы убедились, что тайпины далеки от мысли поощрять грабёж национальных богатств страны. Более того, стало ясно, что в случае победы повстанцев колонизаторские планы иностранных государств бу-

¹ Ху Шен, Агрессия империалистических держав в Китае, Издательство иностранной литературы, М. 1951, стр. 35.

дут сорваны. Тогда американская дипломатия окончательно и бесповоротно сделала ставку на реакционный цинский режим, не скупившийся на уступки иностранцам. США решили оказать ему посильную помощь для подавления тайпинского движения, потребовав в обмен удовлетворения ряда грабительских требований. «Если все наши требования будут удовлетворены, — заявил посланник США Роберт Маклейн вице-королю провинций Цзянси и Чжэцзян И Ляну в 1854 г., — цинскому правительству будет оказана помощь в подавлении тайпинского движения. В противном случае, — грозил Маклейн, — я доложу обо всём своему правительству, и мы сохраним за собой свободу действий»¹.

Стремление расширить и укрепить позиции американского капитала в Китае, воспользовавшись «смутным» временем и наличием внушительных военно-морских сил, — вот что было основной причиной поспешного отплытия Перри в Китай. Следовательно, и здесь, как и во многих других случаях, не было и намёка на какое-нибудь «благодеяние» или «благожелательность», которые пытаются приписать коммодору американские историки. Здесь был лишь голый бизнес, лишь забота об интересах американского торгово-промышленного капитала и о проведении в жизнь его колониальных захватнических планов.

Прежде чем покинуть Японию, Перри решил подняться ещё выше по заливу, с тем «чтобы найти, — как утверждает Гаукс, — более удобную якорную стоянку»². О несколько иных — значительно более достоверных — целях передвижения эскадры писал Токутоми, который подчёркивал, что продвижением к столице коммодор хотел «пригрозить... правительству Японии и заставить его с наибольшим вниманием отнестись к письму президента»³. «Иногда приходится задумываться, — отмечал Токутоми в другом месте, — не действовал ли коммодор довольно жёсткими мерами. Так, например, после совещания в Курихама он, несмотря на просьбы бакуфу покинуть залив Урага, продвинул свою эскадру ещё ближе к Эдо, вызвав панику среди населения столицы... Это ни в коем случае не было только минутным капризом, и это не было случайностью;

¹ См. *Ху Шен*, цит. соч., стр. 38.

² *Hawks*, цит. соч., стр. 266.

³ *Токутоми Итиро*, цит. соч., т. 31, стр. 112.

это было... продуманной мерой военного давления на японцев»¹.

Приближение иностранных кораблей к Эдо вызвало панику в городе. Население стало убегать из него. К столице стягивались войска, чтобы отразить нападение иностранцев. Считая открытие военных действий несвоевременным, Перри решил прекратить провокационное продвижение к столице. Утром 17 июля американская эскадра покинула залив Эдо.

За девять дней пребывания в Японии Перри собрал необходимые военно-разведывательные данные, выяснив, в частности, что большие корабли могут близко подходить к Эдо. Он заставил японцев принять послание президента в Урага и добился с помощью недвусмысленных угроз ряда незначительных самих по себе, но относительно важных при тех условиях уступок со стороны японского правительства. Обо всём этом он сообщил 3 августа 1853 г. в Вашингтон, особенно подчеркнув свою уверенность в правильности проводимой им политики силы. «Вполне определённно, — писал коммодор, — что японцев можно убедить, только нагнав на них страх. Я совершенно уверен, что они согласятся на всё, что от них потребуют, как только убедятся, что их берега находятся во власти сильного морского флота»².

Отплытие американской эскадры из Японии дало бакуфу временную передышку. Что делать? Как отнестись к требованиям американцев? Отклонить или удовлетворить их? Эти вопросы занимали умы высших должностных лиц страны.

Прежде всего решено было укрепить оборону, построить новые батареи на подходах к столице, стянуть к Эдо самурайские дружины. Однако с первых же шагов по практическому осуществлению этого плана стало ясно, что нет никакой возможности провести даже самые минимально необходимые оборонительные мероприятия. Жестокий экономический и политический кризис, который переживал сёгунат, дал себя знать в полной мере.

«Вскоре выяснилось, — писал японский историк Киёдзава Киёси, — что для постройки первых 9 батарей и проведения ряда связанных с этим работ придётся затратить

¹ *Токутоми Иитиро*, цит. соч., т. 31, стр. 4.

² См. *Walworth*, цит. соч., стр. 112.

более чем 14 990 312 рё. Если сравнить это с бюджетом 13-го года Тэмпо (1842 г.), то мы увидим, что для осуществления этого плана бакуфу должно было в 10 раз увеличить свои расходы, а для покрытия этих расходов потребовалось бы в свою очередь примерно в 16 раз увеличить доходы»¹. Ясно, что сделать это было совершенно невозможно.

Экономическая слабость сёгуната породила его нерешительность, колебания, двойственность решений, что в свою очередь ещё больше подорвало и без того слабую политическую власть правительства.

Вопрос об отношении к требованиям американцев был настолько сложен, а правительство сёгуна чувствовало себя настолько неуверенно, что по предложению Абэ Масахиро, главы правительства в то время, было решено запросить мнение всех высокопоставленных чиновников сёгуната. 30 июля 1853 г. им было направлено соответствующее послание.

Не дожидаясь на него ответа, бакуфу пошло ещё дальше и обратилось за советом ко всем феодальным князьям. Это был беспрецедентный шаг, так как полная изоляция феодальных князей от решения политических вопросов всегда была краеугольным камнем политики сёгуната, всеми мерами стремившегося укрепить свою власть. 5 августа, когда феодалы наносили свой традиционный визит ко двору сёгуна, Абэ Масахиро приказал раздать им копии послания президента США и письменный запрос бакуфу об их мнении по этому поводу.

«Направляем Вам, — говорилось в письме бакуфу, — переведённое на японский язык послание, которое было нам передано американцами, прибывшими недавно в Урага. Вопрос о торговле имеет исключительно важное значение для нашей страны; она, правда, велась и раньше (имеется в виду торговля с Китаем и Голландией. — Д. П.), но теперь следует решить, можно ли разрешить торговлю со всеми государствами; это не так просто сделать. Поэтому просим Вас тщательно рассмотреть содержание этого послания, взвесить все положительные и отрицательные последствия, которые то или иное решение может иметь в будущем, и, не боясь навлечь на себя наше неудовольствие, с полной откровенностью сообщить Ваше мнение.

¹ *Киёдава Киёси*, цит. соч., т. I, стр. 25.

Поскольку принятие в Урага письма, привезённого американскими кораблями, было лишь временной мерой, то мы просим Вас без колебаний высказать своё мнение об этом»¹.

В основе административной политики сёгуната всегда лежало твёрдое убеждение в том, что даймё должны быть уверены в непогрешимости действий бакуфу, должны верить в его неограниченную власть и силу. Никогда и никто не мог ослушаться приказаний бакуфу, и всякая попытка высказать своё мнение по поводу действий правительства сёгуна каралась самым жестоким образом. Обращаясь же теперь ко всем даймё, бакуфу как бы отказывалось от своего венца непогрешимости и официально ставило феодальных князей в известность, что ему необходимо знать их мнение.

Таким образом, обращение с запросом к даймё действительно было из ряда вон выходящим случаем, продиктованным боязнью американского вооружённого вторжения и финансово-экономической и политической слабостью сёгуната. Однако не следует слишком переоценивать этот маневр бакуфу, как это делает, например, английский историк Мардох, считавший, что «этот шаг... был чем-то большим, нежели простым новшеством. Это было поистине начало революции»².

Запрос бакуфу был, правда, вынужденным, но хорошо продуманным политическим ходом. Абэ Масахиро, глава правительства, отлично понимал, что Япония совершенно не в состоянии бороться с американцами и что по возвращении Перри придётся волей-неволей согласиться на все его требования. Но сказать это открыто, громогласно заявить о неспособности сёгуната защитить страну в условиях феодально-самурайской Японии было бы равносильно самоубийству. Поэтому он предпочитал сделать красивый жест и обратиться с запросом к даймё, чем брать на себя всю ответственность за открытие страны.

Кроме того, бакуфу было уверено, что большинство феодалов выскажется за открытие страны и поддержит, следовательно, его политику. «Абэ Масахиро надеялся в глубине души,— писал Токутоми,— что, отвечая на этот запрос, даймё под давлением необходимости согласятся с его точкой зрения, что надо постепенно подгото-

¹ «Дайнинпон комондзё», т. I, док. № 261, стр. 473.

² *Murdoch*, цит. соч., стр. 590.

вить войска и вооружение, чтобы уже потом начать борьбу с врагами. Он ожидал, что благодаря таким ответам его послание, будучи представлено императорскому двору, не вызовет возражений и можно будет легко и просто разрешить эту трудную задачу»¹.

Однако оказалось, что проблему открытия страны решить далеко не так «легко и просто».

Отнюдь не все даймё осмелились высказать своё мнение на запрос бакуфу. Из 258 феодальных князей, которым он был направлен, только 58 даймё дали свой ответ.

Если суммировать и обобщить все эти ответы², то можно будет прийти к следующим выводам:

1. Почти все феодальные князья — и сторонники самых решительных мер вплоть до военных действий и сторонники мирного урегулирования отношений с иностранцами — все они так или иначе, в той или иной форме признавали полнейшую неподготовленность Японии к немедленной вооружённой борьбе.

2. Лишь сравнительно небольшое количество даймё стояло за вооружённое сопротивление; большинство было за полумеры.

3. Феодалы, выступавшие за открытие страны, исходили, как правило, не из убеждения, что прекращение изоляции необходимо для дальнейшего развития Японии, а из стремления избежать военного столкновения, результат которого внушал им серьёзное беспокойство.

Таким образом, ответы даймё на запрос бакуфу говорят о том, что большинство из них сознавало полную неподготовленность Японии к военным действиям. Экономическая и политическая слабость сёгуната, которому нечего было противопоставить новейшему вооружению мощной американской эскадры, — вот что обусловило в конечном счёте решение бакуфу удовлетворить требования американцев. Это было вынужденной, вырванной силой уступкой. Поэтому ложны и лишены всяких реальных оснований утверждения американских буржуазных историков о том, что Япония пошла на заключение до-

¹ *Токутоми Иитиро*, цит. соч., т. 31, стр. 209.

² См. «Дайниппон комондзё», т. I, док. № 285, 314, 323, 324, 332; т. II, док. № 8, 23, 29, 35, 64, 69, 78, 80, 89; т. III, док. № 52, 62, 197 и др.

говора с США «по собственному желанию» в результате «уговоров» коммодора Перри.

Вторжение американского военно-морского флота в японские воды, наглая демонстрация силы, запугивания и угрозы были близки по своему характеру к вооружённой интервенции против Японии. До открытия военных действий оставался один шаг. И официальные документы, как, например, депеши самого коммодора, не оставляют сомнений в том, что этот шаг был бы наверняка сделан, если бы японское правительство не согласилось пойти на удовлетворение американских требований.

2. ПЕРВЫЙ НЕРАВНОПРАВНЫЙ ЯПОНО-АМЕРИКАНСКИЙ ДОГОВОР (1854 г.)

Американская экспансия на Дальнем Востоке развёртывалась в обстановке ожесточённой борьбы капиталистических держав за колониальные рынки. Буржуазии США пришлось здесь столкнуться с интересами крупнейших государств Европы и прежде всего с интересами Англии.

Англия в первой половине XIX века была сильнейшим конкурентом США по колониальному разбою. Однако в 50-х годах она оказалась занятой решением ряда важнейших для неё проблем в Европе и на Ближнем Востоке. Началась Крымская война. Великобритания, естественно, была вынуждена сократить свою активность на Дальнем Востоке. Учитывая создавшуюся обстановку, американская буржуазия решила, что настало время для широкой вооружённой экспансии в Азии. Выбалтывая планы американского торгово-промышленного капитала, связанные с напряжённой обстановкой в Европе, один из конгрессменов, член палаты представителей Бокок, заявил 28 марта 1854 г.: «Англия настолько будет поглощена борьбой против её сильного врага (России.— Д. П.), что не будет располагать каким-либо свободным временем для охраны своей восточной торговли, и этот изобильный поток почти безраздельно вольётся в подол Америки; Китай, Япония и весь блестящий Восток будут грузить наши суда и обогащать наших торговцев»¹.

¹ «33-rd Congress, 1-st Session. Appendix to the Congressional Globe», стр. 424.

Выполняя волю буржуазии, правительство США спешило использовать благоприятную конъюнктуру и обеспечить себе наиболее выгодные позиции для предстоящей борьбы с английской буржуазией за восточные рынки. В этом смысле были ориентированы американские представители за границей. В этом направлении действовал и один из самых ярких поборников американского экспансионизма — коммодор Перри.

В 1852 г. в письме с острова Мадейра коммодор писал морскому министру США: «...Когда мы смотрим на восточные владения нашего великого морского соперника — Англии и на непрерывный быстрый рост числа её укреплённых баз, мы убеждаемся в необходимости проведения соответствующих мер с нашей стороны. К счастью, — продолжал Перри, — Японские и многие другие острова на Тихом океане пока ещё не захвачены этим агрессивным правительством; некоторые из них лежат на торговых путях, которым суждено иметь громадное значение для Соединённых Штатов, и поэтому нельзя терять ни минуты в проведении активных действий для обеспечения достаточного количества промежуточных портов»¹.

Эту точку зрения о необходимости захвата любыми способами важных стратегических пунктов, которые могли бы служить хорошими торговыми портами в мирное время и прекрасными военными базами в случае войны, Перри последовательно отстаивал в течение всей своей жизни.

Он доказывал, что Соединённые Штаты должны в первую очередь во что бы то ни стало захватить острова Рюкю, расположенные в непосредственной близости от Китая и Японии. Перри утверждал при этом, что подобная мера будет якобы оправдана даже «строжайшими правилами морали». «Мне кажется, — писал коммодор в декабре 1852 г., — что оккупация основных портов этих островов для снабжения наших военных кораблей и торговых судов всех наций будет мерой, оправданной не только строжайшими правилами морали, но и правом насущной необходимости, что также следует принимать во внимание; этот аргумент в дальнейшем может найти себе подкрепление в определённом улучшении жизненных условий населения этих островов, хотя, — цинично подчёркивал

¹ См. *Hawks*, цит. соч., стр. 85.

коммодор, — ему придётся, возможно, познакомиться и с пороками, сопровождающими цивилизацию»¹.

Правительство США одобрило планы Перри, считая, что базы, созданные на островах Рюкю, не только облегчат действия американских военно-морских сил на Дальнем Востоке, но и послужат как бы опорными пунктами для широкого наступления на Японию. «Президент согласен с вашей точкой зрения, что было бы в высшей степени желательно — даже, возможно, необходимо для безопасности вашей экспедиции, чтобы вы обеспечили себе один или несколько легкодоступных портов.., — писал коммодору Перри государственный секретарь Эверетт. — Президент согласен с вами в том, что вы с наибольшей вероятностью добьётесь успеха на этот счёт на островах Рюкю. Их положение делает острова Рюкю весьма подходящими для этой цели...»²

Прибыв летом 1853 г. на крупнейший остров архипелага Рюкю — Окинава, Перри немедленно приступил к осуществлению своих планов. В сопровождении отряда вооружённых до зубов моряков он явился во дворец правителя острова — Сенди и заставил его дать согласие на строительство американцами в Наха, столице острова, различного рода сооружений. Под угрозами Перри Сенди был также вынужден разрешить коммодору использовать порт Наха по своему усмотрению.

Через несколько месяцев, вернувшись на Окинава из Японии, Перри обнаружил, что население острова свергло правителя Сенди за его предательскую политику и настроено крайне враждебно по отношению к американцам.

Не считаясь ни в малейшей степени с требованиями населения, коммодор объявил, что над всем архипелагом Рюкю устанавливается американский протекторат. Именно так он информировал русского адмирала Путятина, эскадра которого в феврале 1854 г. побывала на островах Рюкю. Путятин рассказывает о визите к нему американского офицера, возглавлявшего американскую колонию на острове Окинава. «Офицер, — пишет Путятин, — предъявил мне бумагу, в которой сказано было, что Ликейские острова (так называли тогда острова Рюкю. — Д. П.) поступают в ведение Соединённых Штатов в воз-

¹ См. *Hawks*, цит. соч., стр. 75.

² См. там же, стр. 87.

мездие за некоторые требования, не удовлетворённые японским правительством...»¹ Само собой разумеется, что Путятин решительно отказался признать незаконные притязания США на архипелаг Рюкю.

Чтобы придать своему вторжению «законный» вид, Перри решил навязать правителю островов Рюкю официальный договор. Мощная эскадра, вооружённая по последнему слову техники, оказалась столь неотразимым «аргументом», что правителю Рюкю пришлось пойти на принятие всех американских требований. Договор, подписанный 11 июля 1854 г., предоставлял американцам такие широкие права, как право свободного передвижения по всей территории островов, захода американских судов во все порты архипелага и т. п. Местное население не желало, однако, признавать этот договор и мириться с американским хозяйничаньем. Оно саботировало распоряжения американского командования, отказывалось снабжать американские корабли провизией, заготавливать лес для эскадры Перри и т. д. Тогда американское правительство направило на остров Окинава карательную экспедицию под командованием Роджерса. Сотня американских моряков с оружием была высажена в Наха. Окружив резиденцию регента Рюкю, американский коммодор вручил ему меморандум, в котором недвусмысленно грозил открытием огня. «Если они (т. е. жители Рюкю. — Д. П.) хотят избежать очень серьёзных затруднений, то они должны быстро снабдить суда всем необходимым и не пытаться надоедать глупыми речами»², — нагло заявлял коммодор в излюбленном американскими колонизаторами угрожающем тоне.

Аналогичные методы применял Роджерс и на других островах, где побывала его эскадра. Вот, например, как он описывал в своём донесении морскому министру США Доббину от 15 февраля 1855 г. встречу с правителем небольшого острова из группы Рюкю — Кикай и «беседу» с ним: «Я был уверен, что мне будет нетрудно припугнуть этого джентльмена, который, видимо, думал,

¹ «Отчёт генерал-адъютанта графа Путятина о плавании отряда военных судов наших в Японию и Китай. 1852—1855 год», «Морской сборник» № 10, август 1856 г., т. XXIV, Официальные статьи и известия, стр. 61.

² A. Cole, (ed.), *Yankee Surveyors in the Shogun's Seas*, Princeton — London 1947, стр. 48.

что мы прервали беседу быстрее, чем это позволяли правила вежливости. Я подошёл к его лошади и грозно повертел пальцем у него перед носом, а затем вытащил маленький револьвер и положил его так, чтобы он мог видеть все его детали. Правитель острова задрожал от страха. Это был переход к аргументу, которого он никак не ожидал. Таким образом, мы смогли довести до конца наши мирные исследования»¹, — с явной издёвкой заключает Роджерс.

Однако американским колонизаторам всё же не удалось добиться того, чего они желали, — сломить сопротивление жителей островов и сделать Рюкю своим колониальным владением. Немаловажную роль в провале американских попыток аннексировать острова сыграли также противоречия между капиталистическими державами: европейские государства не желали отдавать важный в стратегическом отношении архипелаг Соединённым Штатам. Силой же захватить его США не могли — слишком слабы были для этого их позиции на Дальнем Востоке.

Попытки американских агрессоров захватить острова Рюкю в 50-х годах XIX века как бы предвосхищали действия империалистов США в наши дни, когда они превратили острова Рюкю в базу для своего военно-морского флота и авиации. Подчёркивая преемственность политики Перри и Макарура, американский публицист Виллард Прайс писал в 1946 г.: «Мы 92 года мечтаем о приобретении Рюкю с того времени, когда коммодор Перри посетил в 1853 г. острова Окинава и написал в Вашингтон, что они должны быть приобретены для создания там американской базы»².

В последние месяцы второй мировой войны острова Окинава, входящие в состав архипелага Рюкю, были оккупированы американскими вооружёнными силами. Несмотря на то, что никакие международные соглашения не предусматривают лишения Японии прав на эти острова, американские империалисты объявили, что не собираются покидать Окинава и возвращать их Японии. «Мы, — заявил президент Эйзенхауэр в своём послании конгрессу, — будем в течение неопределённого времени сохранять наши базы на Окинаве...»³

¹ Cole, цит. соч., стр. 44.

² W. Price, Key to Japan, New York 1946, стр. 199.

³ «Красная звезда», 3 марта 1954 г.

Ликуя по поводу захвата Окинава, апологеты американского империализма не забывают вспоминать о Перри, который первым проложил дорогу к аннексии этих островов. Американский журналист Демари Бесс в статье под многозначительным названием «Окинава — американский остров» называет главный остров этой группы «Мальтой Тихого океана». Он пишет о «неоценимом значении» Окинава для Соединённых Штатов и ссылается здесь на commodора Перри, утверждавшего, что Окинава может понадобиться американцам как аванпост в случае «русско-американского конфликта на Дальнем Востоке». Склоняя голову перед «даром предвидения» commodора, Демари Бесс пишет, прозрачно намекая на роль Окинава как форпоста для нападения на СССР, что Перри «бросил сверхъестественно проникновенный взгляд на 100 лет вперёд»¹.

Наряду с предложениями о создании баз на островах Рюкю Перри строил также планы захвата Бонинских островов. В 1854 г. он сделал даже попытку провести эти планы в жизнь. Придя к убеждению после тщательных исследований, что гавань на острове Пиль является наиболее удобной для стоянки флота, commodор объявил этот остров американским владением и водрузил над ним американский флаг. Сообщая об этом, газета «Нью-Йорк трибюн» с удовлетворением писала: «Это первое владение, приобретённое американцами в Азии»².

Чтобы закрепить остров Пиль за Соединёнными Штатами, Перри разыграл комедию создания здесь «независимого государства», главой которого «демократическим методом» был избран американец Сэври.

«Перри не надеялся, что ему удастся аннексировать Бонинские острова в полном смысле этого слова, но он использовал способ, который в течение долгого времени обычно применяли государства, захватывающие чужие территории, — раскрывал методику действий Перри профессор Колорадского университета Эрл Свишер. — Он заставил Сэври провозгласить «независимость» колонии на острове Пиль, и затем, в лучшем стиле типа Рузвельт — Панама, Соединённые Штаты могли признать новое «государство» и в конечном счёте заключили «договор», отдающий его под их покровительство. В данном случае

¹ «Suterday Evening Post», 11 июля 1953 г.

² Walworth, цит. соч., стр. 62.

«суверенное государство» насчитывало 31 человек населения...»¹

Коммодор Перри не отказался от мысли о захвате Бонинских островов и после возвращения в США. Он представил американскому правительству подробный план их колонизации, в котором было предусмотрено снабжение колонистов лесоматериалами, продовольствием, промышленными товарами и т. п. «Мой план заключается в том, — писал Перри, — чтобы учредить колонию в Порт-Ллоиде на острове Пиль — главном в группе Бонинских островов., а затем и на других островах»².

Однако планам Перри не суждено было сбыться. Его попытки захватить Бонинские острова вызвали резкий протест со стороны Великобритании, которая объявила, что Порт-Ллойд был основан англичанами и что, следовательно, и остров Пиль является английским владением. Правительство США предпочло уклониться от обсуждения вопроса о принадлежности Бонинских островов, который так и остался открытым. В 1851 г. на Бонинские острова прибыли 2 японских чиновника и 40 колонистов, которые заявили свои претензии на них. В 1874 г. Сэври умер, и губернатором был избран японец, а в 1876 г. острова были официально объявлены японским владением.

То, чего не удалось добиться американским экспансионистам в XIX веке, сделали империалисты США в XX веке. После окончания второй мировой войны они захватили острова Бонин и превратили их, как и острова Окинава, в базу своей агрессии на Дальнем Востоке.

Кроме островов Рюкю и Бонинских эскадра Перри сделала попытку захватить также китайский остров Тайвань, который давно привлекал американских экспансионистов не только своими богатейшими природными ресурсами, но и важным стратегическим положением на ближайших подступах к Китаю. Ещё в 1847 г. правительство Соединённых Штатов направило на Тайвань военное судно для разведки природных богатств. В 1849 г. здесь побывал другой военный корабль — «Дольфин», командиру которого удалось установить путём опроса жителей и сбора различного рода информации, что на Тайване имеются обширные запасы каменного угля.

¹ Swisher, цит. соч., стр. 37.

² См. Hawks, цит. соч., стр. 213.

Выполняя инструкции Вашингтона, Перри летом 1854 г. послал на Тайвань два корабля из состава своей эскадры — «Македонизэн» и «Сэплай» — с заданием выяснить возможность создания на острове базы для военно-морских и торговых судов. Несколько позже, в 1855 г., в докладной записке правительству о результатах экспедиции Перри подчёркивал, что, по его мнению, захват Тайваня является задачей первоочередной важности для Соединённых Штатов. «Географическое положение Формозы делает её исключительно удобно расположенным перевалочным пунктом, используя который можно будет наладить американскую торговлю с Китаем, Японией, Рюкю, Кохинхиной, Камбоджей, Сиамом, Филиппинами и островами, находящимися в соседних морях. Особенно ценно то, — продолжал перечислять достоинства Тайваня коммодор Перри, — что на Формозе имеются большие запасы угля, ибо в настоящее время, когда расширяется использование пароходов для коммерческих целей, уголь необходим для судов, ведущих торговлю с Востоком». Особо останавливаясь на стратегическом значении острова, Перри доказывал, что в случае его аннексии Соединённые Штаты «с достаточным количеством военных кораблей не только смогли бы командовать над портами Китая, но и смогли бы установить своё господство над северо-восточным входом в китайские моря». Захват Тайваня, подчёркивал Перри, ослабил бы значение таких важных английских баз на Дальнем Востоке, как Гонконг и Сингапур¹.

Наконец, чтобы завершить список объектов притязаний американских экспансионистов в Китае, Японии и Юго-Восточной Азии, надо упомянуть ещё о Сиаме, Кохинхине, Камбодже и отдельных частях Борнео и Суматры, над которыми коммодор Перри предлагал установить «покровительство» Соединённых Штатов. Такая же участь должна была постигнуть и ряд мелких тихоокеанских островов, причём, настаивая на необходимости их аннексии, коммодор с исключительным лицемерием заявлял, что они станут «скорее нашими отроутками, чем, строго говоря, колониями»². Какая судьба была уготована для этих «отроутков», видно из выступления Перри

¹ «33-th Congress, 2-nd Session, House Executive Documents», v. 2, стр. 180.

² *Walworth*, цит. соч., стр. 233.

на Бонинских островах, где он громогласно заявил, что «бесчисленные острова Великого океана не могут оставаться непродуктивными» и что «сейчас неизвестно, как и каким образом — справедливо или несправедливо — будет поступлено с аборигенами; но ясно одно: они обречены на то, чтобы смешаться с другой расой или уступить ей дорогу, и это так же определённо, как печальная судьба наших краснокожих собратьев»¹.

Коммодор Перри выступает, таким образом, как апологет американского экспансионизма, как один из наиболее реакционных проводников агрессивной политики США на Дальнем Востоке в середине XIX века. Все его стремления были направлены на то, чтобы как можно лучше осуществить инструкции своего правительства и обеспечить господствующее положение Соединённых Штатов в Японии, оттеснив на задний план все другие государства и в первую очередь Англию.

При всём этом следует, однако, подчеркнуть, что англо-американское соперничество на Востоке не мешало обоим хищникам действовать в ряде случаев совместно, чтобы оказать давление на Китай или Японию и вырвать у них новые уступки.

В 50—60-х годах XIX века политика царской России в отношении Японии существенно отличалась от политики Соединённых Штатов Америки и Англии. Дело в том, что в эти годы крепостническая Россия сильно уступала и США и Англии по уровню развития промышленности, внешней торговли и флота. Восточная Сибирь и Дальний Восток были её отсталыми окраинами. Путь от Петербурга до побережья Тихого океана по бездорожью занимал, как правило, несколько месяцев. Отдалённость Дальнего Востока от центральных областей, трудность сообщения с ним, слабость русских вооружённых сил в этом районе — всё это препятствовало развитию экспансии царской России на Востоке и побуждало её отстаивать принцип статус-кво в непосредственно прилегающих к её владениям странах — в Китае и Японии.

Если США и Англия, обладавшие сильными тихоокеанскими эскадрами, а также Франция всячески стремились открыть двери Китая и Японии для морской торговли, то царское правительство, наоборот, считало, что это

¹ *Walworth*, цит. соч., стр. 234.

принесёт России не так уж много пользы, так как русским купцам было бы очень трудно выдерживать в этих странах конкуренцию с английскими и американскими торговыми фирмами. В то же время проникновение в Китай и Японию англо-американского капитала создавало серьёзную угрозу позициям России, ибо у её дальневосточных границ вместо слабых феодальных государств — Китая и Японии — могли развернуть свою деятельность сильные капиталистические хищники. Вот почему царская Россия в то время не проявляла инициативы в навязывании неравноправных договоров Китаю и Японии.

Если говорить конкретно о русско-японских отношениях, то Россия в эти годы была больше всего заинтересована в урегулировании с Японией своих спорных пограничных вопросов. Это становилось тем более необходимым, что бурная деятельность Соединённых Штатов явно свидетельствовала об их намерении превратить Японию в свою колонию, а это резко нарушило бы не в пользу России существовавшее на Дальнем Востоке соотношение сил. С другой стороны, попытки Англии добиться права на создание в Японии своих военно-морских баз создавали реальную угрозу для азиатских владений России в связи с начавшейся в 1853 г. Крымской войной, в которой Англия выступала как основной противник России, инициатор сколачивания антирусского блока.

Среди спорных вопросов, возникших в эти годы между Россией и Японией, одним из основных был вопрос о разграничении владений на Курильских островах и острове Сахалин.

Сахалин был объявлен русским владением ещё в 1806 г. морскими офицерами Хвостовым и Давыдовым. В 1849 г. экспедиция под командованием Невельского обследовала Приамурье и установила окончательно, что Сахалин — остров, отделённый от материка узким проливом. Невельский в 1853 г. основал на Сахалине первый постоянный русский военный пост и вновь подтвердил, что остров является владением России. В первой половине XIX века русские землепроходцы дошли также и до Курильских островов, где с давних времён существовали поселения русских рыбаков.

И на Сахалине и на Курилах жило также незначительное количество японских охотников и рыбаков, приплывавших сюда на несколько месяцев в году во время

сезона охоты и рыболовства. Постоянных сколько-нибудь значительных поселений японцев здесь не было. Чтобы провести чёткое разграничение японо-русских владений и установить с Японией дипломатические и торговые отношения, царское правительство решило направить в Японию посольство, возглавить которое было поручено вице-адмиралу Путятину.

Эскадра Путятин подошла к берегам Японии почти одновременно с американской эскадрой commodора Перри. Но Путятин не брядал оружием и не грозил применить вооружённую силу, как это делал Перри. Русский адмирал строго следовал инструкциям правительства, предписывавшим ему добиться заключения соглашения с Японией исключительно мирными средствами. «Следует отметить, что поведение Путятин являлось полной противоположностью поведению Перри...»¹, — признавал английский историк Мардох. На разницу в методах действий Перри и Путятин указывал и японский историк Токутоми, который писал: «И методы действий, и отношение к японцам со стороны commodора Перри и русского посла Путятин были совершенно различны. Русский посол, уважая древние законы Японии, пытался словами убедить японцев. Commodор Перри с самого начала старался угрозами и демонстрациями напугать японцев и был готов прибегнуть... к вооружённой силе»².

Боясь соперничества России, Перри стремился сорвать миссию Путятин. В конце 1853 г. он получил известие о том, что русская эскадра готовится к отплытию в Японию. Чтобы помешать ей, Перри приказал закупить весь имевшийся в Шанхае уголь и поместить его в морские склады США под ответственность кладовщика Аомори, который получил строжайшее предписание не выдавать уголь никому без личного письменного приказа commodора.

Однако планы commodора сорвались. Прибыв в Шанхай, адмирал Путятин обратился с просьбой к местному русскому представителю закупить 20 т угля. По чистой случайности он оказался не кем иным, как американским вице-консулом (для консульской системы того времени было обычным явлением, когда один и тот же человек был консулом различных государств). Вице-консул,

¹ *Murdoch*, цит. соч., стр. 959.

² *Токутоми Иитиро*, цит. соч., т. 32, стр. 45.

которому было неудобно отказать Путятину и в то же время не хотелось нарушать приказания Перри, решил выдать русскому адмиралу незначительную часть необходимого ему угля. Аомори сначала отказался, но потом был вынужден подчиниться. Когда Перри узнал об этом, он был буквально взбешён и дал жестокий нагоняй Аомори, постаравшись в то же время, чтобы его действия не получили широкой огласки. «Я бы уволил Аомори,— писал он морскому министру,— но меня удержало лишь то, что такая мера была бы объяснена тем, что он одолжил уголь русскому адмиралу; тем самым была бы нанесена обида как самому Путятину, так и его правительству»¹.

Таким образом, в 50-х годах XIX века на Дальнем Востоке столкнулись интересы крупнейших европейских держав и США. Открытие Японии происходило в условиях борьбы между этими державами за азиатские рынки, за господствующее влияние в Китае, Японии и других странах Востока.

Во второй половине 1853 г. коммодор Перри побывал со своими кораблями в Гонконге, Макао, Шанхае и других китайских портах, грозя повсюду орудиями своей эскадры и заботясь о расширении прав и привилегий американских купцов, миссионеров и прочих «специалистов», хлынувших в Китай после заключения договора 1844 г., чтобы принять участие вместе с Англией и Францией в грабеже китайского народа.

Пушки американской эскадры не раз забрасывали ядрами китайские селения, бомбардировали китайские города. Американские военные корабли оказали помощь цинскому правительству в подавлении тайпинского восстания.

В 1853 г. в ряде приморских провинций под влиянием тайпинского движения вспыхнули восстания, организованные тайным обществом «Триады». В конце года одно из ответвлений этого общества — так называемое общество «Малых мечей» — подняло восстание в Шанхае и захватило китайскую часть города. Воспользовавшись растерянностью цинских чиновников, иностранные державы предъявили им ряд требований. Так, они добились передачи в их руки управления таможнями и признания права на самоуправление иностранцев, проживающих на терри-

¹ См. *Walworth*, цит. соч., стр. 127—128.

тории международного селтльмента. Получив эти привилегии, США, Англия и Франция организовали подавление восстания «Малых мечей». Несмотря на провозглашённый нейтралитет, американские военные корабли действовали совместно с английской эскадрой, потопив в крови вспыхнувшее в знак солидарности с «Малыми мечами» восстание на правительственных кораблях¹.

Коммодор Перри предполагал воспользоваться восстанием тайпинов, чтобы предъявить Пекину новые грабительские требования: предоставить, например, иностранным государствам право держать свои миссии в столице, оказывать иностранцам покровительство на всей территории страны и т. д. «Всё это,— доказывал Перри,— могло быть достигнуто путём продления войны на другой год... И всё это ещё должно быть сделано в качестве меры первостепенной необходимости для подавления ужасного состояния анархии...» Подчёркивая, что в случае оказания поддержки цинскому правительству в подавлении тайпинского восстания Соединённым Штатам удастся получить ряд привилегий, способствующих расширению торговли с Китаем, Перри делал циничный вывод, что «цель, бесспорно, оправдывает средства»².

Перри намеревался пробыть в Китае до весны 1854 г. Однако в конце 1853 г. он получил известие о прибытии в Нагасаки русской эскадры под командованием адмирала Путятина и о сделанном им японцам предложении заключить договор.

Чуть позже до Перри дошли слухи о таинственном отплытии из Шанхая французского военного шлюпа «Константин», который якобы направился с секретной миссией в Японию. Боясь, что русские и французы могут первыми заключить договор с Японией, коммодор решил во что бы то ни стало их опередить³.

¹ См. *Walworth*, цит. соч., стр. 133.

² «33-th Congress, 2-nd Session, Hause Executive Documents», v. 2, стр. 176.

³ Официальный историограф экспедиции Гаукс писал о причинах неожиданного возвращения Перри в Японию:

«Коммодор, подозревая, что русские намерены возвратиться в Японию и направиться в конечном счёте в Эдо, что могло серьёзно помешать его действиям, и подозревая также, что Япония может быть пунктом назначения французской эскадры... предпочёл лучше испытать все неудобства и трудности плавания в Японию в зимних условиях, чем позволить русским или французам обогнать себя» (*Hawks*, цит. соч., стр. 303).

Однако Перри покинул Китай не раньше, чем сюда прибыла новая американская военная эскадра под командованием коммодора Ринггольда.

Отправляя эту эскадру в Азию в июне 1853 г., американское правительство поставило перед ней задачу оказать всемерную поддержку Перри и провести детальную разведку побережья Китая и Японии, которые, как отмечал в своём докладе морской министр США, представляли для США «с каждым годом всё большее значение». Ринггольд получил также особое задание разведать наиболее удобный путь для прокладки пароходной линии Сан-Франциско — Шанхай и наметить, а по возможности и захватить необходимые базы для судов, идущих по этому пути.

Предоставив Ринггольду широкое поле деятельности в Китае, Перри отплыл из Шанхая, и 11 февраля 1854 г. американская эскадра опять появилась у берегов Японии. С помощью карт, составленных во время первого посещения залива Урага, она без всяких задержек направилась прямо к столице. На сей раз в состав эскадры входило уже шесть кораблей («Миссисипи», «Паухэтэн», «Сасквехана», «Вандалия», «Македонизэн», «Лексингтон»). Вскоре к ним присоединились ещё три корабля.

В первые же дни после возвращения американской эскадры высшим должностным лицам сёгуната стало ясно, что Перри готов пойти по стопам англичан в Китае, чтобы заставить Японию подписать договор. О серьёзном сопротивлении эскадре из девяти кораблей с 250 орудиями не приходилось и думать. Оставался только один путь: идти на уступки, стремясь дипломатическим путём всячески их ограничить, и, по возможности, не показать вида, что согласие на американские требования даётся только из страха за судьбу своей родины.

Начало переговоров японских представителей с американцами на этот раз как две капли воды походило на переговоры прошлого года. Единственной разницей было, пожалуй, то, что американские агрессоры держали себя ещё наглее, ещё самоуверенней, а японцы ещё быстрее шли на одну уступку за другой.

Первые протесты японцев последовали в связи с тем, что американцы, используя данные о глубинах залива Эдо, не остановились в Урага, а сразу поднялись выше по заливу и стали на якорь в районе Канагава. В ответ на просьбы

японских представителей направиться в Урага капитан одного из кораблей эскадры, Адамс, передал им ставшее уже стереотипным заявление Перри о том, что там очень неудобная стоянка. Для большей убедительности Адамс добавил, что если бакуфу не пришлёт своих представителей в какое-нибудь место на берегу, расположенное недалеко от нынешней стоянки кораблей, то вся эскадра пойдёт прямо в Эдо¹. Не согласились американцы и на встречу с японскими представителями на борту одного из кораблей эскадры.

Такое стремление американского командования настоять на своём, такая его настойчивость, граничившая с беспричинным упрямством, становятся понятными из депеши, отправленной коммодором Перри в феврале 1854 г. в Вашингтон. В ней он так объясняет причины своего поведения: «Я был уверен, что если я хоть на йоту отступлю от занятой мною с самого начала позиции, то японцы будут рассматривать это как свою победу; увидев же, что при надлежащей настойчивости можно заставить меня изменить принятое решение, они будут надеяться, что смогут заставить меня уступить им и в большинстве других случаев; поэтому мне казалось правильным во что бы то ни стало стоять на своём до конца и лучше заслужить репутацию бессмысленного упряма, чем человека, меняющего свои решения»². Это была политика наглого диктата, политика отказа от всяких переговоров и каких-либо компромиссов с японскими представителями.

Следуя этой политике, Перри продолжал обследование залива, несмотря на неоднократные протесты японцев, и потребовал, чтобы он был принят непосредственно в столице самим сёгуном.

Через несколько дней представители бакуфу сообщили коммодору, что они готовы встретиться с ним в Урага, где приготовлены специальные здания³.

Однако Перри продолжал настаивать на удовлетворении своих требований. Чтобы запугать японцев, он отдал приказ всей эскадре двинуться по направлению к Эдо, причём для большего эффекта с американских судов беспрестанно стреляли холостыми зарядами, производя невероятный шум. «Коммодор Перри, — писал Токутоми, — решил, что без применения угроз не удастся добиться це-

¹ См. *Williams*, цит. соч., стр. 102.

² См. *Hawks*, цит. соч., стр. 338.

³ «Дайинилон комондзё», т. 4, док. № 312, стр. 417—418.

ли, и ввёл эскадру в залив Эдо так далеко, что с мачт был виден сам город. Эскадра стояла так близко, что ночью был слышен набат в столице»¹.

Японцы опять были вынуждены уступить. Они предложили для встречи местечко Канагава, расположенное вблизи селения Иокогама, всего в 8 милях от Эдо и как раз напротив стоянки эскадры. Это место оказалось подходящим для американцев².

Для ведения переговоров с японской стороны были назначены ректор университета в Эдо Хаяси Дайгаку-но ками, феодалы Идо Цусима-но ками и Идзава Мимасаки-но ками и правительственные чиновники Удоно Тёэй и Мацудзаки Мантаро³.

¹ *Токутоми Итиро*, цит. соч., т. 32, стр. 71.

² «Так как место, предложенное теперь для встречи, находилось в сфере действия орудий эскадры, Перри сразу принял новое предложение», — писал Мардох, раскрывая причины настойчивости командора в этом вопросе (*Murdoch*, цит. соч., v. III, стр. 600).

³ Если сравнить характеристики японских представителей, которые мы находим в книгах японского историка Токутоми и переводчика американской экспедиции Вильямса, то отчётливо будет видно, с каким пренебрежением и расистским высокомерием относились американцы к японцам.

Токутоми о Хаяси Дайгаку-но ками: «Это был человек лет 55, с внушительной осанкой, исключительно вежливым обращением и добрым взглядом умных глаз; он был достойным главой делегации при решении такого ответственного вопроса».

Токутоми об Идо Цусима-но ками: «Это был величавый человек лет 60-ти...».

Токутоми об Идзава Мимасаки-но ками: «Он был самым молодым из японских представителей: ему было немногим более 40 лет. Это был жизнерадостный и весёлый человек, страстно любивший музыку и всегда готовый выпить, пошутить, повеселиться. Судя по записям бесед, он всегда высказывал более свободные взгляды, чем его коллеги...». И т. д. и т. п. (*Токутоми Итиро*, цит. соч., т. 32, стр. 109—111).

Вильямс о нём же:

«Главный представитель был человек с неинтеллектуальным лицом, в простой одежде из тёмного шёлка».

Вильямс о нём же:

«Второй был человек с социальным лицом, столь же похожий на князя, как трубочист».

Вильямс счёл нужным сказать о нём лишь два слова:

«Следующий по рангу затмил всех своими зелёными брюками с золотой вышивкой; его доспехи были одеты на икры и бросались всем в глаза...» (*Williams*, цит. соч., стр. 125—126).

Встреча была назначена на 8 марта. Внушительная эскадра из девяти военных кораблей с 1 600 матросов и офицеров — таков был основной аргумент коммодора Перри во время переговоров.

Для встречи с американскими представителями было построено специальное здание в Канагава, украшенное флагами и шелковыми полотнищами. Перед ним в знак особого уважения была поставлена загородка из шестов и натянутого на них шёлка. Однако Перри, которому повсюду чудился подвох, потребовал разобрать это сооружение¹. Он приказал также всем кораблям эскадры стоять вблизи берега, чтобы японцы убедились в их полной боевой готовности; почётному эскорту было приказано выступить в полном вооружении: с мушкетами, пистолетами и запасными патронами.

8 марта Перри со свитой и эскортом с большой помпой высадился на берег. После окончания торжественной части церемонии ему было вручено послание сёгуна, являвшееся ответом на письмо президента Фильмора.

Из ответа сёгуна было ясно, что японцы выступали категорически против установления регулярных торговых отношений, хотя и соглашались удовлетворить ряд требований американцев, касающихся снабжения американских судов углем и провизией и открытия двух портов. Если вспомнить теперь послание Фильмора, то станет очевидным, что японцы по сути дела соглашались на удовлетворение самого основного требования правительства США — открытия портов. Казалось бы, что на данной основе можно было заключить договор, вполне устраивавший Соединённые Штаты.

Однако аппетит приходит, как известно, во время еды. Перри теперь не желал уже ограничиваться открытием портов, а стал настаивать на заключении договора, аналогичного договору США с Китаем 1844 г., причём он ни на минуту не забывал напомнить японцам о том, что если договор не будет заключён, то ещё больше кораблей будет послано в Японию и её всё-таки заставят пойти на дальнейшие уступки. Это вынужден был признать даже Гаукс, который писал об одной из бесед Перри с японцами:

«Перри заметил, что для обеих сторон было бы лучше, если бы был заключён договор, аналогичный договору США

¹ См. *Williams*, цит. соч., стр. 123—124.

с Китаем. Он был послан своим правительством, — продолжал коммодор, — чтобы заключить договор, и если ему это не удастся сделать, то Соединённые Штаты пошлют, вероятно, ещё больше кораблей, чтобы добиться этого»¹.

О недвусмысленных угрозах Перри сообщали в своих донесениях и японские представители. «Перри заявил, — писал глава японской делегации Хаяси, — что если его предложения будут отклонены, то он готов немедленно пачать войну; что в случае войны у него будет 50 кораблей в ближайших водах и ещё 50 — в Калифорнии и что, если он скажет одно только слово, под его командованием через 20 дней может быть 100 кораблей»².

Это была столь откровенная политика угроз и шантажа, что она коробила даже спутников Перри. Главный переводчик экспедиции Вильямс писал, например, что методы действий Перри «несовместимы со справедливостью и честью нашей страны»³.

Переговоры о тексте договора длились несколько дней. Основными спорными пунктами были вопросы об открытии портов и об учреждении консульства.

Перри заявил японцам, что он хотел бы, чтобы были открыты пять портов, но готов удовлетвориться тремя: Урага на острове Хонсю, Мацумаэ — на Хоккайдо и Наха — на островах Рюкю.

Японцы вместо Урага предложили открыть порт Симода. Что же касается остальных портов, то они, заявили японские представители, находятся так далеко от Эдо, что трудно заключать относительно них какие-либо соглашения. Вскоре японцы были вынуждены всё же согласиться на открытие порта в Хакодате, оговорив, правда, что ввиду отдалённости этого порта его оборудование не может быть закончено раньше сентября 1855 г. Это было важной уступкой с японской стороны.

Второе требование Перри, вызвавшее серьёзные возражения у японских представителей, касалось установления консульства в Симода. Японцы всячески возражали против постоянного пребывания иностранцев на их земле, заявляя, что об американских гражданах будет заботиться

¹ *Hawks*, цит. соч., стр. 350.

² См. *Токутоми Итиро*, цит. соч., т. 32, стр. 116.

³ *Williams*, цит. соч., стр. 119.

сам губернатор Симода. Но они были вынуждены уступить и в этом вопросе после длительных дебатов, во время которых одним из основных аргументов Перри служило указание на то, что консул будет помогать собирать долги с американцев, а в случае его отсутствия японцам некому будет жаловаться, если американские матросы совершат какой-либо проступок в отношении японских подданных. Коммодор подчеркнул также, что «если не будет учреждено консульство, то военный корабль должен будет постоянно находиться в Японии, и его капитан будет исполнять обязанности консула»¹.

В конечном счёте бакуфу пришлось пойти на подписание договора в таком виде, как предлагали американцы, ибо его отказ, как справедливо отмечал английский юрист Джонс, «мог бы означать разрушение Эдо американским флотом, против которого японцы не имели средств эффективной обороны»².

31 марта 1854 г. коммодор Перри и четыре специальных уполномоченных сёгуна подписали окончательный текст японо-американского договора о мире и дружбе, который был составлен на английском, голландском, китайском и японском языках³.

Статья 1 этого договора, который по месту подписания стал называться Канагавским, провозглашала, что отныне будет «полный, вечный и всеобщий мир, искренняя и сердечная дружба» между США и Японией.

Статья 2 предусматривала, что порты Симода и Хакодате предоставляются японским правительством для приёма американских судов, где они могут снабжаться лесом, углем, провизией, водой и товарами, в которых они могут нуждаться. «Открытие первого из названных портов последует тотчас по подписании сего договора; второй будет

¹ *Walworth*, цит. соч., стр. 189.

² *F. Jones*, *Extraterritoriality in Japan and the Diplomatic Relations resulting in its Abolition, 1853—1899*, New Haven 1931, стр. 11.

³ Текст договора см. Э. Д. Гримм, Сборник договоров и других документов по истории международных отношений на Д. Востоке (1842—1925), М. 1927, стр. 50—51; Гаймусё дзёякукёку. Кюдзёйку исаи (Протокольный отдел Министерства иностранных дел Японии. Сборник старых договоров), т. 1, ч. 1, стр. 28—32; *Treaties, Conventions, International Acts, Protocols and Agreements between the United States and other Powers, 1776—1909*. Comp. by *W. M. Malloy*, v. 1, Washington 1910, стр. 996—998.

открыт тотчас по наступлении того же дня следующего японского года».

Следовательно, Япония давала вынужденное согласие на открытие двух портов для американских судов и молчаливо признавала, что не будет ограничиваться ни количеством посещающих эти порты кораблей, ни общим объёмом закупаемых в стране товаров.

Статьи 3, 4 и 5 регулировали порядок обращения с потерпевшими кораблекрушение.

Очень важное значение имела статья 7, в которой, в частности, говорилось: «Условлено, что судам С. Штатов, прибегавшим к открытым для них портам, будет разрешено обменивать золотые или серебряные монеты или товары на иные товары на основании правил, которые будут временно установлены японским правительством на этот предмет».

Это означало, во-первых, что японцы соглашались на обменную торговлю с американцами и что, во-вторых, они признавали хождение в Японии любой иностранной монеты наряду с монетой японской. В условиях переживавшего глубокий экономический кризис феодального хозяйства и фактического отсутствия единой государственной монеты это положение неминуемо должно было подорвать денежно-финансовую систему страны.

Статья 9 предоставляла США статут наиболее благоприятствуемой нации. Эта статья обеспечивала США все выгоды, которые могли бы в будущем вырвать у Японии другие капиталистические государства. И, как мы увидим ниже, они через три года использовали это своё право, чтобы получить те же привилегии, которых успели добиться англичане, французы и т. п.

Статья 10 запрещала судам США заходить в другие порты Японии, кроме Симода и Хакодате, если они не будут вынуждены это сделать в связи с непогодой.

Статья 11 разрешала назначить постоянного американского консула в Симода, если одно из двух договаривающихся правительств сочтёт это необходимым.

Таким образом, основная цель американской экспедиции была достигнута: Японии был навязан неравноправный договор, открывший американскому капиталу путь для постепенного проникновения на новый азиатский рынок. Если сравнить теперь текст договора с посланием Флёмора, то можно видеть, что у японцев было

вырвано значительно больше уступок, чем намечалось вначале.

Это было ясно и самим американцам. Так, главный переводчик экспедиции Вильямс, точка зрения которого по некоторым вопросам расходилась с мнением Перри, писал о результатах экспедиции следующее: «Хотя Перри доволен тем, что японское правительство согласилось удовлетворить просьбу Фильмора, чего только и надеялся добиться Вашингтон, он говорит, что это отнюдь не всё, чего он хочет и что имел в виду президент (следовательно, он имел в виду кое-что кроме того, о чём писал в своём послании! — Д. П.), и что это его, Перри, «совершенно не удовлетворяет». В прошлом году в послании содержалась просьба открыть один порт, а теперь коммодор требует пять. Правительство, — продолжал Вильямс, — хотело получить лишь гарантии гуманного обращения, а Перри требует заключения договора и в недвусмысленных выражениях угрожает японцам приходом ещё больших вооружённых сил и более жёсткими условиями, «если они не согласятся»¹.

Это высказывание Вильямса интересно с двух точек зрения. С одной стороны, Вильямс ясно говорит о непомерных аппетитах коммодора, что полностью отвечает действительности. С другой стороны, он явно делает попытку свалить всё на Перри и представить дело так, что коммодор действовал якобы на свой страх и риск, а иногда даже вопреки желанию правительства США; это уже никак не соответствует истине.

Не стоило бы специально останавливаться на этом, если бы это была точка зрения одного Вильямса. Но в том-то и дело, что чуть ли не все американские буржуазные историки, которые никак не могут скрыть насильственный характер действий коммодора, упорно подчёркивают в своих работах, что якобы государственный департамент был против применения вооружённой силы, что Перри были даны инструкции добиваться успеха мирным путём, что, наконец, все предложения Перри о применении силы настойчиво отклонялись правительством Соединённых Штатов. Об этом особенно много говорится в работах американских историков, вышедших в послевоенный период. Для того чтобы представить политику США на Дальнем Во-

¹ *Williams*, цит. соч., стр. 129.

стоке как политику «миролюбивую», они прибегают к элементарному фокусу: Перри объявляется человеком своевольным, непослушным, задирой и забиякой, который, дескать, причинил много неприятностей государственному департаменту.

В качестве характерного примера фальсификации истории политики США на Дальнем Востоке можно привести высказывание профессора религии и истории Востока Йельского университета Латуретта. «Важно отметить, — пишет он, — что в первое десятилетие американской деятельности на Дальнем Востоке (Латуретт имеет в виду 50-е годы XIX века. — Д. П.) был применён лишь минимум силы. Соединённые Штаты не участвовали вместе с Великобританией ни в одной из войн, с помощью которых она силой распахнула двери сопротивлявшегося Китая¹. Они также не требовали уступок территории, как это делали Великобритания, Россия, Голландия и Португалия. В проведении этой мирной, не направленной на аннексии политики американцы, однако, не были едины. Перри готов был разрядить свои пушки, если японцы окажутся несговорчивыми». Отметив далее, что Перри предлагал захватить остров Формозу, Бонинские острова и острова Рюкю, Латуретт тут же подчёркивает, что это было его личное мнение и что «вообще правительство США не желало быть втянутым так далеко в дальневосточные дела».

Все подобного рода притянутые за уши «доказательства» миролюбия американской политики на Дальнем Востоке в середине XIX века зиждутся на весьма зыбкой почве отдельных официальных документов, рассчитанных на широкую публику. Выше на примере инструкций, полученных коммодором Перри, уже было показано, что в конфиденциальных распоряжениях и приказах президента и членов правительства США говорится несколько иное. Перри проводил свою политику именно на основании последних документов, мало обращая внимания на дымовую завесу красивых фраз в публичных выступлениях президентов и читая между строк, чего именно требовало от него американское правительство. Признание этого про-

¹ Ещё один пример фальсификации истории. Не только специалистам-историкам, но и широким народным массам Китая отлично известно, что США оказывали помощь Великобритании во время первой опиумной войны 1839—1842 гг., активно выступали против китайцев в 1858 г. и т. д.

скальзывает и в работах некоторых американских авторов. «История посещения Японии коммодором Перри,— писал, например, публицист Эдвин Фольк в книге «От Перри до Пирл-Харбора»,— является одной из наиболее известных и живописных глав американской истории. Коммодору было приказано воздерживаться от применения вооружённой силы, если это не станет необходимым для защиты людей, кораблей и национального престижа. Государственный департамент напомнил морскому министерству, что только конгресс имеет право объявлять войну. Однако коммодор понимал, какое *практическое толкование* он должен дать этим конституционным ограничениям»¹.

Коммодор Перри последовательно осуществлял волю правящего класса Соединённых Штатов — американской буржуазии. Он действовал в её интересах, и смешно говорить о каком-то превышении власти, когда по возвращении в Америку Перри был принят как герой, завоевавший для неё Японию. Ему не было сделано, конечно, ни малейшего упрека за его действия. Более того, они получили полное одобрение президента, конгресса и правительства Соединённых Штатов. За заключение столь выгодного для США договора Перри получил в награду 20 тыс. долл.

Переписка Перри с Вашингтоном также не оставляет сомнений в том, что агрессивные действия коммодора в Японии были выражением экспансионистской политики США, мечтавших о захвате новой колонии. Отвечая на одну из депеш государственного департамента, Перри подчёркивал, что он приложит все силы, чтобы не допустить «какого-либо нарушения наших национальных прав», причём под «национальными правами» он понимал в первую очередь «право» США на грабёж народов Востока. «Я верю,— с циничной откровенностью писал коммодор,— что настал момент занять такую позицию на Востоке, которая даст возможность почувствовать силу и влияние Соединённых Штатов азиатским народам, привыкшим определять национальные права соответственно размерам выставленных вооружённых сил»².

¹ E. F. Falk, From Perry to Pearl Harbor. The Struggle for Supremacy in the Pacific, New York 1943, стр. 27. Курсив мой.— Д. П.

² См. Dulles, цит. соч., стр. 72.

В переговорах с японскими представителями Перри всегда выступал от имени правительства Соединённых Штатов, требуя полного удовлетворения американских притязаний. «Мы полностью готовы вступить в борьбу для победы», — заявил он от имени правительства во время одной из бесед с представителями Японии. Многозначительно напомнив им, что США недавно закончили войну с Мексикой, во время которой была оккупирована её столица, Перри подчеркнул, что «обстоятельства могут сложиться так, что ваша страна окажется в аналогичном положении. Вам следует об этом помнить»¹.

Итак, рассуждения американских историков и публицистов о мнимом расхождении между действиями коммодора Перри и инструкциями Белого дома являются сплошным блёфом. Они нужны лишь для того, чтобы скрыть колонизаторские планы Соединённых Штатов и затушевать агрессивный характер американской политики в Японии.

Дело ведь в конечном счёте не в том, что не были обстреляны японские города, а в том, что их постоянно держали под угрозой обстрела, что японцев заставляли идти на те или иные уступки под жерлами пушек. Бакуфу, сознавая свою слабость, не решилось ни в чём отказать американцам, что спасло Японию от вооружённой агрессии американских военно-морских сил. Но можно быть уверенным в том, что если бы оно проявило строптивость, то ядра 250 орудий обрушились бы на японские города и сёла. Вся история колониальных войн на Востоке служит наглядным примером того, как капитализм не останавливался перед применением вооружённой силы и огнём и мечом покорял народы Азии. Американская буржуазия отнюдь не представляла собой исключения. И это видно хотя бы из того, что десять лет спустя, в 1863 г., американцы первые вступили на путь вооружённых карательных экспедиций против японского народа.

После подписания договора Перри направился в Симода, где уже побывали его корабли «Вандалия» и «Саутгемптон», признавшие этот порт вполне пригодным для эксплуатации.

Американские моряки, высадившиеся здесь на берег, вели себя нагло, вызывающе. Они оставили у японцев о себе недобрую память.

¹ *Hayashi*, Diary of an official of the Bakufu. «Transactions of the Asiatic Society of Japan», v. VII, 1879, стр. 101, 104.

Характерен такой случай. Три американских офицера, возвращаясь с охоты, не успели попасть на корабли и решили переночевать в ближайшем храме. Вскоре туда пришли японские чиновники с переводчиком Хори Тацуносукэ и несколькими солдатами и потребовали, чтобы иностранцы немедленно покинули храм, так как не имеют права входить туда. Американцы в ответ вытащили пистолеты и заставили японцев удалиться. Во время переговоров по этому делу префект Курокава сослался было на то, что действия американских офицеров нарушают условия договора. «Однако,— признавал Вильямс,— сила была на нашей стороне... Путём угроз двинуться к Эдо у префекта было вырвано извинение и обещание, что подобные случаи больше не повторятся; было решено, что офицеры впредь могут ночевать на берегу, где им угодно»¹. Таков был первый пример «справедливого» правосудия.

Не лучше вели себя офицеры и матросы эскадры в другом японском порту — Хакодате. Они и здесь, как и в Симода, дали японцам наглядный пример американской «цивилизации». «Местные должностные лица,— записывал в своём дневнике Вильямс,— жаловались, что матросы играют в храмах в азартные игры, перелезают через стены, чтобы забраться в дома, вытаскивают товары из лавок и ведут себя, как сумасшедшие... Такой грабёж всего, что попадалось под руку, весьма поразил меня. Он отнюдь не делает чести морским офицерам. Мне было стыдно за такое проявление американского характера на глазах у японских должностных лиц...»²

28 июня 1854 г. коммодор Перри покинул со своей эскадрой воды Японии. 12 июля 1854 г. в Вашингтон прибыл капитан Адамс с текстом подписанного договора, который был представлен президентом сенату и единогласно им ратифицирован. Спустя полгода, 26 января 1855 г., капитан Адамс вновь возвратился в Японию с чрезвычайными полномочиями для обмена ратификационными грамотами, который и был произведён 21 февраля 1855 г. в Симода.

Канагавский договор появился в обстановке жестокого столкновения интересов различных капиталисти-

¹ *Williams*, цит. соч., стр. 183.

² Там же, стр. 192.

ческих государств, рвущихся к богатствам стран Дальнего Востока. Появление здесь американских военно-морских сил свидетельствовало о растущей заинтересованности буржуазии Соединённых Штатов в эксплуатации восточных рынков. Насильственное открытие Японии американским капиталом означало, что ещё одно капиталистическое государство решило с оружием в руках вступить в борьбу за рынки Азии. Проникновение в Японию было новым этапом на пути экспансии Соединённых Штатов на Дальнем Востоке, новым фактором дальнейшего усиления противоречий между капиталистическими государствами в этой части земного шара.

Канагавский договор явился важной вехой в истории японо-американских отношений. Во-первых, он послужил основой для заключения в 1858 г. более широкого торгового договора, расчистившего дорогу для закабаления Японии иностранным капиталом. Во-вторых, он открывал собой 45-летнюю историю японо-американских отношений, базирующихся на неравноправных, кабальных соглашениях, навязанных Соединёнными Штатами Японии. И, наконец, в третьих, с Канагавского договора берут своё начало попытки США закабалить Японию, превратить её в базу своей агрессии на Дальнем Востоке, в послушное орудие исполнения своих агрессивных замыслов. Это было главным содержанием всей политики США в отношении Японии в течение столетия — от насильственного открытия страны в 1853 г. до лишения Японии национального суверенитета и независимости в наши дни, когда она вновь оказалась опутанной кабальными соглашениями типа сан-францисского сепаратного мирного договора, пакта безопасности и т. д.

Вслед за Соединёнными Штатами поспешили урвать свою долю в Японии и другие капиталистические государства. В октябре 1854 г. в Нагасаки прибыл английский адмирал Стерлинг, сделавший попытку обеспечить для английского флота нейтральные порты в связи с началом Крымской войны. Стерлинг добивался не только открытия портов, но и гарантий того, что Япония не заключит с Россией никаких соглашений, нарушающих интересы Англии. Японское правительство отказалось, однако, дать такие гарантии, и англо-японский договор был составлен на базе Канагавского договора. Его подписание состоялось 14 октября 1854 г. Кстати, забегаю несколько вперёд,

следует отметить, что в годы Крымской войны Англия и Франция, несмотря на провозглашение Японией нейтралитета, использовали её порты для снабжения своих военных кораблей и для базирования на них военно-морских соединений, нападавших на русские суда.

Россия заключила договор с Японией на несколько месяцев позже Англии — 7 февраля 1855 г. Однако первая попытка заключить договор была сделана намного раньше, ещё в августе 1853 г., когда в гавань Нагасаки прибыл адмирал Путятин с четырьмя военными кораблями. Он передал японцам письмо русского министра иностранных дел Нессельроде с предложением решить вопрос о Сахалине и Курильских островах и открыть один или два порта для снабжения русских судов и для торговли. Письмо было передано в Эдо. Получив встречные предложения японцев, Путятин отправился в Шанхай, чтобы узнать об обстановке в Европе и запросить инструкции своего правительства. В ноябре 1853 г. он вновь появился в Нагасаки, но переговоры с японскими представителями не дали никаких результатов, и 5 февраля 1854 г. русская эскадра покинула Японию. 25 апреля того же года Путятин в третий раз пришёл в Нагасаки, но пробыл здесь недолго, отправившись вскоре на Сахалин. 8 ноября 1854 г. он на фрегате «Диана» появился в Осака, откуда через две недели направился в Симода, предложив продолжить переговоры о заключении договора. Здесь его застало большое землетрясение 23 декабря 1854 г., в результате которого Симода был почти полностью разрушен, а «Диана» получила сильные повреждения и затонула. Уже будучи в Японии фактически на положении пленного, Путятин сумел подготовить и в феврале 1855 г. подписать русско-японский договор. В договоре провозглашались «постоянный мир и искренняя дружба между Россией и Японией» (ст. 1). Курильские острова к северу от острова Итуруп объявлялись владением России, а остров Сахалин оставался попрежнему неразделённым (ст. 2). Согласно ст. 3 и 5 для русских судов открывались порты Симода, Хакодате и Нагасаки¹.

¹ См. Э. Д. Гримм, Сборник договоров и других документов по истории международных отношений на Д. Востоке (1842—1925), стр. 52—53.

Занимая в этот период внешне дружественную позицию по отношению к России, Соединённые Штаты на деле готовы были оказать поддержку англо-французскому флоту, который после начала Крымской войны готовился к нападению на русские владения на Дальнем Востоке. Одним из примеров лицемерной политики США может служить отношение к потерпевшему кораблекрушение экипажу «Дианы».

В своём официальном отчёте об экспедиции Путятин рассказывает, что в феврале 1855 г. американский корабль «Паухэтэн» побывал в Симода. Делая красивый жест, командир корабля предложил Путятину вывезти русских моряков из Японии в...Шанхай, где хозяйничали англичане и французы. «Не считая благоразумным следовать в порт, где мы были бы более всего во власти наших неприятелей, я отказался от этого предложения...»¹, — доносил Путятин. Командир американского фрегата отказался даже обеспечить сохранение тайны о положении русских моряков, объявив, как сообщал Путятин, что, «несмотря на всё его желание, он не может ручаться, чтобы через его команду, состоящую из людей всех наций, не разнёсся слух о нашем положении»².

Путятин сделал ещё одну попытку перебросить хотя бы часть своих людей в Петропавловск-на-Камчатке, чтобы усилить его гарнизон в связи с угрозой нападения англо-французского флота. Он заключил контракт со шкипером американского клипера «Янг Америка», заплатив ему большие деньги. Однако в последний момент, когда русские моряки закончили уже посадку на корабль, шкипер отказался от фрахта и высадил всех на берег.

После этого Путятин не делал больше попыток обращаться за помощью к «дружественной» Америке. Своими силами команда «Дианы» закончила вскоре постройку небольшой шхуны, на которой и вернулась в Россию. Англо-французской эскадре, которая направилась в Симода, чтобы взять русских моряков в плен, пришлось уйти ни с чем.

Вслед за Россией договоры, повторяющие в основном положения Канагавского договора, подписали с Японией

¹ «Морской сборник» № 10, август 1856 г., т. XXIV, Официальные статьи и известия, стр. 93.

² Там же, стр. 93—94.

Голландия (30 января 1856 г.), Франция (9 октября 1858 г.) и другие государства.

Все эти договоры означали, что Япония вышла на мировую арену не как самостоятельное, а как зависимое, опутанное неравноправными соглашениями государство. Само по себе прекращение изоляции от внешнего мира могло бы иметь положительное значение, если бы оно было совершено изнутри, по воле японского народа. В этом случае открытие страны позволило бы Японии приобщиться к мировой культуре, познакомило бы её с новейшими достижениями науки и техники, что ускорило бы и облегчило становление капиталистического способа производства. Однако, как мы видим, насильственное открытие Японии Соединёнными Штатами и европейскими капиталистическими государствами носило совсем иной характер. Оно было совершено извне, иностранцами, методами капиталистической агрессии. Оно принесло Японии все пороки капиталистической «цивилизации» и сделало её ареной борьбы между великими державами. Через несколько лет после заключения Канагавского и других договоров Японии пришлось подписать новую серию неравноправных, кабальных торговых соглашений. Япония была лишена таможенной автономии; навязанные ей низкие импортные тарифы мешали развитию национальной промышленности, принося в то же время громадные прибыли США и европейским державам. Наконец, открытие Японии предопределило появление в ней различного рода коммерсантов и просто авантюристов из различных стран, стремившихся прибрать к рукам богатства страны и безнаказанно осуществлявших различные махинации, пользуясь правом экстерриториальности.

Неравноправные договоры, навязанные Японии, дали возможность Соединённым Штатам и другим капиталистическим государствам широко вмешиваться во внутренние дела страны, что, как будет показано ниже, было ими использовано на определённом этапе для оказания поддержки реакционным силам, для всемерного ограничения буржуазной революции в стране.

3. НАСИЛЬСТВЕННОЕ ОТКРЫТИЕ ЯПОНСКОГО РЫНКА ДЛЯ ТОРГОВО-ПРОМЫШЛЕННОГО КАПИТАЛА США

(1854—1858 гг.)

Весть о подписании Канагавского договора была с ликованием встречена торговыми и судоходными компаниями Бостона, Нью-Йорка и других крупнейших торговых центров США. Нью-йоркская торговая палата приняла специальную резолюцию с выражением благодарности Перри. Купцы Бостона в честь столь радостного для них события выбили памятную медаль. Американская буржуазия уже предвкушала громадные прибыли от торговли с Японией, общая сумма которой, как предполагалось, должна была составить 200 млн. долл. в год¹.

Американские торговые компании решили немедленно приступить к эксплуатации японского рынка. Всего две недели спустя после того, как эскадра Перри покинула воды Японии, в залив Урага вошло первое американское торговое судно — клипер «Лэди Пирс». Его прибытие носило своего рода разведывательный характер: хозяин судна С. Барроус не приступил к торговле, а лишь обменялся подарками с японскими властями.

Первая попытка установить торговые отношения была сделана капитаном американской шхуны «Вильмингтон», которая в августе 1855 г. пришла с грузом различных товаров из Гонконга в Симода. Однако радужным надеждам капитана на большие барыши не суждено было сбыться. Японские власти категорически отказались вести какую-либо торговлю, резонно указав на то, что в Канагавском договоре ничего не говорилось непосредственно об открытии торговых сношений. Предприимчивый капитан «Вильмингтона» направился в Хакодате, но и оттуда был вынужден уйти ни с чем.

Так же безрезультатно окончились и все другие попытки американских купцов завязать торговлю с Япо-

¹ См. *Sakamaki Shunzo*, *Western Concepts of Japan and the Japanese, 1800—1854*, «The Pacific Historical Review», v. VI, No. I, March 1937, стр. 9. Это цифра совершенно фантастическая для того времени. 10 лет спустя, в 1865 г., общая сумма американской торговли с Японией составила 327 089 долл., а с Китаем—7 799 166 долл. Даже в 1900 г. торговля США с Японией и Китаем соответственно была равна 61 836 377 долл. и 42 155 796 долл., т. е. далеко не достигала 200 млн. долл. (см. *Dennett*, цит. соч., стр. 581).

нией в 1854—1855 гг. «Когда разнеслась весть о заключении коммодором Перри договора с Японией, — писал японский историк Киёдзава Киёси, — дельцы Соединённых Штатов послали немало людей для установления с ней торговых отношений, но все их попытки наладить торговлю и получить право резиденции окончились провалом»¹.

Взбешённые сопротивлением японских властей, американские дельцы потребовали от Вашингтона немедленно принять меры для расширения положений Канагавского договора. С этой целью американское правительство дало указание командиру дальневосточной эскадры Ринггольду немедленно направиться в Японию. Новая военно-морская экспедиция пошла по пути Перри. Она прежде всего отправилась на Тайвань, затем на Бонинские острова и отсюда — на острова Рюкю и к берегам Японии. Роджерс, сменивший во время плавания Ринггольда, был готов в соответствии с инструкциями из Вашингтона значительно расширить Канагавский договор, превратив его в договор торговый. Что же касается методов действий, то он, как и коммодор Перри, рассчитывал прежде всего на орудия своей эскадры. «Слова, не подкреплённые авторитетом множества пушек, мало к чему приведут. Я считаю, что это утверждение — ключ ко всему»², — так формулировал Роджерс свою разбойничью точку зрения в письме морскому министру от 11 июня 1855 г. Развивая свои планы, Роджерс в другом письме — от 19 июня 1855 г. — предлагал нанести Японии удар «сразу значительными силами». «В этом случае, — подчёркивал Роджерс, — японцы будут повергнуты в ужас и побеждены...»³

Рассуждения Роджерса отражали те настроения, которые господствовали в 1854—1855 гг. среди влиятельных кругов американской торгово-промышленной буржуазии, заинтересованных в расширении связей с Востоком. Они мечтали о широком проникновении на японский рынок как первом этапе на пути превращения Японии в свою колонию. Инспирированная буржуазией американская пресса в эти годы на все лады трубила о том, что нельзя останавливаться на полпути, что необходимо широко «раскрыть двери» Японии, даже если для этого потребуется во-

¹ *Киёдзава Киёси*, цит. соч., т. I, стр. 69.

² *Cole*, цит. соч., стр. 61.

³ Там же, стр. 101—102.

оружённая интервенция. Газета «Сан-Франциско дейли геральд», например, с циничной откровенностью заявляла, что «в интересах поддержки американских купцов правительство должно скорее подвергнуть бомбардировке ряд японских городов, чем делать попытки прийти к соглашению»¹.

Поведение Роджерса в Японии говорило о том, что именно к этому шло дело. В письме, адресованном министру иностранных дел Японии, Роджерс в ультимативной форме требовал разрешить его экспедиции проводить любые исследования в японских прибрежных водах. «Я даже не могу себе представить все последствия отказа,— грозил он.— Президент Соединённых Штатов не сможет, конечно, рассматривать такой отказ как свидетельство доброй воли японского правительства... Любые попытки помешать мне или непрошенное вмешательство японцев в мои действия заставят меня отнестись к ним как к нарушителям статьи 4 договора, т. е. как к врагам императора Японии и президента Соединённых Штатов»².

Эскадре Роджерса не пришлось вступать в бой. Проведя всего несколько дней в Японии, она была вынуждена срочно отплыть в Китай, где назревала новая война капиталистических хищников против китайского народа.

То, чего не успел добиться Роджерс, было решено поручить консулу США в Японии, который должен был быть назначен в соответствии со статьёй 11 Канагавского договора. Пост консула в Японии приобретал, таким образом, весьма важное значение.

Из ряда кандидатов на этот пост президент США Пирс выбрал Таунсенда Гарриса. Это был один из многочисленных в то время авантюристов, бросившихся на Восток в поисках лёгкой наживы. В 1848 г., когда в Калифорнии началась золотая лихорадка, Гаррис быстро свернул свои торговые дела в Нью-Йорке и направился в Сан-Франциско, чтобы заняться торговлей со странами Востока, приносящей в то время громадные прибыли. В 1850 г. он появился в Китае, в городе Нан-

¹ Cole, цит. соч., стр. 17.

² Там же, стр. 51—52. Ссылка Роджерса на договор — очередная фальсификация с его стороны. Статья 4 Канагавского договора регулировала обращение с потерпевшими кораблекрушение и никакого отношения к исследованию японских вод не имела, как, впрочем, и другие статьи этого договора.

книге. На следующий год его можно было видеть уже на острове Пенанг, а в 1852 г. — в Сингапуре. В 1853 г. Гаррис прибыл в Гонконг, откуда в следующем году перебрался в Калькутту. В 1856 г. неутомимый купец и авантюрист оказался уже на Цейлоне. Первое время коммерческие дела Гарриса шли весьма удачно, но вскоре в связи с жестокой английской конкуренцией в Китае и Индии ему пришлось понести большие убытки. Он оказался на грани разорения.

Чтобы несколько поправить свои дела, Гаррис решил устроиться на какой-нибудь официальный пост в одной из стран Востока. Узнав о заключении Канагавского договора и о том, что президент Пирс подбирает кандидатуру для назначения на пост генерального консула в Японии, Гаррис направился в США, чтобы оставить это место за собой.

По просьбе Гарриса восемь влиятельных представителей торгово-промышленных компаний Бостона и Нью-Йорка подписали письмо президенту Пирсу, рекомендуя назначить Гарриса на какой-либо консульский или дипломатический пост в одной из стран Востока. К этой рекомендации присоединились также коммодор Перри и пока ещё сенатор, а вскоре — государственный секретарь США Сьюард. Эти люди, известные как наиболее ярые вдохновители американской экспансии на Тихом океане, не случайно поддерживали кандидатуру Таунсэнда Гарриса. Им было отлично известно, что он полностью согласен с их планами самого широкого проникновения в страны Востока.

Если Перри ратовал в 1854 г. за захват островов Рюкю и Бонинских, то Гаррис в том же году в письме государственному секретарю США Марси из Макао (от 24 марта 1854 г.) доказывал, что для дальнейшего развития американской торговли со странами Дальнего Востока «совершенно необходимо» захватить остров Тайвань. «Таунсэнд Гаррис, человек более умеренный (?), чем коммодор Перри, разделял его энтузиазм к территориальной экспансии, — вынужден был признать американский автор, доктор философии Йельского университета Гриффин. — Как Перри и Паркер (известный своими агрессивными настроениями посол США в Китае. — Д. П.), он настаивал на приобретении Формозы. В письме от 24 марта 1854 г. из Макао он писал об этом столь откровенно, что государственный де-

парламент счёл неудобным публиковать некоторые места из этого письма. Гаррис придавал исключительное значение этому острову как военно-морской базе и торгово-промышленному центру...»¹ «Если бы планы Гарриса осуществились,— отмечал японский историк Токутоми,— то Тайвань уже в то время стал бы американским владением»².

Человек таких взглядов вполне устраивал американских экспансионистов, и 4 августа 1855 г. президент Пирс подписал указ о назначении Гарриса на пост генерального консула в Японию.

Вскоре Гаррис получил от государственного департамента инструкции, которые предписывали ему вести переговоры и добиться заключения с Японией торгового договора, аналогичного неравноправному, кабальному договору 1844 г. с Китаем. Американские правящие круги надеялись, что Гаррис сумеет навязать такое же соглашение и Японии. «Президент надеется,— писал 12 сентября 1855 г. государственный секретарь США Марси, поздравляя Гарриса с назначением,— что благодаря Вашему знанию восточного характера, Вашей образованности и деловому опыту Вы произведёте такое впечатление на японцев, которое со временем приведёт их к заключению торгового договора с нами»³.

Перед отплытием в Японию Гаррис счёл необходимым повидаться с коммодором Перри, который, как многозначительно подчёркивал историк Кроу, «дал ему короткий, но ценный совет, как он должен поставить себя, обосновавшись в Японии»⁴. Что это был за совет, станет ясно, когда мы ближе познакомимся с агрессивными методами действий Гарриса на посту генерального консула в Симода.

По пути в Японию Гаррис побывал в Сиаме, с которым заключил весьма выгодный для Соединённых Штатов договор. Гаррис получил за это от американского правительства крупное вознаграждение в размере 12 тыс. долл.

¹ *E. Griffin, Clippers and Consuls. American Consular and Commercial Relations with Eastern Asia. 1845—1860, Ann Arbor 1938, стр. 40.*

² *Токутоми Иитиро*, цит. соч., т. 35, Токио 1935, стр. 112.

³ *Dennett*, цит. соч., стр. 349.

⁴ *C. Crow, Harris of Japan, The Story of Townsend Harris and his Amazing Adventures in Establishing Relations with the Far East, London 1939, стр. 58.*

31 августа 1856 г. корабль «Сан-Джэкинто», на борту которого находился новый американский консул, подошёл к берегам Японии.

Хорошо усвоив, видимо, советы Перри, полученные перед отплытием из США, Гаррис буквально с первых часов пребывания в Японии стал проводить излюбленную коммодором политику угроз и диктата.

Первое столкновение американского консула с японскими властями было связано с тем, что губернатор Симода категорически отказался предоставить Гаррису помещение на берегу, т. е. вообще отказался принять его в качестве консула. Аргументируя своё решение, японцы указывали на то, что консул назначается согласно договору в случае возникновения каких-либо затруднений, а их пока не было; они отмечали также, что Гаррис имеет ранг генерального консула, а в договоре речь шла просто о консуле и т. п.

Ответные «аргументы» Гарриса были столь же просты и нагло откровенны, как и «аргументы» Перри: он заявил, что постарается обсудить в ближайшее время с командующим американской эскадрой в дальневосточных водах коммодором Армстронгом вопрос о том, чтобы «подняться по заливу к Эдо и получить удовлетворение за проявленный по отношению к нему недостаток уважения»¹.

Против таких «доводов» чиновникам бакуфу нечего было возразить: сёгунат не мог и не хотел оказывать вооружённое сопротивление американцам. Гаррис, по замечанию Токутоми, оказался «таким гостем, которого бакуфу никак не могло не принять»². Американскому консулу было предоставлено помещение буддийского храма в Какидзаки, в окрестностях Симода.

Свою деятельность в качестве генерального консула Гаррис решил начать с переговоров о заключении нового договора с Японией. Он должен был содержать главным образом такие статьи, которые были включены в 1854—1857 гг. в соглашения Японии с различными государствами и распространялись на США по праву наиболее благоприятствуемой нации.

Нет надобности приводить здесь все перипетии длительных переговоров между Гаррисом и японскими пред-

¹ *Crow*, цит. соч., стр. 135.

² *Токутоми Нитиро*, цит. соч., т. 35, стр. 118.

ставителями о тексте нового японо-американского соглашения. Следует сказать лишь несколько слов о методах дипломатии Гарриса. Это надо сделать в связи с тем, что американские реакционные историки во весь голос кричат о «миролюбии» Гарриса, о том, что его методы переговоров резко отличались от методов коммодора Перри. Подробно вся лживость этих утверждений будет показана ниже. Здесь же следует привести лишь одну запись из дневника Гарриса, из которой станет ясно, в какой атмосфере происходили переговоры и какие «аргументы» применял американский консул.

«...Я сказал им, — записывает Гаррис 3 марта 1857 г. одну из бесед с представителями сёгуна, — что я должен конфиденциально передать им одним нечто очень важное. К моему великому удивлению, все сразу же вышли из комнаты, кроме губернаторов и переводчика Морияма. Тогда я прочитал им выдержку из письма государственного секретаря, в котором говорилось, что если японцы будут уклоняться от заключения договора, то президент не преминет потребовать от конгресса полномочий использовать *такие аргументы, которые они не смогут отклонить*. Волнение японцев было исключительным, эффект очень сильным. Они поблагодарили меня за то доверие, которое я оказал им, зачитав эту часть письма государственного секретаря, и спросили, могут ли они передать это правительству. Я ответил, что они могут это сделать»¹.

Грозя японцам применением вооружённых санкций, Гаррис в то же время прекрасно сознавал, что ему нечем подкрепить свои угрозы. С горечью и сожалением писал он об отсутствии в его распоряжении вооружённых сил. «Если бы у меня был здесь военный корабль, — говорилось в записи от 25 апреля 1857 г., — я быстро получил бы ответы на мои требования, но я уверен, что они не будут удовлетворены до тех пор, пока здесь не появится военный корабль»². И ещё одна запись, характеризующая позицию Гарриса: «Я полон решимости проводить твёрдый курс по отношению к японцам...»³. Нет необходимости расшифровывать, что значило на языке американских экспансионистов проведение «твёрдого курса».

¹ См. *Murdoch*, цит. соч., стр. 627. Курсив мой. — Д. II.

² См. *Crow*, цит. соч., стр. 193.

³ См. там же, стр. 174.

17 июня 1857 г. Гаррис и представители сёгуна Иноуэ Сывано-но ками и Накамура Дэва-но ками подписали японо-американскую конвенцию, дополнявшую и расширявшую Канагавский договор¹.

Статья 1 конвенции предусматривала открытие порта Нагасаки для американских судов. В Канагавском договоре, как известно, речь шла об открытии только двух портов — Симода и Хакодатэ. Но поскольку в англо-японском договоре от 14 октября 1854 г. Нагасаки объявлялся одним из двух открытых портов (второй — Хакодатэ), то японцам пришлось согласиться на открытие его и для американских судов.

Статья 2 конвенции предоставляла американцам право постоянного жительства в Симода и Хакодатэ. Такой статьи не было ни в одном из заключённых Японией с иностранными державами договоров. В Канагавском договоре только одному консулу США разрешалось постоянно находиться в Японии; в договоре с Англией вообще об этом не было речи, а в договоре с Россией (от 7 февраля 1855 г.) говорилось только о консуле в одном из открытых портов. Под давлением Гарриса японцы были вынуждены согласиться на то, на что не шли почти три года, — разрешить иностранцам постоянно проживать в Японии. Эта же статья конвенции предусматривала назначение вице-консула в порт Хакодатэ.

Важное значение имела и статья 4 конвенции, которая расширяла сферу действия в Японии системы экстерриториальности, предоставляя американцам право консульской юрисдикции.

Статья 5 устанавливала порядок закупки американскими кораблями товаров в открытых портах.

Последующие две статьи конвенции определяли статут американского консула в Японии: ему предоставлялось право свободного передвижения по стране, но временно он обязывался воздерживаться от использования этого права; кроме того, консулу разрешалось делать необходимые

¹ Несколько сокращённый текст конвенции на русском языке см. Э. Д. Гримм, Сборник договоров и других документов по истории международных отношений на Д. Востоке (1842—1925), стр. 54; на японском языке см. «Гаймусё дзёякукёку. Кюдзёяку исаи», т. I, ч. I; на английском языке см. *Malloy*, цит. соч., стр. 998—1000.

закупки непосредственно у японских купцов без вмешательства правительственных чиновников.

Таким образом, Гаррис путём угроз добился включения в японо-американскую конвенцию ряда положений, направленных на дальнейшее укрепление американских позиций в Японии. Опутывание Японии цепями неравноправных договоров шло быстрыми темпами: от её насильственного открытия в 1854 г. до распространения на всех иностранцев системы консульской юрисдикции прошло всего три года.

Японо-американская конвенция 1857 г. предоставляла американцам ряд новых привилегий. Но всё же она не решала основной проблемы — проблемы установления торговых отношений, проблемы открытия японского рынка, об использовании которого мечтали американские торговые компании. Американскому капитализму нужен был широкий торговый договор с Японией.

Чтобы добиться этой цели, Гаррис ещё в 1857 г., когда шли переговоры о тексте конвенции, потребовал предоставить ему возможность побывать в столице и вручить лично сёгуну письмо президента. «Официально целью поездки Гарриса была передача послания президента, — отмечал Киёдзава Киёси, — но фактически он надеялся использовать эту аудиенцию для переговоров о заключении торгового договора»¹.

Добиваясь приёма у сёгуна, Гаррис, как и во время обсуждения текста конвенции, не переставал запугивать японских представителей прибытием большого количества иностранных кораблей. Бакуфу видело реальность этих угроз, ибо в то время, когда в Симода шли переговоры с американским консулом, на юге, в Нагасаки, появились военные корабли Голландии, представители которой приступили к обсуждению с японцами дополнительных статей к подписанному ранее договору. Сёгунату приходилось отбиваться от капиталистических государств на два фронта, что, естественно, усиливало позиции Гарриса. Кроме того, японское правительство было прекрасно информировано о разбойничьих действиях англо-французской эскадры в Китае. Оно понимало, что в случае отклонения тех или иных требований

¹ *Киёдзава Киёси*, цит. соч., стр. 76.

иностранцев последние не останятся перед вооружённой агрессией и в Японии.

«Аргументы» Гарриса получили вскоре и ясное материальное подкрепление: 7 сентября 1857 г. в Симода прибыл американский военный корабль «Портсмут», направлявшийся из Шанхая в Хакодате. «Бесспорно, что прибытие «Портсмута» в залив Симода, — отмечал Токутоми, — значительно ускорило разрешение тех вопросов, на которых настаивал Гаррис, — поездки в Эдо и вручения послания президента»¹.

Бакуфу было вынуждено пойти на уступку. 23 сентября 1857 г. Гаррису было передано сообщение губернаторов Симода (их было двое) о том, что из Эдо получен благоприятный ответ на его просьбу об аудиенции у сёгуна.

Согласие бакуфу на поездку Гарриса в Эдо ещё далеко не означало, что оно было готово пойти на подписание торгового договора. Японское правительство надеялось, что всё ограничится лишь передачей письма президента сёгуну.

23 ноября 1857 г. Гаррис с большим эскортом (около 350 человек) вышел из Симода и 30 ноября 1857 г. прибыл в Эдо. Спустя неделю американский консул был принят сёгуном Иасада.

После краткой речи Гаррис передал сёгуну письмо президента. Основной его смысл сводился к тому, что между США и Японией должен быть заключён торговый договор. «Мне кажется, — писал президент Пирс, — что существующий договор между Соединёнными Штатами и Японией может быть расширен с таким расчётом, чтобы обеспечить большие возможности для обмена богатой и разнообразной продукцией, производимой в обширной империи Вашего Величества, на товары Соединённых Штатов»².

После аудиенции у сёгуна Гаррис развернул бурную деятельность в столице, стремясь заставить японское правительство удовлетворить американские требования. Он заявил японскому министру иностранных дел Хотта, что ему необходимо как можно скорей сделать правительству или лично Хотта «важное сообщение», имеющее большое значение для Японии.

¹ Токутоми Иитиро, цит. соч., т. 36, стр. 150.

² См. Crow, цит. соч., стр. 241.

12 декабря американский консул был принят Хотта. Более двух часов Гаррис потратил на то, чтобы убедить японцев в необходимости заключения торгового договора с США. Эта речь интересна тем, что в ней американский консул откровенно говорит о планах США в отношении Японии. Она знаменательна ещё и с другой стороны: по тону и «аргументам» американского консула можно составить себе довольно ясное представление о тех методах, с помощью которых Гаррис думал добиться заключения торгового договора.

Гаррис подробно изложил те причины, которые, по мнению американцев, делали необходимым заключение торгового договора. Сюда отнесены были бурный рост промышленности на Тихоокеанском побережье США и увеличение там численности населения, развитие парового судоходства, расширение мировых экономических связей и т. д. Иными словами, Гаррис приводил все те аргументы, которые в 1852 г. выдвигал президент США Фильмор в своём послании императору Японии.

Исходя из всех этих соображений, Гаррис предложил японцам заключить торговый договор, основывающийся на следующих основных принципах:

1) японцы признают право американцев на свободную торговлю с японскими подданными без вмешательства правительственных чиновников;

2) японская сторона признаёт за американским полномочным представителем право постоянного проживания в Эдо;

3) японская сторона согласится на открытие дополнительных портов для торговли и снабжения кораблей¹.

Все эти положения были направлены, как это ясно видно, на дальнейшее укрепление американских позиций в Японии, на дальнейшее расширение американской торговой экспансии.

Гаррис не пожалел красок, чтобы в самом привлекательном свете представить те выгоды, которые принесёт Японии торговля с Америкой. Тут же он нарисовал и самую мрачную картину бедствий, ожидающих Японию в случае отклонения американских требований. Вся аргументация Гарриса была здесь построена на лицемерном противопоставлении «мирных» и «дружественных» намерений

¹ См. *Crow*, цит. соч., стр. 245—247.

США агрессивным и алчным устремлениям других капиталистических государств.

«Я сказал им, — записывал Гаррис в своём дневнике, — что иностранные государства будут одно за другим посылать свои мощные флоты в Японию с требованием открыть страну; что Япония должна будет либо уступить, либо испытать все бедствия войны; что если даже дело не дойдёт до военных действий, то всё же страна будет постоянно находиться в состоянии тревоги из-за присутствия в её водах больших иностранных вооружённых сил...»¹

Запугивая японцев возможностью агрессии со стороны европейских держав, Гаррис сообщил им, что вскоре в Японию прибудет англо-французская эскадра, задержка которой объясняется только событиями в Китае. Англичане и французы с оружием в руках потребуют заключения торгового договора. Если же «Япония до этого заключит договор с Соединёнными Штатами, — говорил Гаррис, — то у меня есть все основания полагать, что и Англия и Франция не будут предъявлять чрезмерные требования. Но даже если они сделают это, то я готов заявить, что моё правительство использует всё своё влияние, чтобы поддержать мир и безопасность Японии»². «Договор с Соединёнными Штатами необходим, следовательно, Японии для того, — резюмировал Гаррис, — чтобы не уронить её достоинство и спасти её от неминуемого насильственного открытия под угрозой применения вооружённой силы»³.

Таков был главный аргумент Гарриса, поставившего перед японскими представителями дилемму: или заключить договор с США, или подвергнуть Японию всем ужасам войны. Это была старая, проводившаяся ещё коммодором Перри политика угроз. Её сущность ничуть не изменилась от того, что Гаррис грозил прибытием не американского, а англо-французского флота.

Пугая Японию агрессивными действиями англо-французского флота, Гаррис в то же время постарался в розовом свете представить политику США. «Если государство собирается начать агрессию, — говорил он, — то оно должно иметь базы поблизости от той страны, где

¹ См. *Crow*, цит. соч., стр. 247.

² *Murdoch*, цит. соч., стр. 637.

³ *Осадакэ Такэси*, Кокусайхо ёри митару бакумацу гайко моногатари (Дипломатические отношения периода Бакумацу с точки зрения международного права), Токио 1926, стр. 196.

оно намерено захватить новую территорию; но у Соединённых Штатов нет опорных пунктов на Востоке, что ясно доказывает отсутствие у них каких-либо агрессивных намерений». Это был редкий пример самой бессовестной лжи, рассчитанной на слишком доверчивых слушателей, ибо отсутствие баз в этот период отнюдь не мешало США проводить агрессивную политику на Дальнем Востоке.

Гаррис с драматическим пафосом осудил политику агрессии, назвав её «пиратской», и заявил далее, что «национальные принципы Соединённых Штатов запрещают проведение такой политики: американское государство никогда со времени своего образования не захватывало ни дюйма чужой территории»¹.

Как видно, Гаррис не считал агрессией ни жестокие войны с индейцами и захват их территорий, ни грабительскую войну с Мексикой и отторжение её северных областей, ни притязания Перри, ни, наконец, свои собственные требования к Японии о предоставлении военно-морских баз на её территории.

Но американскому консулу не удалось ввести японцев в заблуждение относительно истинных намерений США, ибо, «сверяя его доводы с голландскими сообщениями, они отлично видели неправдоподобность заявлений Гарриса о том, что США не хотят захватывать Гавайи и расширять свою территорию с помощью силы...»². Хотта и его свита «...понимали также, что утверждения Гарриса расходятся с истинным положением в мире»³. Под лицемерно-дружественной личиной Гарриса они сумели разглядеть колонизатора и экспансиониста.

Речь американского консула произвела, по свидетельству японских историков, сильное впечатление на слушателей⁴. Они поняли, что вопрос о заключении торгового договора поставлен на повестку дня, что давление американцев может быть с минуты на минуту поддержано англичанами и французами. Бакуфу полностью сознавало неподготовленность Японии к сопротивлению развёртывающейся экспансии иностранного капитала; в этих условиях ему ничего не оставалось делать, как дать

¹ *Murdoch*, цит. соч., стр. 637—638.

² *Токутоми Итиро*, цит. соч., т. 36, стр. 451—452.

³ Там же, стр. 455.

⁴ См. *Осадакэ Такэси*, цит. соч., стр. 196.

согласие на переговоры о заключении нового договора, на чём настаивал Гаррис.

Первое совещание между американским консулом и японскими представителями Иноуэ Синано-но ками и Ивасэ Хиго-но ками состоялось 25 января 1858 г. На нём Гаррис предложил принять за основу переговоров проект договора, заготовленный им ещё до отъезда в Эдо. Этим Гаррис стремился предупредить возможность представления японцами своего проекта и сразу ввести переговоры в удобное ему русло. «Я стремлюсь захватить инициативу в представлении проекта договора,— писал он в дневнике,— так как в случае представления его японцами будет трудно, если не невозможно, отклонить его...»¹

Проект Гарриса вызвал серьёзные возражения у японских представителей. Одним из основных спорных вопросов был вопрос о размере таможенных тарифов. Заботясь об интересах американских промышленных и торговых компаний, Гаррис предложил принять дифференцированную шкалу пошлин на импорт от 5 до 35% от стоимости товара вместо предлагаемой японцами 12,5-процентной тарифной сетки на все без исключения товары. Система скользящей шкалы тарифов, которую выдвигал Гаррис, позволяла установить низкие пошлины на американские товары и высокие — на товары других стран.

Гаррис отклонил также японское предложение об установлении пошлины в 12,5% на все вывозимые из Японии товары, потребовав принять минимальный, 5-процентный тариф, в чём были особенно заинтересованы американские торговцы шёлком-сырцом, чаем и другими экспортируемыми из Японии товарами.

После длительных переговоров японские представители были вынуждены принять предложенную Гаррисом тарифную сетку. Они выразили также готовность признать в принципе право американцев на непосредственную торговлю с японскими купцами без вмешательства правительственных чиновников. Надо отметить, что это было весьма важной уступкой сёгуната, так как бакуфу, надеясь несколько улучшить своё финансовое положение за счёт доходов от внешней торговли, понимало её сначала не как частную торговлю японских купцов с иностранными, а как правительственную монополию. Признание

¹ См. *Crow*, цит. соч., стр. 257.

же теперь принципа невмешательства властей в торговлю означало не только крах планов оздоровления японских финансов в результате развития внешней торговли, но и вынужденный отказ от права регулировать номенклатуру, количество и качество покупаемых и продаваемых за границу товаров.

Серьёзные возражения японских представителей вызвало требование Гарриса об установлении постоянного посольства Соединённых Штатов в Эдо. Они боялись, что появление иностранцев в столице обострит и без того накалённую внутриполитическую обстановку в Японии. Но и в этом вопросе Гаррису удалось настоять на своём. Насколько неохотно шли на это японцы, уступая только под влиянием угроз Гарриса, прекрасно видно из письма одного из наиболее влиятельных людей того времени, Ии Наосукэ, который спустя несколько месяцев занял высший административный пост в правительстве сёгуна. Изучив направленный ему на консультацию проект договора, Ии Наосукэ писал министру иностранных дел бакуфу Хотта:

«Ничто не могло бы быть лучше, если бы нам удалось отклонить американские требования. Но я считаю это невозможным. Поэтому если мы согласимся на создание американского посольства в Эдо, то это должно быть сделано не раньше, чем японское посольство будет учреждено в Соединённых Штатах.

Если же этого не удастся добиться, то не будет другого выхода, как уступить требованиям американского консула по этому вопросу»¹.

Под страхом открытия военных действий японцы согласились также подтвердить право американских граждан на консульскую юрисдикцию, о чём говорилось уже в конвенции 1857 г.

Только по двум пунктам японским представителям удалось отстоять свои позиции.

Прежде всего они категорически отвергли предложение американского консула о том, чтобы было разрешено свободное передвижение по Японии всем американским гражданам, «которые будут хорошо вести себя в течение года».

¹ См. *Nakamura Katsumaro, Lord Ii Naosuke and New Japan, 1909, стр. 144.*

Было отклонено также и ещё одно требование Гарриса: открыть для торговли восемь портов. Бакуфу соглашалось заменить Симода на Канагава, но всячески возражало против открытия дополнительно двух портов на острове Кюсю. В ответ на ссылки Гарриса на необходимость снабжения пароходов топливом японские представители сообщили, что в районе Нагасаки имеются большие залежи угля и, следовательно, нет нужды открывать другие порты. Упорство сёгуната в этом вопросе в значительной мере объяснялось боязнью непосредственных сношений оппозиционных феодалов Сацума и Тёсю с иностранцами. Гаррис был вынужден согласиться на открытие не восьми, а пяти портов.

Во всех других вопросах американский консул не уступил ни на иоту, с раздражением отвергая все негодные ему поправки к проекту договора, которые делали японские представители. Но даже наедине с собой, заноса в дневник барски пренебрежительные отзывы о возражениях японцев, Гаррис не забывал встать в позу «благодетеля» Японии. «Это поправки различного рода, — писал он. — Одни из них абсурдны, другие — злонамеренны, и ни одна из них не принесёт ни малейшего блага Японии... Принятие некоторых из них затемнит то, что сейчас ясно, а другие только вызывают смех»¹. Оказывается, даже сами японцы выступают против собственных интересов, пытаясь отклонить непомерные требования Гарриса!

В середине февраля 1858 г. все статьи нового договора были в основном согласованы, и он был готов для подписания.

К этому времени внутривнутриполитическое положение в стране значительно обострилось. Всё более прочные позиции завоевывал антисёгунский блок, объединявший недовольных сёгунатом феодальных князей и представителей определённых слоёв нарождавшейся торгово-промышленной буржуазии. Они выдвинули лозунг передачи сёгуном всей власти в руки императора, рассчитывая сделать его послушным исполнителем своей воли. В конце 50-х годов XIX века во главе антитокугавского блока стоял крупный феодал Мито Нариаки, который развил активную деятельность, требуя отмены уже заключённых

¹ См. *Crow*, цит. соч., стр. 280.

договоров и ареста Гарриса. «Гаррису надо отрубить голову...»¹ — заявил Мито Нариаки в беседе с представителями бакуфу Кавадзи и Наган в начале 1858 г.

Члены правительства сёгуна более реально расценивали создавшуюся обстановку. Им было ясно, что не может быть и речи об аннулировании договоров с иностранными державами или о расправе с Гаррисом. Под угрозой американской интервенции бакуфу было вынуждено сделать очередной шаг на пути открытия страны и согласиться на подписание нового, ещё более тяжёлого для Японии торгового договора.

Однако боязнь растущего антисёгунского движения, лидеры которого не преминули бы использовать этот шаг бакуфу в своих целях, побудила правительство сёгуна сделать попытку снять с себя часть ответственности, обеспечив санкционирование договора императорским двором. С этой целью в Киото, где находилась резиденция императора, были направлены два видных сановника сёгуната — Хаяси Дайгаку-но ками и Цуда.

Американскому консулу, который находился в это время ещё в Эдо, было предложено обождать ответа императора. Гаррису ничего другого не оставалось делать, как согласиться на отсрочку в подписании договора. Однако он потребовал выдать ему письменное обязательство, что договор непременно будет подписан по истечении определённого срока. Хотта, непосредственно ведавший переговорами с иностранцами, был вынужден дать такое обязательство.

Однако добиться санкции императора на подписание нового договора оказалось не так-то легко.

По требованию антисёгунского блока, решившего использовать в своих интересах затруднения сёгуната в области внешней политики, императорский двор, категорически высказался против заключения нового договора.

В условиях всё усложняющейся обстановки и растущего нажима как со стороны Соединённых Штатов, так и внутренней оппозиции сёгун решил поставить во главе правительства сильного и авторитетного человека. 4 июня вся исполнительная власть в стране была передана в руки Ии Наосукэ, который получил титул тайро (глава старейшин).

¹ *Murdoch*, цит. соч., стр. 646.

Ии Наосукэ прежде всего предстояло решить, как быть с договором с Соединёнными Штатами. Он был убеждён, что уклониться от его подписания будет невозможно, так как это неминуемо вызовет вооружённые репрессии со стороны иностранцев.

Трезво оценивая военную мощь Японии, Ии Наосукэ писал:

«Публика считает храбрыми солдатами тех, кто громко кричит об изгнании иностранцев, и трусами тех, кто стоит за мир. На мой взгляд храбрость кричащих о войне без всякой надежды на победу можно сравнить только с храбростью диких кабанов и тигров, свирепость которых проистекает скорее из их страха, чем из настоящей храбрости. Точка зрения этих людей совершенно не заслуживает серьёзного внимания»¹.

Своё мнение о полной неподготовленности Японии к войне и о необходимости сохранения мира любыми путями Ии Наосукэ отстаивал в ряде писем, направленных членам бакуфу. В 1858 г., когда на повестке дня стояло подписание торгового договора с США, Ии писал:

«Если перед лицом исключительно серьёзного положения, в котором мы теперь очутились, Япония будет, как и в прежние времена, всё так же придерживаться законов предков об изоляции, то я боюсь, что это может кончиться плохо для нас. Я склонен думать, что мы должны проводить более продуманную политику, направленную на поддержание мира во всём мире и охрану независимости и благосостояния нашего народа»².

В создавшейся обстановке Ии Наосукэ считал единственным разумным выходом согласиться на заключение договора с Соединёнными Штатами. Но в то же время он постарался провести это с наименьшим ущербом для сёгуната. С этой целью Ии Наосукэ стал, с одной стороны, добиваться поддержки ряда крупнейших феодальных князей, лично беседуя с ними и доказывая им правильность проводимой правительством политики; с другой стороны, Ии считал необходимым всё же тем или иным способом получить санкцию императора, чтобы выбить серьёзное оружие антииностранный пропаганды из рук оппозиции. Будучи уверен, что с Киото удастся дого-

¹ См. *Nakamura*, цит. соч., стр. 99.

² См. там же, стр. 102—103.

вориться, глава правительства дал директивы добиться согласия Гарриса на отсрочку подписания договора до получения этой санкции. Но в то же время Ии был готов в случае крайней необходимости взять на себя всю ответственность и подписать договор независимо от мнения императора.

Гаррису пришлось согласиться отложить подписание договора на три месяца — до 4 сентября 1858 г. Однако он потребовал от представителей бакуфу дать ему достаточные гарантии того, что договор с США будет подписан раньше этого срока, если в японские воды придёт какой-нибудь иностранный корабль. Кроме того, Гаррис настаивал на том, чтобы японцы обязались «не подписывать никакого договора или конвенции с иностранными державами до истечения 30 дней после подписания договора с США»¹.

Эти требования Гарриса были в значительной мере связаны с прибытием в Эдо 23 апреля 1858 г. голландского посла Донкера Куртнуса, который предложил бакуфу начать переговоры о подписании договора, аналогичного в основном договору Гарриса, но без тех статей, которые вызывали наибольшие возражения со стороны японцев². Взяв с представителей сёгуната обязательство не заключать никаких соглашений с иностранными державами до истечения месячного срока со дня подписания договора с США, Гаррис обеспечивал Соединённым Штатам приоритет в установлении торговых отношений с Японией.

Однако японо-американскому договору суждено было быть подписанным задолго до истечения трёх месяцев. 23 июля 1858 г. в бухте Симода бросил якорь американский паровой фрегат «Миссисипи», известный японцам по экспедиции Перри. Гаррису были переданы подробные известия о военной кампании в Китае, о разгроме китайских войск объединёнными англо-французскими силами и о подписании Тяньцзиньских договоров. Ему было сообщено также, что англо-французский флот, освободившийся в связи с окончанием войны в Китае, в скором времени прибудет в Японию, чтобы заставить сёгунат подписать с Англией и Францией торговые договоры.

Вскоре в Симода прибыл второй американский военный корабль — «Паухэтэн». На нём Гаррис отправился в

¹ *Murdoch*, цит. соч., стр. 653.

² См. *Crow*, цит. соч., стр. 291.

Канагава, откуда послал бакуфу краткое изложение всех новостей и своё требование немедленно подписать договор. Встревоженные японские представители Ивасэ и Иноуэ ночью прибыли на американский корабль. Они попытались отклонить требования американского консула, но теперь за его спиной стояли пушки двух новейших кораблей и в перспективе — огромная мощь объединённого иностранного флота. Гаррис не оставил у японцев никаких сомнений в том, что он не остановится перед применением вооружённой силы в случае отказа удовлетворить его требование или дальнейших проволочек.

Стремление Гарриса немедленно подписать договор было непосредственно связано с противоречиями между великими державами, с их борьбой за господство в странах Востока. Американскому капиталу приходилось опасаться конкуренции России, представитель которой адмирал Путятин 26 июля прибыл на русском военном корабле в Симода, а оттуда направился в Канагава. Ещё опаснее для американских интересов было ожидавшееся со дня на день прибытие англо-французской эскадры; американский консул не без оснований опасался, что представители Англии и Франции вряд ли согласятся на принятие столь выгодной для американцев и невыгодной для них скользящей шкалы тарифов. «В свете англо-американского соперничества, — писал японский историк Исии Такаси, — становится совершенно понятно, почему Гаррис, получив известие о скором прибытии английской эскадры, потребовал от бакуфу немедленно подписать договор. Дело было в том, что для него было всего важнее первым подписать такой выгодный для его страны договор»¹.

29 июля 1858 г. в 3 часа дня на борту «Паухэтэн» был, наконец, подписан японо-американский торговый договор, открывавший собой новую серию неравноправных, кабальных договоров, навязанных Японии иностранными государствами.

Вскоре после этого, 18 августа 1858 г., был подписан аналогичный договор с Голландией, 19 августа 1858 г. — с царской Россией, 24 августа 1858 г. — с Англией и 9 октября 1858 г. — с Францией. Несколько позже, 3 августа

¹ Исии Такаси, Бакумацу исин-но гайко (Дипломатия в период реформ Бакумацу), «Ниппон гайко си» («История японской дипломатии»), Токио 1941, стр. 16.

1860 г., был подписан торговый договор с Португалией, также составленный в основном на базе японо-американского договора. Капиталистические хищники стремились обеспечить себе место на новом дальневосточном рынке.

4. ЯПОНО-АМЕРИКАНСКИЙ ТОРГОВЫЙ ДОГОВОР 1858 г. — ОРУДИЕ АМЕРИКАНСКОГО ЭКСПАНСИОНИЗМА

Японо-американский торговый договор, подписанный в 1858 г., был основным документом, на котором базировались японо-американские отношения в течение последующих 40 лет. За это время Япония далеко ушла по пути развития капитализма. Превращаясь в страну империалистическую, она неоднократно предпринимала попытки добиться пересмотра неравноправных договоров. Но только после разбойничьего нападения Японии на Китай в 1894 г., свидетельствовавшего о её возросшей военной мощи, Соединённые Штаты Америки вместе с другими империалистическими государствами согласились на отмену и пересмотр кабальных договоров, навязанных Японии в 50-х годах XIX века.

Почему же американский капитализм так упорно держался за договор 1858 г.? Чем он был выгоден для него? Чтобы выяснить это, необходимо познакомиться с его основными положениями ¹.

Из экономических статей договора наиболее важны статьи третья, четвёртая и пятая.

Статья 3 договора устанавливала, что в дополнение к портам Симода и Хакодате следующие порты и города будут открыты в соответствующие сроки, а именно: Канагава — 4 июля 1859 г., Нагасаки — 4 июля 1859 г., Ниигата — 1 июля 1860 г., Хиого — 1 января 1863 г. ² Во всех этих портах американским гражданам предоставлялось право «арендовать земли и приобретать находящиеся на них строения», а также возводить здания и строить товарные склады. Специально оговаривалось, что американцам запрещается сооружать какие-либо

¹ Текст договора см. Э. Д. Гримм, цит. соч., стр. 66—70; Malloy, цит. соч., стр. 1000—1010.

² Всего должно было быть открыто для американской торговли пять портов: новых четыре и Хакодате, открытый ещё по Канагавскому договору. Что же касается ранее открытого порта Симода, то предусматривалось его закрытие через 6 месяцев после открытия Канагава.

укрепления или форты. Японцы обязывались в свою очередь не устанавливать стен или прочих оград вокруг мест жительства американцев. В этой же статье говорилось о том, что американским гражданам будет предоставлено право проживать (исключительно с целью торговли) в Эдо с 1 января 1862 г. и в Осака с 1 января 1863 г.

В эту же статью было включено и ещё одно весьма важное положение, на принятии которого так настаивал Гаррис,— положение о непосредственной торговле между японскими и американскими купцами без вмешательства правительственных чиновников. «Американцы могут свободно покупать у японцев и продавать им какие угодно предметы, которые те или другие могут иметь в своём распоряжении для торговли, без вмешательства какого-либо японского должностного лица в таковой купле или продаже или получения им какого-нибудь барыша от неё; японцы всех классов могут покупать, продавать, иметь или пользоваться какими угодно товарами, проданными им американцами».

Таким образом, статья 3 японо-американского договора 1858 г. давала возможность американскому капиталу установить торговые связи с Японией. Она также лишала японское правительство тех доходов, которые оно рассчитывало получить в случае признания американцами принципа государственной монополии на внешнюю торговлю.

Но открытие портов ещё отнюдь не означало полного открытия Японии для американских торговых компаний. Американцы, как явствует из текста этой статьи, получали право проживать в отдельных пунктах страны, но зато им было запрещено передвигаться по стране за пределами примерно 10 ри (около 40 км) от их места жительства (статья 7 договора). Это положение ограничивало, с одной стороны, проникновение иностранцев вглубь страны, а с другой — повышало роль и значение японских торговых посреднических фирм, т. е. усиливало позиции компрадорского капитала.

В этом отношении положение Японии несколько отличалось, например, от положения Китая, где статьи 9 и 10 Тяньцзиньского договора 1858 г. признавали за иностранцами право свободного передвижения по всей стране с торговыми целями и, в частности, право торгового судоходства по Янцзы.

Открытие портов Японии было лишь первым шагом, который сам по себе ещё не разрешал в полной мере проблемы внешней торговли; её характер и объём зависели в первую очередь от величины таможенных тарифов. Даже согласившись на открытие пяти портов, Япония могла бы ещё в принципе несколько защитить свой рынок от наплыва дешёвых иностранных товаров путём установления высоких импортных пошлин. Но это было возможно сделать только в том случае, если бы Япония вступала в договорные отношения по своей воле, по собственному желанию, без давления извне. Договор же, продиктованный Гаррисом, составлен был, понятно, в интересах американского капитала и широко открывал для него японский рынок.

Статья 4 договора устанавливала, что «пошлины будут уплачиваться японскому правительству за все товары, выгруженные в стране, и за все предметы японского производства, экспортируемые в качестве товара, согласно прилагаемому при этом тарифу». Конкретно размер пошлин устанавливался статьёй 7 дополнительных правил, которые, как гласила статья 11 договора, «будут рассматриваться как часть настоящего договора и будут одинаково обязательны для обеих договаривающихся сторон и для их граждан или подданных».

Согласно статье 7 дополнительных правил, устанавливалась так называемая скользящая шкала тарифов. По ней все импортируемые в Японию товары делились на четыре разряда.

1-й разряд не подлежал совсем обложению пошлиной. Сюда относились золото и серебро в слитках и монетах, одежда, домашняя обстановка и книги, не предназначенные для торговли и являющиеся собственностью лиц, приезжающих в Японию на длительный срок.

На товары 2-го разряда устанавливалась пошлина в 5% от их стоимости. Сюда относились все предметы, необходимые для постройки и оснащения торговых и китобойных судов, живые животные, солёная провизия, хлеб, мука, рис, шёлк-сырец, а также каменный уголь, строевой лес, паровые машины и ряд металлов: цинк, свинец, олово и т. п.

К 3-му разряду, который облагался наивысшей пошлиной в 35%, были отнесены все алкогольные напитки и вина.

Наконец, прочие товары, не включённые в предыдущие разряды, были отнесены к 4-му разряду и должны были оплачиваться пошлиной в 20% от их стоимости.

Далеко не случайно Гаррис настоял на принятии именно такой шкалы тарифов. В 50-х и начале 60-х годов XIX в. США оставались ещё экспортёром главным образом продукции сельского хозяйства. Так, например, за десятилетие 1851—1860 гг. сырьё составляло 61,7% всего американского экспорта; обработанные и необработанные пищевые продукты составили 22%, а на долю фабрикатов, среди которых, кстати сказать, основное место занимало оборудование для постройки и оснащения судов, падало лишь 12,3% всего американского экспорта. В 1857—1861 гг. в среднем за год экспортировалось сельскохозяйственных продуктов на 213,8 млн. долл., что составляло 80,4% от общей суммы американского экспорта в эти годы.

Отсюда видно, что, добиваясь установления самой низкой пошлины в 5% на продукцию сельского хозяйства и оборудование для судов, Гаррис отстаивал в первую очередь интересы американских экспортёров.

Всякого рода спиртные напитки и вина занимали столь незначительное место в американском экспорте, что Гаррис счёл возможным согласиться на установление на них наивысшей, 35-процентной пошлины. Не приходится говорить, что подобный манёвр задевал прежде всего интересы Франции, в экспорте которой вина составляли одну из важнейших статей.

Что же касается товаров 4-го разряда, облагаемых пошлиной в 20%, то под лаконичными словами о том, что сюда относятся «все товары, не включённые в предыдущие разряды», явственно можно разглядеть ту англо-американскую конкуренцию, которая шла на рынках Дальнего Востока. В самом деле, ведь к «прочим товарам» оказался отнесён и текстиль, о котором ничего не упоминалось в предыдущих разрядах. А он был, как известно, основной статьёй английского экспорта. Путём установления на импорт текстильных изделий в Японию довольно высокой пошлины в 20% Гаррис стремился предотвратить хотя бы на некоторое время захват японского рынка дешёвыми английскими тканями. Японский историк Исии Такаси справедливо замечает в связи с принятием скользящей

шкалы тарифов, что «здесь мы можем видеть проявление борьбы между Америкой и Англией за господство на новом дальневосточном рынке»¹.

Поскольку структура американского экспорта могла измениться в будущем, американский консул не забыл включить в эту же статью дополнительных правил специальную оговорку о том, что «по истечении пяти лет после открытия Канагава (т. е. с 1864 г. — Д. П.) импортные и экспортные пошлины будут подвергнуты пересмотру, если японское правительство того пожелает». Это дало возможность Соединённым Штатам добиться в недалёком будущем снижения импортных тарифов на ряд товаров, экспорт которых из США значительно увеличился, например на хлопчатобумажные ткани.

Что же касается ссылки на «желание» японского правительства, то она никого не может ввести в заблуждение. С «желаниями» японского правительства ни Гаррис, ни представители других держав не считались при заключении неравноправных договоров 1854—1858 гг. С желаниями японцев не считались иностранцы и позже, когда в 1866 г. они действительно добились пересмотра таможенных тарифов, но не в желательную для японского правительства сторону повышения, а в выгодную иностранному капиталу сторону понижения: японцы должны были согласиться на установление низшей пошлины в 5% на все без исключения импортируемые в страну товары.

Так обстояло дело с импортными тарифами. Статья 7 дополнительных правил определяла также и пошлины на экспорт из Японии. Они были установлены в 5% на все товары японского производства, за исключением золотой и серебряной монеты и меди в слитках, которые могли беспошлинно вывозиться из страны. Столь низкий экспортный тариф позволял американцам беспрепятственно вывозить любые японские товары.

Таким образом, торговый договор 1858 г., предусматривавший открытие портов и установление низких таможенных тарифов, широко открывал японский рынок для американских торговых компаний.

Торговая экспансия США в Японии облегчалась также содержащимися в договоре 1858 г. новыми правилами обмена японских и иностранных монет (статья 5), которые,

¹ *Исии Такаси*, цит. соч., стр. 16.

как будет показано ниже, были исключительно выгодны американским торговцам.

Таковы были наиболее важные статьи экономического порядка в договоре 1858 г. Но этот договор не только предоставлял американцам почти неограниченные возможности для эксплуатации японского рынка. Значение его было гораздо шире, ибо он включал в себя и ряд важнейших постановлений политического и военного характера.

Статья 1 договора провозглашала «мир и дружбу между США и Японией» и предусматривала обмен послами и консулами между обеими странами. «Президент Соединённых Штатов, — говорилось в этой статье договора, — может назначить дипломатического агента для пребывания в Эдо и консула или консульских агентов в любой или во все порты Японии, открытые для внешней торговли настоящим договором. Дипломатический агент или генеральный консул США будет иметь право передвигаться в любой части японской империи с момента его вступления в исполнение своих официальных обязанностей». То же самое говорилось и о дипломатических и консульских представителях Японии в США.

Установление дипломатических отношений было лишь частью широко задуманного государственным департаментом и частично выполненного Гаррисом плана постепенного проникновения в Японию и захвата там основных политических, экономических и военных позиций. Во исполнение этого плана Гаррис настоял на включении в текст договора ряда статей, обеспечивающих превалирующее влияние американцев в Японии.

Сюда в первую очередь относилось положение об арбитраже президента. «Президент Соединённых Штатов, — говорилось в статье 2 договора, — по просьбе японского правительства готов выступить дружественным посредником в случае возникновения спорных вопросов между японским правительством и любой европейской державой». Нечего и говорить, что посредничество президента всегда давало США возможность укрепить свои позиции в Японии по принципу «третий радующийся». Этот пункт ставил Соединённые Штаты в известной мере в привилегированное положение по отношению к другим иностранным державам, ибо как бы заранее отрицал возможность возникновения какого-либо конфликта между США и Японией. Но этого мало. Арбитраж президента, навязанный

слабой феодальной Японии, открывал по сути дела дорогу для широкого вмешательства США в её внутренние дела и, в частности, в определение её внешней политики.

Расширению американского влияния в Японии способствовала и статья 10 договора, которая разрешала Японии заказывать и покупать в США военные корабли, вооружение и т. п. и нанимать всякого рода американских специалистов. «Японское правительство,—говорилось в статье 10,— может покупать или заказывать в Соединённых Штатах военные корабли, пароходы, торговые суда, китоловные суда, пушки, военное снаряжение и всякого рода оружие, а также иные нужные ему товары. Оно будет иметь право нанимать в Соединённых Штатах учёных, военных и морских специалистов, всякого рода ремесленников и моряков для использования у себя на службе». Именно эта статья предопределила появление в Японии массы американских советников, которые кишели в 70-х годах во всех её учреждениях, заботясь прежде всего об укреплении и расширении американского влияния в стране, об укреплении и расширении позиций американского капитала в Японии.

Наконец, нельзя не обратить внимания на ещё одно положение японо-американского договора 1858 г., которое затерялось среди многословной статьи 4 и о котором обычно предпочитают не упоминать американские буржуазные историки. «Предметы, потребные для нужд флота Соединённых Штатов,—гласило это положение,— могут быть выгружены в Канагава, Хакодате или Нагасаки и помещены в товарных складах *под надзор должностного лица правительства Соединённых Штатов без уплаты какой-либо пошлины*¹.

Это положение, во-первых, давало право американцам ввозить в Японию и содержать на её территории любые необходимые для их торгового и военно-морского флота товары и, во-вторых, изымало эти товары из-под контроля японских таможенных чиновников и прочих должностных лиц. На практике это означало не что иное, как предоставление Соединённым Штатам права на создание баз в важнейших стратегических пунктах страны: на севере — в Хакодате, в центре страны — в Канагава, расположенной

¹ Курсив мой.— Д. П.

в непосредственной близости от столицы, и, наконец, на юге — в Нагасаки.

Характеристика японо-американского договора 1858 г. останется неполной, если не упомянуть ещё о праве экстерриториальности, которое было важным орудием американской экспансии. Статья 6 договора гласила:

«Американцы, совершившие проступки против японцев, будут преследоваться американскими консульскими судами и наказываться, если будут признаны виновными, согласно американским законам. Японцы, совершившие проступки против американцев, будут преследоваться японскими судами и наказываться согласно японским законам». Иными словами, американские граждане, совершавшие преступления против японцев на японской земле, не подлежали японскому суду. Их дела имели право рассматривать лишь американские суды, создаваемые консулом США из американских граждан, находящихся в данный момент на территории Японии. Практически это означало, что иностранцы могли творить в Японии всё что угодно, не опасаясь возмездия за свои преступления.

Право экстерриториальности являлось характерной неотъемлемой частью всех неравноправных договоров. Оно было одним из наиболее унижительных и тяжёлых условий, навязанных Соединёнными Штатами и европейскими державами странам Востока.

Много лет спустя после подписания договора с Японией Гаррис, пытаясь снять с себя ответственность за включение в договор пунктов об экстерриториальности, писал, что они были внесены вопреки его собственному желанию по инструкциям государственного секретаря Марси. Последний был, по словам Гарриса, согласен с ним в том, что «они являются несправедливыми, но указывал, что будет невозможно обеспечить ратификацию договора конгрессом без этих статей, так как они уже имеются в договорах, заключённых США с другими восточными государствами»¹.

На этом заявлении Гарриса построили свои концепции некоторые англо-американские историки, которые задались целью по разным соображениям обелить Гарриса и представить его чуть ли не «благодетелем» Японии.

¹ См. *J. Foster, American Diplomacy in the Orient, Boston—New York 1903, стр. 352.*

Автор специальной монографии о деятельности Гарриса Карл Кроу, например, берётся даже утверждать, что в случае возражений со стороны японцев американский консул не стал бы настаивать на включении в конвенцию 1857 г. пунктов об экстерриториальности.

«Та лёгкость, с которой японцы согласились на предоставление американцам права экстерриториальности, была приятным сюрпризом в переговорах, — писал Кроу. — Если бы они выдвинули какие-либо аргументы против того, чтобы американцы были подсудны только своим должностным лицам и судились только по американским законам, то мало вероятно, чтобы Гаррис стал настаивать на этом пункте, ибо ни он сам, ни государственный секретарь Марси не были сторонниками этой системы. Марси дал Гаррису инструкцию включить в договор эту статью только потому, что без неё он опасался отказа сената ратифицировать договор»¹.

Соответствует ли это заявлению действительности? Нет, не соответствует. Факты говорят о том, что система экстерриториальности являлась одной из основ колониальной политики американской буржуазии. Выполняя её волю, Гаррис, который сам был убеждённым сторонником введения консульской юрисдикции, всячески стремился включить этот пункт в договор. При этом он не останавливался перед прямым обманом японских представителей, то убеждая их в том, что право экстерриториальности является, видите ли, «неотъемлемым правом всех государств»² (под «государствами» Гаррис понимал, конечно, только страны капиталистические!), то скрывая от них, что, в сущности говоря, представляет собой консульская юрисдикция.

В конечном счёте Гаррису удалось использовать своё исключительное положение единственного иностранного представителя в стране и полное незнание японцев с элементами международного права, чтобы заставить их включить пункт об экстерриториальности в текст конвенции 1857 г., а затем и договора 1858 г. Японские представители не возражали особенно против этого, ибо не понимали ещё как следует, что означает консульская юрисдикция, и, как писал японский историк Киёдзава Киёси, «думали, что иностранцы ввели это положение на

¹ Crow, цит. соч., стр. 194. Курсив мой. — Д. П.

² Хаттори Сисо, цит. соч., стр. 29.

основании своих законов и, значит, так оно и должно быть»¹. Ясно, что нет никаких оснований снимать с Гарриса, обманувшего японских представителей, ответственность за внесение этих пунктов в японо-американские соглашения.

Следует ещё отметить, что некоторые буржуазные историки и юристы, отстаивая интересы колонизаторов, объявляют право экстерриториальности прогрессивным и выгодным для обеих сторон. Так, англичанин Мардох, говоря о специфике судебного процесса в Японии, о применении пыток и т. п., заявляет, что «...отсутствие условий об экстерриториальности в Канагавском договоре можно рассматривать только как неблагоприятную и слюнявую сентиментальность, чреватую бесчисленными затруднениями и опасностями как для японцев, так и для американцев»².

На аналогичных позициях стоит и английский юрист Джонс, посвятивший одну из своих работ специально вопросу экстерриториальности в Японии. Он приводит многочисленные факты злоупотребления этой системой со стороны иностранцев, но, противореча сам себе, делает абсурдный вывод, что экстерриториальность имела якобы ряд положительных сторон. Он заявляет, что это был единственно приемлемый путь в странах Востока, где не было «стройной европейской системы юриспруденции». Джонс утверждает далее, что большинство консулов вполне удовлетворительно справлялось со своими обязанностями и что поэтому «голоса иностранных резидентов в Японии в своём недовольстве системой консульских судов быстро заглушались единодушным воплем опасения, который всегда поднимался, как только где-нибудь были произнесены роковые слова «пересмотр договоров» или «отмена консульской юрисдикции»³.

Но если иностранные резиденты пугались одной мысли о возможности отмены столь выгодной для них системы экстерриториальности, то народам Востока действительно приходилось «вопить», по выражению Джонса, испытывая на себе все ужасы бесправного положения и подвергаясь беззакониям, творимым иностранцами в их странах.

¹ *Kiudawa Kiuci*, цит. соч., стр. 74.

² *Murdoch*, цит. соч., стр. 642.

³ *Jones*, цит. соч., стр. 69.

На этом можно было бы закончить анализ основных экономических и политических статей японо-американского договора 1858 г., если бы у нас не оставался ещё один важный пункт — о предоставлении США статута наиболее благоприятствуемой нации. Этот пункт не был включён непосредственно в текст договора 1858 г., но он содержался в Канагавском договоре и остался в силе, ибо статья 12 договора 1858 г. предусматривала отмену только тех положений Канагавского договора, «которые не соответствуют статьям данного договора».

Согласно статье 9 Канагавского договора было установлено, что «если когда-либо в будущем японское правительство предоставит какой-либо иной нации или нациям привилегии или выгоды, которые не предоставляются настоящим договором Соединённым Штатам и их гражданам, то те же привилегии и выгоды будут предоставлены США и их гражданам без какого-либо обсуждения или промедления».

Положение о наибольшем благоприятствовании, включённое в Канагавский договор, вошло впоследствии в качестве существенной составной части и во все договоры, заключённые Японией с европейскими государствами. Этот принцип был в руках иностранных держав мощным рычагом закабаления Японии, создавая своего рода круговую поруку между заинтересованными в эксплуатации Японии странами, ибо выгоды и привилегии, вырванные у японцев одной из них, автоматически распространялись и на другие. Следовательно, при оценке японо-американского договора 1858 г. необходимо учитывать, что он открывал дорогу не только американскому, но и европейскому капиталу; Англия, Франция, царская Россия и другие европейские государства взяли японо-американский договор 1858 г. за основу при заключении соответствующих соглашений с Японией.

Итак, подводя итог анализу японо-американского договора 1858 г., мы видим, что он содержал статьи, которые:

- 1) широко открывали японский рынок для иностранных товаров, предусматривая открытие пяти портов, запрещая вмешательство в торговлю правительственным чиновникам и устанавливая грабительски низкие таможенные тарифы;

- 2) устанавливали весьма невыгодный для Японии

принцип обмена валюты, что тяжело отразилось на экономическом положении Японии;

3) вновь подтверждали действие системы экстерриториальности;

4) предоставляли Соединённым Штатам ряд серьёзных политических привилегий, а также право создания баз для военно-морского и торгового флота.

Совершенно очевидно, что японо-американский договор 1858 г. был договором *кабальным*, ибо он опутывал Японию по рукам и ногам цепями экономической и политической зависимости.

Совершенно очевидно, что этот договор был договором *неравноправным*, ибо все его положения носили односторонний характер; они предоставляли американцам такие права в Японии, какими никогда не пользовались японцы в Америке.

Этот договор, как мы видим, был крайне невыгоден для Японии. Она пошла на его заключение лишь в результате грубого нажима со стороны Соединённых Штатов, в результате непрерывных угроз перейти к вооружённой интервенции. Как и коммодор Перри пять лет тому назад, американский консул в Японии Таунсэнд Гаррис диктат и насилие считал единственными возможными методами действий в отношениях с японцами. Об этом лучше всего говорит его личный дневник, который не был рассчитан на широкую публику и не предназначался для печати. В нём Гаррис не только регулярно записывал весь ход переговоров с японцами, но и высказывал свои сокровенные мысли. Что же писал американский консул в своём дневнике? Возьмём несколько записей, относящихся к разным периодам его пребывания в Японии.

5 мая 1857 г. (т. е. в период переговоров о заключении конвенции) Гаррис занёс в дневник:

«Что может быть причиной такого длительного отсутствия американского военного корабля? Где англичане? Где французы?.. Отсутствие военного корабля ведёт к ослаблению моего влияния на японцев. На все те уступки, которые были сделаны до сих пор, они пошли *только от страха*, и любое улучшение наших отношений в будущем может произойти лишь после *демонстрации силы* с нашей стороны»¹.

¹ См. *Murdoch*, цит. соч., стр. 628; *Crow*, цит. соч., стр. 195. Курсив мой. — Д. II.

Сбрасывая маску миротворца, Гаррис как нельзя более ясно говорит здесь и о причинах уступок со стороны японцев и о перспективах на будущее. Политика силы — вот что должно лечь, по его мнению, в основу американской дипломатии на Востоке.

9 мая 1858 г. (т. е. примерно год спустя, во время переговоров о тексте торгового договора) Гаррис писал:

«Сегодня князь Синано впервые за последние два дня посетил меня. Я решил покончить с кризисом и начал с того, что вот уже 29 дней, как я сделал несколько чрезвычайно важных сообщений министру иностранных дел, на которые до сих пор не получил официального ответа; что они даже не сообщили, когда я получу его; что я не потерплю такого обращения; что президент послал меня в Эдо с самой дружественной миссией, имея в виду только интересы Японии; что Соединённые Штаты ничего не требуют для себя; что нас не интересует (!) торговля с Японией; что мы заботимся только о том, чтобы наши корабли могли ремонтироваться и снабжаться в их гаванях и что мы уже добились этого; что они должны открыть глаза и тогда увидят, что я не просил и не приму никаких особых привилегий от Японии»¹.

Это заявление Гарриса является наглядным примером его лицемерия, граничившего с прямым обманом. Оказывается, президент США думает в первую очередь «об интересах Японии»; оказывается, Гаррис требует подписания торгового договора просто так, для собственного удовольствия, а в действительности американцев «не интересует торговля Японией»; оказывается, Соединённым Штатам вообще не надо никаких уступок от японцев и добрый дядя Гаррис не примет «никаких особых привилегий от Японии», даже если его об этом попросят! Что может быть бесстыднее, наглее, циничнее этих насквозь лживых утверждений Гарриса?

«И дальше я заявил, — продолжает Гаррис свою запись от 9 мая 1858 г., — что их обращение со мной показывает, что никакие переговоры не могут вестись с ними, если мои полномочия *не будут поддержаны флотом и ядра не будут предложены им в качестве аргументов*. Я сказал, наконец, что вернусь в Симода, если ничего не будет сделано. Бедный Синано слушал, весь дрожа»².

¹ См. *Murdoch*, цит. соч., стр. 628.

² См. там же. Курсив мой. — Д. П.

«Это был,— заканчивает Гаррис свою запись,— решительный шаг с моей стороны, но я чувствовал, зная этот народ, что этим я не подвергаю переговоры опасности разрыва и что, чем больше я уступаю и соглашаюсь, тем больше они будут обманывать меня; зато я сразу приду к соглашению с ними путём *смелого обращения и угрожающего тона*»¹.

«Смелое обращение» и «угрожающий тон», «флот и ядра» — вот терминология дневника американского консула, который во время переговоров о заключении японо-американского договора прямо угрожал японцам применением вооружённой силы, если они почему-либо не захотят стать объектом неусыпных «забот» джентльменов из Белого дома.

Будучи убеждённым сторонником вооружённых санкций, Гаррис страстно мечтал о прибытии в Японию военных судов. Но в тот период американский консул мог только бряцать оружием, ибо весь флот США был занят войной в Китае, а затем — участием в гражданской войне. Гаррис не мог применить военную силу по той простой причине, что её у него не было. Но он нашёл иные способы давления на японцев.

Интервенцию иностранных держав в Китае — вот что использовал Гаррис в качестве жупела во время переговоров с японскими представителями.

Воспользовавшись тем, что цинская империя трещала под ударами тайпинов, иностранные государства сделали попытку навязать Китаю новые кабальные требования. Застрельщиком наступления на Китай выступала Англия, развязавшая себе руки в связи с окончанием Крымской войны. Правительство Пальмерстона решило не останавливаться перед открытием военных действий, чтобы широко распахнуть двери Китая для английских торгово-промышленных фирм.

В качестве повода для войны был избран арест китайскими властями в Кантоне 8 октября 1856 г. судна «Эрроу», занимавшегося контрабандной торговлей. Это было китайское судно, «построенное, — как отмечалось в английском парламенте, — китайцами, взятое в виде приза китайцами, проданное китайцам, купленное китайцами,

¹ См. *Murdoch*, цит. соч., стр. 628. Курсив мой. — Д. П.

имело команду из китайцев и принадлежало китайцу»¹. Лишь для маскировки контрабандисты вписали это судно в английский судовой реестр, однако срок судового свидетельства давно истёк, и, следовательно, даже формально «Эрроу» не принадлежало англичанам. Тем не менее Англия с обычной для колонизаторов наглостью объявила, что арест «Эрроу» наносит оскорбление английскому флагу, и предъявила Китаю ультиматум. Генерал-губернатор Кантона Е Мин-шэнь отдал приказание освободить арестованных и заявил, что никто не собирался оскорблять английский флаг. Но все попытки китайских властей уладить инцидент оказались тщетными: Англия решительно взяла курс на войну. В конце октября 1856 г. английская эскадра подвергла Кантон артиллерийскому обстрелу. Так началась вторая опиумная война.

В связи с решительными протестами в парламенте против войны в Китае правительство Пальмерстона было вынуждено обратиться к Франции, России и США с предложением принять участие в натиске на Китай. Из всех «приглашённых» держав к Англии присоединилась только Франция. Россия решительно отклонила это предложение. Что же касается Соединённых Штатов, то, хотя они и объявили о своём нейтралитете, фактически, как и во время первой опиумной войны, американские военно-морские силы приняли участие в военных действиях. Они оказывали всемерную поддержку английскому флоту, осаждавшему Кантон, а 15 ноября 1856 г. американская военная эскадра под командованием Армстронга открыла огонь по китайским укреплениям в районе города. В связи с этим случаем — а подобных ему было немало — китайские власти вынуждены были заявить свой официальный протест².

В декабре 1857 г. англо-французская эскадра подвергла зверской бомбардировке Кантон. Вместе с английскими солдатами на штурм города были брошены и американские моряки с дальневосточной эскадры США. После падения Кантона они вместе с английскими и французскими колонизаторами грабили, жгли, насиловали, устраивали пьяные оргии. Даже американский эмиссар в Китае Паркер был вынужден признать участие американцев

¹ См. *Н. Маркс и Ф. Энгельс*, Соч., т. XI, ч. 1, стр. 140.:

² См. «35-th Congress, 2-nd Session, Senate Executive Documents», v. 9, Commissioners in China, стр. 1030.

в грабежах и кровавой расправе с местным населением. «Американские консулы как в Гонконге, так и в Кантоне, а также некоторые из наших граждан присутствовали при штурме и захвате Кантона английскими силами... — писал Паркер в депеше в Вашингтон, — они вошли во дворец губернатора и вместе с другими участвовали в присвоении найденных в нём предметов...»¹ Вряд ли нужно говорить о том, что на всех языках мира «присвоение» чужих вещей называется грабежом. Что же касается употребления Паркером глагола «присутствовали», то здесь он явно скромничает: американские граждане не только «при сём присутствовали», но и принимали непосредственное участие в бесчинствах иностранцев в Кантоне.

Бурное развитие событий в Китае не могло не отразиться на позиции американского консула в Японии. Правительство сёгуна было прекрасно информировано о кровавых действиях интервентов, и оно не без оснований опасалось, что англо-французский флот может направиться и к берегам Японии. Гаррису оставалось только умело играть на опасениях японцев, усиливать их чувство страха и пожинать в Японии плоды разбоя иностранных интервентов в Китае.

Подробно информируя японцев о событиях в Китае и угрожая им скорым прибытием англо-французского флота в Японию, Гаррис стремился убить сразу двух зайцев: во-первых, добиться максимальных уступок для Соединённых Штатов и, во-вторых, восстановить против англичан японское правительство, чтобы хотя бы на короткое время затруднить проникновение английских товаров на японский рынок.

Дипломатические приёмы Гарриса были разгаданы англичанами, которые отзывались о них с откровенной обидой и раздражением. Посол Великобритании в Японии Олькок, главный соперник Гарриса в 1860—1864 гг., с сарказмом и, пожалуй, завистью писал о политике Гарриса:

«Можно ли осудить Гарриса за то, что он, не имея за спиной флота или другой материальной силы своей страны, чтобы подкрепить свои требования, ловко использовал наличие этих сил у союзников, одержавших победу? Мы

¹ «35-th Congress, 2-nd Session, Senate Executive Documents», v. 9, Commissioners in China, стр. 1319.

можем поставить под вопрос право называть это мерой «морального давления»...».

«Демонстрируя «мирную и дружественную» политику своего правительства, которое «не нуждается в применении силы и не держит флот в восточных морях, чтобы вести агрессивные войны против далёких владык и народов» (как это делают другие супостаты!), — пишет далее Олькок, — Гаррис извлекал выгоду из престижа воюющих государств, действия которых в то же время подвергал осуждению. Эти агрессивные действия Англии... никогда не вменялись ей более решительно в вину; но на сей раз это было в новой стране и в качестве апостола мира выступал собственной персоной посол Соединённых Штатов! Это был, — продолжал с раздражением английский посол, — весьма ловкий ход — использовать воюющих союзников в качестве жупела для японцев — и сделать это таким образом, чтобы Соединённые Штаты получили все выгоды, не потратив ни одной копейки и не посылая больших экспедиций, а на долю Великобритании осталась бы только одиозная репутация забияки и агрессора»¹.

Командующий английской тихоокеанской эскадрой адмирал Хоп также отмечал в своём донесении в Лондон, что «...американский посол добился заключения договора благодаря использованию успехов британских и французских вооружённых сил в Китае»². Вряд ли нужно говорить о том, что под «успехами» адмирал Хоп понимал грабительские действия интервентов в Китае!

Исторические факты не оставляют, таким образом, никаких сомнений в том, что утверждения американской пропаганды о «пацифизме» и «миролюбии» Гарриса являются сплошным вымыслом и не соответствуют истине. Не имея собственных военных сил, Гаррис тем не менее не отказывался от метода угроз и запугиваний, используя для этого разбойничьи действия Англии и Франции в Китае. Американский консул добивался уступок со стороны японцев, пугая их возможностью нападения на них европейских держав.

Дело совершенно не менялось от того, чем грозил Гаррис: своим флотом или англо-французским. Факт

¹ R. Alcock, The Capital of the Tycoon. A Narrative of a three Years Residence in Japan, v. I, London 1863, стр. 214, 215.

² «Correspondence Respecting Affairs in Japan», July to November, London 1861, стр. 70.

есть факт: ему удалось добиться заключения торгового договора только путём широко применявшихся им запугиваний, только за счёт игры на страхе японского правительства перед иностранной интервенцией. «В то время как Гаррис считал это своим личным триумфом, достигнутым благодаря его настойчивости и доводам,— писал Кроу о заключении японо-американского договора 1858 г.,— это был также триумф страха»¹.

Япония была вынуждена подписать договор с США всего месяц спустя после подписания Китаем Тяньцзиньского договора с Англией. Невольно напрашивается сравнение этих двух важнейших документов. Это сравнение правомерно, конечно, не потому, что подписание обоих договоров совпало по времени, а потому, что и Китай и Япония находились в конце 50-х годов XIX века на одинаковой примерно ступени исторического развития: и там и тут феодализм стоял на краю гибели. Разруха экономики, финансовое банкротство, развал государственной системы и полное разложение правящей верхушки, далеко зашедшие процессы классовой дифференциации, разорение основной массы производителей — крестьянства, борьба которого против феодалов-угнетателей грозно сотрясала устои феодализма, — вот что характерно и для Китая и для Японии середины XIX века.

И та и другая страна испытывали с начала XIX века всё растущий нажим капиталистических хищников, стремившихся захватить новые колонии на Востоке. И если Китаю в 1842 г. пришлось подписать на борту английского военного корабля «Корваллис» первый неравноправный договор, открывавший страну для иностранцев, то Япония была вынуждена примерно такой же договор подписать в 1854 г. под угрозой орудий американской эскадры. И тот и другой договоры были вырваны у Китая и Японии силой, были навязаны им Англией и Соединёнными Штатами Америки, развернувшими широкую экспансию на Дальнем Востоке.

Известно, что ничто не может удовлетворить капиталистических хищников. Они не желали останавливаться на полпути в деле закабаления Китая и Японии. Они требовали всё новых и новых привилегий, они требовали

¹ Crow, цит. соч., стр. 267.

полного открытия рынков Китая и Японии. И вот в 1856 г. Англия, спровоцировав инцидент в Кантоне, начала новую войну против Китая, которая закончилась в 1858 г. Победённый Китай был вынужден подписать новый кабальный договор в Тяньцзине. Согласно договору для иностранной торговли открывалось дополнительно пять портов (статья 11; всего теперь стало десять открытых портов), иностранцам предоставлялось право беспрепятственного передвижения по стране (статья 9), подтверждался 5-процентный таможенный тариф, англичанам предоставлялось право экстерриториальности и т. п. Грабительский договор навязали Китаю и Соединённые Штаты.

В том же 1858 г. Япония, не без оснований опасаясь нападения на неё иностранных держав и стремясь избежать участи Китая, была вынуждена подписать договор с Соединёнными Штатами. Его условия, как уже было показано выше, мало чем отличались от положений Тяньцзиньского договора. Японо-американский договор 1858 г. носил такой же неравноправный и кабальный характер.

Наряду с агрессией в Китае и Японии американская буржуазия во второй половине 50-х годов XIX века развёртывала свою экспансию и в других странах Тихоокеанского бассейна. Так, она делала попытку проникнуть в Австралию, где, как сообщал американский делец и коммерсант Трэйн, в 1855 г. было уже около 10 тыс. американцев — искателей лёгкой наживы. Появились американские купцы и на Яве. Здесь, по свидетельству того же Трэйна, они проникали «в каждый порт, который имеет удобную гавань или где может быть продан какой-нибудь товар»¹. Усиленные попытки предпринимались США и для захвата островов Фиджи, Самоа и других.

Все эти факты свидетельствуют о том, что в 50-х годах XIX века Соединённые Штаты проводили на Дальнем Востоке не менее агрессивную политику, чем Англия. Никакие ухищрения не помогут продажной буржуазной историографии скрыть от мировой общественности и японского народа этот очевидный факт.

¹ G. Train, An American Merchant in Europe, Asia and Australia, New York 1857, стр. 26.

ЭКСПАНСИЯ СОЕДИНЁННЫХ ШТАТОВ
В ЯПОНИИ В ПЕРИОД ПОДГОТОВКИ
И ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ БУРЖУАЗНОЙ РЕВОЛЮЦИИ
(1859—1868 гг.)

1. ОБОСТРЕНИЕ КРИЗИСА ФЕОДАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ
В ЯПОНИИ В 60-х ГОДАХ XIX ВЕКА

Торговый договор с Соединёнными Штатами, а также аналогичные договоры с европейскими государствами, которые Япония была вынуждена подписать в 1858—1860 гг., широко открывали японский рынок для иностранных торговых компаний. Немедленно после заключения договора купцы из различных стран мира ринулись в Японию в погоне за сказочными прибылями, которые сулила торговля с изолированной до этого страной. Только за 10 месяцев, с сентября 1858 г. по июль 1859 г., один из открытых портов Японии — Нагасаки посетило более 80 кораблей из различных стран. В другом порту — Канагава в 1860 г. побывало 103 иностранных корабля, а в 1863 г. — уже 170 кораблей.

Поскольку подавляющая часть внешней торговли Японии (более 95%) проходила через порты Иокогама и Нагасаки, данные об их грузообороте могут дать общее представление о масштабах и темпах роста японской внешней торговли (см. таблицу на стр. 149).

Как видно из этой таблицы, непосредственно после подписания договоров, в 1859 г., через эти порты прошло товаров на 1 950 тыс. долл., в 1865 г. общая сумма торговли возросла до 25 107 тыс. долл., а в 1868 г. она составила уже 35 011 тыс. долл., т. е. увеличилась за 10 лет в 18 раз.

Столь бурные темпы роста внешней торговли Японии свидетельствовали о растущей заинтересованности США и капиталистических государств Европы в японском рынке.

По своей структуре внешняя торговля Японии в 60-х годах XIX века носила типично колониальный характер.

Годы	Нагасаки		Иокогама		Всего по обоим портам		
	экспорт	импорт	экспорт	импорт	экспорт	импорт	итого
1859	800	600	400	150	1 200	750	1 950
1860	600	700	3 954	945,7	4 554	1 645,7	6 199,7
1861	789	604	2 682,9	1 478	3 471,9	2 082	5 553,9
1862	512	427	6 305	2 576	6 817	3 003	9 820
1863	925	602	5 134	1 595	6 059	2 197	8 256
1864	1 159	837	8 997	5 443	10 156	6 280	16 436
1865	1 560	1 147	12 400	10 000	13 960	11 147	25 107
1866	1 954	1 080	14 100	11 430	16 054	12 510	28 564
1867	1 649	1 345	14 400	12 200	16 049	13 545	29 594
1868	1 989	1 927	17 698	13 397	19 687	15 324	35 011

В Японию импортировались различные машины и металлоизделия, а также отдельные виды продовольствия: мясо, масло, сахар, сыр, спирт и т. п. Но основной статьёй импорта были хлопчатобумажные и шерстяные ткани, на долю которых в 1860 г. падало 82% всего импорта в Японию.

Массовый ввоз в страну дешёвых иностранных тканей нанёс сильнейший удар по крестьянской домашней промышленности, по ремеслу и мануфактуре. Он вёл к разорению основной массы ремесленников-ткачей и послужил сильнейшим препятствием на пути развития собственного текстильного производства в стране. Об этом красноречиво свидетельствует хотя бы то, что из 111 новых предприятий (в основном мануфактурного типа), созданных в Японии за 14 лет после открытия страны (1854—1867 гг.), текстильных предприятий, по данным японского историка Ямада Сэитаро, было всего 20, т. е. лишь 18% от общего количества возникших в эти годы предприятий.

Так обстояло дело с импортом. Если обратиться теперь к экспорту, то прежде всего бросится в глаза его постоянное превалирование над импортом в течение

¹ Таблица составлена на основании данных, опубликованных в работе Хаттори Сисо, цит. соч., стр. 31.

всего десятилетия с момента открытия портов до революции 1867—1868 гг. Это было связано с необыкновенной дешевизной товаров в изолированной ранее Японии по сравнению с ценами на них на мировом рынке. Как видно из приведённой выше таблицы, в 1860 г. экспорт составил 75% от общей суммы товарооборота, проходившего через порты Нагасаки и Иокогама. В последующие годы экспорт постоянно превышал импорт, хотя его доля во внешней торговле Японии в связи с ростом импорта несколько снизилась, составив 70% в 1862 г., 63% — в 1864 г., 57% — в 1866 г. и 56,6% — в 1868 г.

Из Японии вывозились шёлк-сырец, чай, медь, бобы, воск, морские водоросли и рыба, фарфоровые изделия и т. п.¹ С особым старанием выкачивали американские и европейские дельцы из Японии чай, который конкурировал с китайским на мировом рынке. В 1858 г. было вывезено из Японии 400 тыс. англ. фунтов (1 англ. фунт = 453,6 г) чая, а в 1867 г. — 9 450 тыс., т. е. экспорт чая из Японии вырос за 10 лет более чем в 23 раза².

Но самым главным экспортным товаром был шёлк, который благодаря своей дешевизне и высокому качеству пользовался большим спросом на мировом рынке. Торговля японским шёлком приносила громадные прибыли иностранным купцам. В 1860 г. через порт Иокогама было экспортировано шёлка на 2,5 млн. долл. Из этого количества более половины падало на долю США. Так, в 1860 г. в Нью-Йорк и Бостон поступило из Японии шёлка-сырца на общую сумму в 1 340 668 долл. Только за один год — с июля 1860 г. по июль 1861 г. — экспорт шёлка из Японии увеличился в объёмном выражении с 5 тыс. до 12 тыс. кип, т. е. вырос в 2,5 раза³.

¹ Исполняющий обязанности английского консула Вайс сообщал в 1860 г. послу Олькоку, что основными статьями экспорта из Японии в Англию были шёлк-сырец, масла, медь, чай, бобы и морские водоросли (см. «Correspondence Respecting Trade with Japan», London 1860, стр. 7).

Американский консул в Японии сообщал, что в течение 1860 г. основными статьями экспорта в США были чай зелёный, бобы, шёлк-сырец, шёлковые ткани, растительный воск и т. п. (см. «36-th Congress, 2-nd Session, Senate Executive Documents», Washington 1861, стр. 405).

² *Мори Киити*, цит. соч., стр. 257.

³ *Griffin*, цит. соч., стр. 323.

Малопроизводительное феодальное хозяйство не могло удовлетворить непрерывно растущий спрос на шёлк. Перед заключением торговых договоров, в 1858 г., в стране производилось примерно 40 тыс. пикулей (1 пикуль = 60 кг) шёлка-сырца. Спустя три года, за сезон 1861—1862 гг., производство шёлка-сырца составило 50 500 пикулей, т. е. возросло на 26,25%. Однако несмотря на значительное увеличение доли шёлка-сырца, идущей на экспорт, спрос на него за тот же период увеличился в 3—4 раза. Образовался значительный разрыв между спросом и предложением, на который последовала немедленная реакция рынка: только за эти 5 лет цены на шёлк выросли более чем в 2 раза.

Наряду с удорожанием шёлка значительно подпрыгнули цены и на другие товары. Так, 1 пикуль чая высшего сорта стоил в 1858 г. 20 долл. и низшего — 7 долл. В 1867 г. 1 пикуль чая высшего сорта стоил уже 42 долл., а низшего — 17 долл., т. е. цены на чай выросли более чем в 2 раза. «С июля 1859 г. по май 1861 г. цены на все экспортные товары поднялись до 300%»¹, — докладывал в Вашингтон генеральный консул США в Японии Гаррис.

Росту цен способствовала также и широкая спекуляция валютой, которой занимались иностранцы, использовавшие разницу в паритете золота и серебра в Японии и на мировом рынке.

Дело в том, что в середине XIX века в Японии существовала биметаллическая денежная система. В качестве денежного стандарта выступали в равной мере золото и серебро. Соотношение между ними впервые было установлено в законодательном порядке в 1608 г., когда 2-й сёгун из дома Токугава Хидэгада приказал обменивать 1 золотой рё на 50 моммэ (равных 10 рё по весу) серебром, т. е. установил соотношение между золотом и серебром как 1 : 10.

В течение последующих 250 лет произошли значительные изменения как в весе и пробе золотых и серебряных монет, так и в соотношении стоимости золота и серебра. Сёгуны из дома Токугава неоднократно прибегали к перечеканке и порче монеты, что служило для них важным

¹ «37-th Congress, 3-rd Session. House of Representatives», v. I, Washington 1863, стр. 795.

источником чрезвычайных доходов. Так, если вес золотой монеты обан был установлен в 1601 г. в 165,375 г (при 65,2% золота), то обан, выпущенный в 1838 г., весил уже всего 112,5 г, т. е. потерял треть своего первоначального веса. Наряду с уменьшением веса золотых и серебряных монет шло и сокращение процента содержания в них благородного металла. Монета кобан ($=\frac{1}{10}$ обана), например, в 1601 г. весила 17,85 г и содержала 85,69% золота. В кобане же, выпущенном в 1837 г., содержалось всего 56,75% золота, и вес его упал до 11,25 г, т. е. на одну треть¹.

Перечесанка монет, практиковавшаяся тем чаще, чем более ухудшалось экономическое положение сёгуната, привела к резкому и частому колебанию обменного курса различных монет. Этому способствовало и изменение соотношения между золотом и серебром. К середине XIX века паритет золота и серебра установился в закрытой, изолированной от внешнего мира Японии как 1 : 5 против 1 : 15 на мировом рынке.

Расхождение в курсе золота и серебра в Японии и других странах было использовано в корыстных целях американским генеральным консулом Гаррисом, который, как говорилось выше, настоял на включении в японо-американский договор 1858 г. специальной статьи, гласящей, что «всякая иностранная монета должна иметь хождение в Японии и обращаться по тому же весу, как и соответствующая монета японского наименования» (статья 5). Аналогичные статьи были включены и в договоры Японии с другими государствами.

Таким образом, устанавливался принцип обмена монет по весу без учёта содержания в них благородного металла. Это давало возможность иностранцам чрезвычайно выгодно обменивать свои золотые и серебряные монеты на японские. Широкие возможности для наживы открывала также разница в паритете золота и серебра в Японии и на мировом рынке.

Поясним это на примере. До 1858 г. 1 серебряный доллар приравнивался в Японии к 1 серебряной монете итубу, хотя весил он за счёт лигатуры в 3 раза больше. После 1858 г., когда монеты стали обмениваться по весу,

¹ Мори Киити, цит. соч., стр. 210—213.

за этот же доллар японец должен был отдать уже 3 серебряных итибу. Но это не всё. Поскольку по действовавшей в Японии денежной системе 4 серебряных итибу приравнялись к 1 рё золота, иностранцы могли за 12 итибу, которые им обошлись бы всего в 4 серебряных доллара (1 серебряный доллар = 3 итибу), получить 3 рё золота. Обмен, очевидно, далеко не эквивалентный, ибо на мировом рынке те же 3 рё золота стоили 12—15 серебряных долларов.

Подобное положение создавало возможности для широкой спекуляции валютой, чем и воспользовались иностранцы. Направляясь в Японию, они покупали в Китае серебро по мировым ценам (из расчёта 1 : 15), а затем обменивали его в Японии на золото из расчёта 1 : 5. Полученное золото вывозилось в Китай, где превращалось в любую валюту или опять шло на закупку серебра для отправки в Японию. В результате столь несложной махинации иностранцы получали 250—300% чистой прибыли. Понятно, что никто из них, не исключая и официальных лиц, не желал лишать себя этого надёжного и необычайно выгодного источника доходов. «Почти все, — признавал американский историк Деннетт, — посылы и консулы, морские офицеры и купцы участвовали в этой спекуляции, которая стала быстро лишать империю её золота»¹. Об этом же писал и другой американский автор — Гриффин, отмечавший, что «в Японии раздавались серьёзные жалобы на морских офицеров. Некоторые из них спекулировали на разнице курса, что явно было преступным занятием...»².

Кроме спекуляции золотом иностранцы занимались также скупкой в Японии медных монет, которые стоили значительно дешевле, чем на мировом рынке. «В Японии 1 серебряный доллар обменивался на 4 976 мон (мелкая медная монета; 4 000 мон приравнялись к 1 золотому рё), — отмечал японский историк Киёдзава, — а в Китае за него давали всего 800—1 000 мон; это использовали иностранные купцы, вывозя медные монеты из Японии в Китай и получая от этой операции 380% прибыли. Общая сумма этого вывоза была также очень велика»³.

¹ *Dennett*, цит. соч., стр. 395.

² *Griffin*, цит. соч., стр. 123.

³ *Kiyōdava Kiyōsu*, цит. соч., стр. 108.

Спекуляция валютой была преступным делом, которому с жаром отдались иностранцы после открытия Японии. «Погоня за прибылью достигла степени ажиотажа, и, несмотря на все отговорки, много пятен осталось на совести иностранцев»¹, — приходилось констатировать Гриффину.

Вывоз большого количества золота из Японии немедленно отразился на товарном рынке, где, во-первых, стала ощущаться острая нехватка монет в обращении и, во-вторых, началась лихорадочная скачка цен. Меновая стоимость золота быстро возросла в ряде районов, где непосредственно шла торговля с иностранцами, но в то же время она оставалась почти неизменной в течение определённого периода времени в глубинных районах страны. Это создавало хаос товарных цен, что было на руку спекулянтам и купцам-компрадорам, но зато больно ударило по крестьянству, городскому плебсу и рядовому самурайству.

Вторжение иностранного капитала в Японию и последовавшие вслед за этим массовый вывоз из Японии ряда товаров, утечка золота, скачки товарных цен — всё это способствовало резкому обострению экономического и политического кризиса в стране.

В 60-х годах XIX века в Японии наблюдалось дальнейшее сокращение посевных площадей и падение производства сельскохозяйственной продукции. Всё более быстрыми темпами шло разорение основного производительного класса страны — крестьянства. Вместе с тем изо дня в день ухудшалось и положение городского плебса, ронинов, деклассированного самурайства и других беднейших слоёв населения страны.

Особенно тяжело отразился на положении широких масс населения общий рост цен на все товары. Так, по данным русского историка Венюкова, мешок риса, стоивший в 1859 г. 1 р. 35 к. серебром, в 1870 г. стоил уже 3 р. 65 к.² Рис вздорожал, таким образом, за 10 лет почти в 3 раза. Японский экономист Хондзё Эйджиро приводит следующие данные о росте цен на рис сорта Хиго³.

¹ *Griffin*, цит. соч., стр. 218.

² См. *М. Венюков*, *Обозрение Японского архипелага в современном его состоянии*, ч. 1, СПб 1871, стр. 95.

³ *Хондзё Эйджиро*, *Токугава бакуфу-но бэйка тёсэцу*, стр. 415.

СТОИМОСТЬ 1 КОКУ РИСА В СЕРЕБРЯНЫХ МОММЭ

(60 моммэ=1рё=1иене)

1854 г.	84,8	1861 г.	142,5
1855 »	77,1	1862 »	172,0
1856 »	82,4	1863 »	100,5
1857 »	106,3	1864 »	325,0
1858 »	131,5	1865 »	513,0
1859 »	120,4	1866 »	1 300,0
1860 »	203,0	1867 »	590,0

Как явствует из этих данных, цена на рис возросла в среднем с 1854 г. по 1867 г. в 7 раз. Наряду с непрерывным ростом дороговизны следует отметить также и резкие скачки цен: в 1860 г. рис стоил на 80 моммэ дороже, чем в 1859 г., а на следующий год опять подешевел на 60 моммэ по сравнению с 1860 г. Ещё более разительны скачки цен в середине 60-х годов, перед самой революцией (например, в 1862, 1863 и 1864 гг. или в 1865, 1866 и 1867 гг.). Лихорадочная скачка цен на рис при общем росте дороговизны открывала широчайшее поле деятельности для различного рода спекулянтов.

Параллельно с ростом цен на основной продукт питания — рис шло удорожание и других продовольственных товаров. Так, с 1860 по 1867 г. цена 1 мешка ячменя возросла с 90 моммэ до 290, соевых бобов — со 164 моммэ до 797,5, овощей — с 560 моммэ до 2 418, соли — с 2,19 моммэ до 21 и т. д. и т. п.¹

Газета «Ниппон боэки симбун» писала в 1864 г. о росте цен:

«За последние 10 лет обстановка в Японии не способствовала успокоению общественного мнения. Из-за роста цен народ оказался в крайне тяжёлом положении. 10 лет тому назад 1 тан (кусок в 10—12 м.— Д. П.) сацумской хлопчатобумажной ткани стоил 2 бу 2 сю или 3 бу, а теперь стоит от 3 до 4 рё за товар высшего качества (1 рё примерно равен 4 бу, т. е. цены выросли в 4—5 раз.— Д. П.). Соответственно подпрыгнули цены на шёлк-сырец и другие товары»².

Рост цен на товары был выгоден и приносил громадные прибыли лишь небольшой кучке купцов-компраторов и рисоторговцев-оптовиков, которые за бесценок скупали

¹ См. *Цутия Такао*, Бакумацу дорап-но кэйдзайтэки буйсэки (Экономический анализ кризиса в период Бакумацу), «Тюокорон», т. 47, № 11, октябрь 1932 г., стр. 83.

² См. *Мори Киити*, цит. соч., стр. 258.

рис, шёлк и другие товары у крестьян и втридорога продавали их на рынках.

В то же время удорожание основных продуктов питания резко ухудшило и без того невыносимое положение крестьян, ремесленников, ронинов и беднейших слоёв самурайства, которые не могли прокормить себя и свои семьи и были вынуждены всё более и более влезать в кабалу к ростовщикам. В связи с возросшим спросом на кредит значительно вырос и ссудный процент. Само бакуфу занимало в начале 60-х годов деньги из расчёта 10—12% годовых. Частный же ссудный процент был значительно выше и доходил до 80—100. Таким образом, купцы, спекулянты и ростовщики наживались за счёт разорения основной массы населения страны.

Неимоверно тяжёлое положение разорившегося крестьянства обусловило новый мощный подъём крестьянского движения в 1861—1867 гг., т. е. в годы, непосредственно предшествовавшие буржуазной революции. Выступления крестьян далеко перерастали масштабы отдельных деревень, охватывая порой целые уезды и провинции. В крестьянских восстаниях участвовало подчас по нескольку десятков тысяч человек. Повстанцы громили дома феодалов, торговцев и ростовщиков, жгли их хозяйственные постройки, требовали отмены всех многолетних долгов. О том необыкновенном размахе, который приобрела борьба крестьянства в 60-е годы XIX века, можно судить хотя бы по тому, что только за 5 лет — с 1863 по 1867 г. — было зарегистрировано 61 крупное крестьянское восстание¹. А какое бесчисленное множество материалов о местных выступлениях и бунтах крестьян против эксплуататоров остаётся до сих пор похороненным в архивах токугавского правительства и отдельных княжеств!

Одновременно с восстаниями крестьянства то там, то здесь вспыхивали бунты городской бедноты, также направленные своим остриём против беззакония и насилия феодалов и городской верхушки, против кровопийц-ростовщиков, против сёгуната.

Крестьянские восстания, переплетавшиеся с движением городского плебса, распатывали устой феодального обще-

¹ *Нумадзаки Хиданосуке*, *Хякусё икки тёса хокукусё* (Сообщение об исследовании крестьянских восстаний), Токио, 1935; см. *Borton*, цит. соч., стр. 106.

ства в Японии, приближали час его падения. Но разобщённое и лишённое руководства крестьянское движение не могло нанести сёгунату последний, окончательный удар. «...Простое большинство мелкобуржуазных масс, — указывал В. И. Ленин, — еще ничего не решает и решить не может, ибо организованность, политическую сознательность выступлений, их централизацию (необходимую для победы), все это в состоянии дать распыленным миллионам сельских мелких хозяев *только* руководство ими либо со стороны буржуазии, либо со стороны пролетариата»¹.

Как же складывался в Японии класс буржуазии, который воспользовался плодами революционной борьбы крестьянства и, пойдя на компромисс с феодалами, пришёл к власти после революции 1867—1868 гг.?

Образование в стране промышленной буржуазии (в данном случае речь идёт именно о ней, а не о буржуазии торгово-ростовщической) было связано с появлением первых капиталистических предприятий машинного типа. Такого рода предприятия начали создаваться в Японии в конце 50-х — начале 60-х годов XIX века на базе использования технического опыта капиталистических стран Европы и США в судостроении, в металлургии, в прядильном и ткацком производстве и в других отраслях промышленности.

Как известно, строительство больших судов в Японии было запрещено с 1635 г., когда была введена система строгой изоляции страны от внешнего мира. Лишь в 1853 г. в связи с появлением американской эскадры у японских берегов правительство сёгуна было вынуждено отменить это запрещение и приступить к созданию своего флота, используя достижения европейского кораблестроения.

В 1857 г. в Нагасаки был спущен на воду первый изготовленный в Японии пароход. Он строился под руководством более 50 офицеров и матросов голландского флота, служивших инструкторами в Нагасаки. Пробразом для него послужил пароход, подаренный Японии Голландией в 1855 г.

В 1861 г. в Нагасаки было закончено строительство верфей, раскинувшихся на площади в 1,3 га. Оборудование для них было заказано в Голландии и установлено с помощью голландских инженеров и рабочих. После сдачи

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 25, стр. 181.

верфей в эксплуатацию голландцы остались на них работать. Бакуфу создало здесь специальную школу, в которую было направлено 129 самураев из княжеств Сацума, Фукуока, Сага, Цу, Хаги, Фукуяма и т. п. В школе изучалась техника кораблестроения и вооружения, навигация, артиллерия, парусное дело, техника измерений и счислений, устройство судовых механизмов и приборов; курсанты практиковались также в артиллерийской стрельбе.

В начале 60-х годов нагасакские верфи оказались уже не в состоянии справиться с ремонтом японского флота, быстро увеличивавшегося как за счёт строительства кораблей в Японии, так и за счёт покупки судов за границей. Поэтому бакуфу начало переговоры с французским послом о предоставлении займа и инженерно-технической помощи для строительства новых верфей. В 1864 г., получив положительный ответ, правительство приняло обширную для того времени программу строительства верфей и металлургических заводов в Иокосука и Иокогама.

В 1865 г. в Иокогама было закончено оборудование крупного металлургического завода, имевшего цехи по выплавке железа и изготовлению паровых котлов, по постройке моделей машин, производству корабельного оборудования и т. п. Оборудование для завода было закуплено в Голландии ещё в середине 50-х годов княжеством Сага, которое не смогло его использовать и передало в 1859 г. бакуфу. Станки и механизмы, работавшие в цехах, приводились в движение паром.

Ещё бóльший по размерам завод был построен в Иокосука. Он состоял из металлургического завода, верфей с тремя стапелями для постройки кораблей, двух доков для ремонтных работ и арсенала, где отливались пушки и изготовлялось другое вооружение. Часть оборудования для этого предприятия была изготовлена на заводе в Иокогама, а наиболее сложные машины, приборы и т. п. были закуплены во Франции. Благодаря французскому займу, полученному бакуфу под залог заводов, строительство было завершено в 4 года и сдано в эксплуатацию в 1871 г. Всё предприятие обошлось в 2,5 млн. долл.; на нём работало более 2 тыс. человек¹.

¹ Цутия Такао и Окадзави Сабуро, *Ниппон сиконсюги хаттацу си гайсэцу* (Очерки по истории развития японского капитализма), Токио 1937, стр. 145.

К моменту революции принадлежавшие сёгунату судостроительные предприятия обладали весьма значительными по тому времени мощностями. За 15 лет (1853—1867 гг.) бакуфу с помощью голландцев и французов построило 44 больших корабля, не говоря уже о нескольких десятках мелких судов.

После отмены запрета на строительство больших судов кораблестроение широко развернулось и в отдельных княжествах. К 1868 г. не менее 14 княжеств имели свои кораблестроительные или кораблеремонтные верфи. Наиболее крупные из них были построены в Исикавадзима, Кагосима, Химэдзи, Цу, Сабусава, Хаги, Томоноцу, Сага, Аомори, Сингу и Нанао.

Все судостроительные верфи, которые строились как сёгунатом, так и отдельными княжествами, были оснащены, как правило, импортным оборудованием и представляли собой типичные капиталистические предприятия, где применялось расчленение отдельных операций, использовался наёмный труд и т. п.

Развитие судостроения в Японии со всей остротой поставило вопрос о необходимости применения новой техники в металлургии, ибо старинные методы плавки железной руды не могли дать достаточного количества высококачественной стали.

Первым княжеством, применившим европейскую технологию выплавки чугуна и стали, было княжество Сага, где была построена в 1852 г. первая в Японии железоплавильная печь. После этого одна за другой были построены ещё три печи. Всего на этом заводе работало около 100 человек.

Другие княжества последовали примеру Сага. В 1854 г. князь Сацума Симадзу Нариакира построил в Кагосима первую домну. В 1865 г. в княжестве Сацума были пущены в ход 2—3 сталеплавильные печи. В том же году здесь был изготовлен так называемый «санкайдай» — аппарат для сверления сплошного стального тела орудия после отливки; он приводился в действие водяным колесом.

При металлургическом заводе было выстроено несколько мастерских по изготовлению инструмента, насосов, сельскохозяйственного инвентаря, утвари и т. п. Кроме того, здесь же были созданы цехи, где производились белое и цветное стекло, порох, соляная, серная и азотная кислоты,

бумага; в больших количествах изготовлялись самурайские мечи, а также орудия и ружья. Все эти цехи и мастерские были объединены в административном отношении и назывались вместе «сюсэйкан» — «завод по производству различных изделий». О его размерах можно судить хотя бы по тому, что в 1858 г. здесь было занято более 1 200 наёмных рабочих¹.

Ряд металлургических заводов был построен в отдельных княжествах. Из них следует отметить сравнительно крупный для того времени завод в Акаура в провинции Бидзэн.

Появились предприятия фабричного типа и в текстильной промышленности. Так, известно, например, что глава княжества Сацума вывез из Англии в 1861—1863 гг. большое количество прядильных машин, которые были установлены на фабрике в деревне Исо, около Кагосима; она вступила в действие в 1863 г. и, как утверждает японский историк Норо Эйтаро, «положила начало нашим заводам, изготовляющим хлопчатобумажную пряжу с помощью станков европейского типа»².

В 1868 г. тот же князь Сацума закупил у манчестерской «Пратт компани» 100 прядильных и ткацких машин, которые под руководством 7 английских техников были установлены в Кагосима. Общая стоимость оборудования и его установки составила 130 тыс. долл. На этом заводе были установлены паровые двигатели и работало более 200 наёмных рабочих.

Таким образом, в начале 60-х годов XIX века в Японии уже имелись налицо предприятия фабрично-заводского типа в ряде отраслей производства. Но потребовался длительный период времени, чтобы эти предприятия заняли ведущее место в промышленности, чтобы капиталистический способ производства окончательно утвердился в Японии.

Появление первых предприятий фабрично-заводского типа в Японии после её открытия было продолжением того процесса зарождения и развития капиталистического уклада, который начался в феодальной Японии в конце XVIII века. От капиталистической работы на дому к мануфактуре и от неё к машинному производству — таков

¹ См. *Мори Киити*, цит. соч., стр. 108.

² *Норо Эйтаро*, *Нихон сихонсюги хаттацу си* (История развития капитализма в Японии), Токио 1930, стр. 50.

был путь развития капитализма в Японии, который, как это гениально показали классики марксизма-ленинизма, является в общих чертах закономерным для всех стран в период их перехода от феодализма к капитализму.

Одновременно с возникновением в Японии капиталистических предприятий фабричного типа началось образование и двух антагонистических классов — класса наёмных рабочих, пролетариев, и класса промышленной буржуазии, капиталистов.

Класс наёмных рабочих складывался прежде всего за счёт обезземеленных крестьян, толпами приходивших в город в поисках работы и пропитания. К середине XIX века в Японии в связи с резким падением сельскохозяйственного производства и массовым разорением крестьянства усиливается процесс отделения производителя от средств производства. В полной мере этот процесс развернулся, однако, в стране лишь в 70-х годах XIX века, после проведения аграрной реформы, лишившей земли миллионы крестьян. Другим источником рабочей силы были ремесленники, разорвавшиеся в связи с конкуренцией фабричных предприятий в Японии и импортом большого количества дешёвых иностранных товаров. В рабочих превращались, наконец, бывшие ученики и подмастерья феодальных цеховых мастеров, а также отдельные представители окончательно разорившихся ронинов и самураев.

Какие же источники питали антипод пролетариата — класс буржуазии?

Он складывался в Японии за счёт выходцев из двух сословий: тэнин (горожан) и буси (самурайства).

Инициаторами создания капиталистических предприятий одними из первых выступили принадлежавшие к сословию тэнин купцы-скупщики и владельцы мануфактур, которые убедились, что дальнейшее расчленение операций и механизация производственных процессов позволяют значительно увеличить выпуск готовой продукции и, следовательно, получить большие прибыли. Однако характерное для японских условий полное политическое бесправие сословия тэнин заставляло этих предпринимателей вступать в соглашения с феодалами, которые разрешали строить предприятия на своей земле и часто даже обеспечивали заводы рабочей силой, получая за это определённую долю прибылей.

Второй социальной группой, из представителей которой формировался в Японии класс промышленной буржуазии, было феодальное японское дворянство — самурайство. На первый взгляд это положение может показаться парадоксальным, так как известно, что кодекс самурайской чести категорически запрещал самураям заниматься торговлей, ремеслом и тому подобной «низкой» деятельностью. К тому же жёсткие сословные рогатки, существовавшие в период сёгуната Токугава, образовывали непродоходимую пропасть между самураями и горожанами.

Однако живая, реальная жизнь постепенно разрушала старые традиции и каноны, превращала в пустой звук строгие предписания сёгуната. По мере разложения феодализма шло стирание граней между отдельными группами самурайства и представителями торгово-ростовщического капитала. Этот процесс шёл по двум линиям: путём приобретения купцами и ростовщиками самурайских рангов и, с другой стороны, путём превращения самих самураев в торговцев и ростовщиков. И в том и в другом случае, следовательно, данный индивидуум, имея ранг самурая, фактически был представителем буржуазии. Как конкретно шёл этот процесс?

По мере развития товарно-денежных отношений торгово-ростовщический капитал приобретал всё большее и большее значение в экономической жизни страны. Он опутывал сетью финансово-экономической зависимости и самурайство, и даймё, и даже дом Токугава. Чем более развивался товарный рынок, тем более росло могущество торгово-ростовщического капитала и усиливалась зависимость от него класса феодалов. Но в политическом отношении купцы и ростовщики не имели никаких прав. Отсюда понятно их стремление получить ранг самурая и тем самым привести в некоторое соответствие свой политический статус со своим экономическим могуществом.

Наиболее богатые представители торгово-ростовщического капитала получали ранг самураев непосредственно от правительства сёгуна за оказанную ему финансовую поддержку.

От финансовых воротил стремились не отстать торговцы и ростовщики помельче, изыскивавшие способы получить ранг самураев, минуя правительство сёгуна. Наиболее простым была покупка этого ранга у какого-либо даймё

за определённую сумму. Торговцы и ростовщики «удовлетворяли домашние потребности феодала и очень часто ссужали его деньгами, — пишет Такидзава. — За это они получали от феодалов различные привилегии, как право носить два меча, свободно входить в покои феодала, иметь почётное имя и парадную одежду и т. д. и т. п. Некоторые купцы, которые ссужали феодалам особенно большие суммы денег, были даже объявлены их вассалами. Такие купцы-вассалы получали рисовую стипендию наравне с другими вассалами, но её размеры были совершенно ничтожны по сравнению с суммами, которые они отдавали феодалам в обмен за эту честь»¹.

Продажа под тем или иным предлогом самурайских званий стала столь частым явлением, что сёгун Ёсимунэ (1716—1744 гг.) был вынужден издать специальный указ, запрещавший подобную практику. Однако продажа самурайских рангов продолжалась.

Обходя все законы и директивы, с помощью которых сёгунат Токугава стремился предотвратить переход из одного сословия в другое, торговцы и ростовщики приобретали ранг самурая путём таких форм, как усыновление и женитьба.

Усыновление применялось особенно часто в XVIII веке. Совершалось оно очень просто: «соискатель» ранга самурая передавал данному феодальному дому или самурайской семье определённую сумму денег и становился членом данной семьи. «...В настоящее время, — писал в начале XIX века японский эконоимист Сёдзи Коки, — только одна из каждых десяти семей из простого народа усыновляет наследников, а среди класса самураев наследников усыновляет более половины бездетных семей»².

Но не только торговцы и ростовщики покупали себе или приобретали для своих детей ранг самурая. Одновременно шёл и встречный процесс — сами самураи постепенно стали пробовать свои силы в области торговли. Это было обусловлено рядом экономических причин. Годы длительного мира лишали всякого смысла само существование феодальных дружин, и, хотя феодалы и не решались их полностью распустить, они всё же значи-

¹ Takizawa, цит. соч., стр. 102.

² См. там же, стр. 130.

тельно уменьшили их численность. Что же касается оставшихся дружинников, то получаемая ими рисовая стипендия по мере увеличения потребностей феодала всё более и более уменьшалась. Им приходилось занимать деньги у торговцев и ростовщиков, и они всё больше запутывались в долгах. Разорившиеся самураи были вынуждены искать себе какое-то занятие; они становились ремесленниками, торговцами, ростовщиками и т. п.

Это явление стало настолько распространённым, что о нём вынуждены были заговорить идеологи самурайства. «Самым опасным для самурая,— писал в начале XIX века один из членов правительства сёгуна и известный политический деятель Мацудаёра Саданобу,— является наличие алчного стремления к стяжательству и наживе золота и серебра»¹. Об этом же писал и экономист Сёдзи Коки, который утверждал, что «источником всех национальных бедствий является то, что класс самураев забыл свои священные обязанности и стал заниматься грубым и низким делом покупки и продажи»².

К середине XIX века процесс обуржуазивания самураев зашёл уже очень далеко. В княжествах Сацума, Тёсю, Мито и др. именно самураи сплошь и рядом становились во главе вновь создаваемых капиталистических предприятий, на которых устанавливалась вывезенная из-за границы техника. Несмотря на свой самурайский ранг, эти предприниматели были по сути дела представителями буржуазии.

Таким образом, характернейшим для Японии явлением было то, что нарождавшаяся торгово-промышленная буржуазия сплошь и рядом выступала ещё под самурайским плащом. Под личиной самурая зачастую скрывался самый настоящий буржуа. Это очень важный момент, так как буржуазная историография делает в ряде случаев попытки доказать, что буржуазии в Японии в 60-х годах ещё не было, что самурайство играло основную роль в революции 1867—1868 гг., что, наконец, сама эта революция была не буржуазной революцией, а самурайской. Японский экономист Итани писал, например, говоря о буржуазной революции в Японии, что эта «социальная революция была осуществлена не классом горожан, а рядовыми самураями

¹ См. *Takizawa*, цит. соч., стр. 89.

² Там же.

из среды правящего класса. В этом её отличие от буржуазных революций в Англии, Франции и Голландии»¹.

Не приходится говорить о всей ошибочности позиций историков и экономистов, придерживающихся подобной точки зрения. Они оказываются не в состоянии разглядеть под самурайской формой буржуазное содержание. Для историков-марксистов нет никаких сомнений в том, что небольшая группа промышленной буржуазии уже существовала в Японии перед революцией 1867—1868 гг., что требования реформ, с которыми выступала антисёгунская оппозиция, были в конечном счёте требованиями буржуазных преобразований. Что же касается участия в этой оппозиции представителей феодалов, то в этом нет ничего удивительного. Во-первых, часть этих феодалов была связана с торгово-ростовщическим и промышленным капиталом, принимая то или иное участие в его предприятиях. Во-вторых, известная часть даже не связанных непосредственно с буржуазией феодалов была готова поддержать её требования, видя её силу и предполагая возможность её победы. На закономерность подобного рода сотрудничества отдельных групп феодалов с буржуазией указывали Маркс и Энгельс в «Манифесте Коммунистической партии», где они писали, что «в те периоды, когда классовая борьба приближается к развязке, процесс разложения внутри господствующего класса, внутри всего старого общества принимает такой бурный, такой резкий характер, что небольшая часть господствующего класса отрекается от него и примыкает к революционному классу, к тому классу, которому принадлежит будущее. Вот почему, как прежде часть дворянства переходила к буржуазии, так теперь часть буржуазии переходит к пролетариату...»².

В 60-х годах XIX века серьёзнейшим противником сёгуна Токугава были широкие массы крестьянства — основного революционного класса эпохи феодализма. Бунты крестьянства, переплетавшиеся с выступлениями городской бедноты, подрывали основы господства сёгуна и послужили в конечном счёте одной из важнейших причин его падения.

¹ *Итани Ёсиити*, Мэйдзи исин кэйдзай си (Экономическая история революции Мэйдзи), Токио 1928, стр. 25—26.

² *К. Маркс и Ф. Энгельс*, Манифест Коммунистической партии, стр. 43—44.

Одновременно против феодального строя, за проведение буржуазных преобразований выступала и нарождавшаяся промышленная буржуазия Японии. Однако незначительное развитие фабрично-заводской промышленности и высокий удельный вес торгово-ростовщического капитала обусловили слабость японской буржуазии накануне революции, её тесную связь с феодальными элементами, её нерешительность и особую склонность к компромиссам.

Наряду с крестьянством и буржуазией к 60-м годам XIX века окончательно определился и ещё один противник сёгуната — оппозиционное феодальное дворянство. Дело в том, что среди самого класса феодалов по мере общего ухудшения экономического положения страны и развёртывания революционной борьбы широких масс трудящихся появились недовольные правлением сёгунов Токугава. Чем сильнее и болезненнее становились удары крестьянства и городской бедноты по феодальному государству, тем сильнее росло среди феодального дворянства чувство недовольства сёгунатом, который оказывался не в состоянии задуть движение эксплуатируемых, т. е. выполнить свою основную задачу — оградить интересы эксплуататоров. Это недовольство вылилось в конечном счёте в антисёгунское движение, в движение за смену у кормила власти одного правителя другим, более сильным, более способным в новой обстановке отстаивать интересы всего господствующего класса. Таким образом, если выступления крестьянства и городской бедноты против сёгуната были направлены на уничтожение феодальной эксплуатации вообще, то борьба фрондирующего самурайства и отдельных даймё против дома Токугава преследовала на данном этапе противоположную цель — сохранить и укрепить феодальный строй.

В борьбе против господства дома Токугава постепенно сложился блок буржуазии и феодального дворянства, значительная часть которого, как уже отмечалось выше, фактически выражала интересы торгово-промышленного капитала. К этому блоку примкнули и некоторые феодальные князья, рассчитывавшие закрепить свои позиции в случае свержения власти сёгунов Токугава.

Вскоре после того, как бакуфу было вынуждено подписать Канагавский договор (в 1854 г.), антитокугавская оппозиция выдвинула в качестве одного из основных своих тактических лозунгов лозунг борьбы против

«варваров» — иностранцев, за закрытие страны и восстановление прежней системы изоляции от внешнего мира.

Под лозунгом «дзэй» — «изгнание варваров» — оппозиционный блок рассчитывал сплотить всех тех, кто был недоволен проникновением в страну иноземных колонизаторов, нагло попирающих национальное достоинство японского народа.

Таким образом, в 60-х годах XIX века наблюдается дальнейшее обострение экономического и политического кризиса сёгуната. Используя слабость Японии и напряжённую внутривнутриполитическую обстановку в стране, капиталистические хищники Европы и США решили усилить своё давление и перешли к прямой вооружённой интервенции, чтобы поработить японский народ.

2. США — ИНИЦИАТОР И АКТИВНЫЙ ОРГАНИЗАТОР КАРАТЕЛЬНЫХ ЭКСПЕДИЦИЙ ПРОТИВ ЯПОНСКОГО НАРОДА (1859—1864 гг.)

В начале 60-х годов XIX века ведущей державой по колониальному грабежу на Дальнем Востоке попрежнему оставалась Англия. Опираясь на подавляющее превосходство своей промышленности и флота, английская буржуазия проводила в жизнь лозунг фритредерства — свободной торговли. Именно в этом принципе видела она вернейший путь к упрочению своего монопольного положения «мастерской мира».

Свою неутолимую жажду новых рынков и новых прибылей английские буржуа маскировали либеральными и «левыми» фразами. Но именно либералы (виги) были горячими поборниками экспансии на Востоке, а их лидер Пальмерстон известен в истории как один из наиболее ревностных строителей английской колониальной империи. Став в 1830 г. впервые министром иностранных дел Великобритании, Пальмерстон вплоть до 1865 г. занимал руководящие посты в государственном аппарате. Он был премьер-министром в 1855—1858 гг. и в те годы, о которых идёт сейчас речь, — в 1859—1865 гг.

Карл Маркс, внимательно следивший за деятельностью Пальмерстона, дал ему неподражаемую по своей меткости характеристику. «Будучи торием по происхождению, — писал Маркс о Пальмерстоне, — он все же сумел ввести

в управление иностранными делами весь тот клубок лжи, который составляет квинт-эссенцию вигизма. Он прекрасно умеет соединять демократическую фразеологию с олигархическими воззрениями, умеет хорошо скрывать торгашескую мирную политику буржуазии за гордым языком аристократического англичанина старых времен; он умеет казаться нанадающим, когда на самом деле потворствует, и обороняющим, когда на самом деле предает; он умеет ловко падить мнимого врага и приводить в отчаяние сегодняшнего союзника, умеет в решительный момент спора становиться на сторону сильнейшего против слабейшего и обладает искусством, убегая от врага, сыграть громкими, смелыми фразами»¹.

Имя Пальмерстона связано с широкой колониальной экспансией Англии в странах Азии. В 1854—1856 гг. Англия вела войну с Россией, чтобы укрепить свои позиции на Ближнем Востоке и оставить за собой контроль над Черноморскими проливами. Окончание Крымской войны и поражение царской России, отбросившее на задний план одного из самых сильных английских конкурентов, позволило Англии высвободить дополнительные силы для расширения колониальных захватов. В 1856—1857 гг. Великобритания вела войну с Персией, которая была вынуждена предоставить новые льготы английским купцам. В 50-х годах продолжалось завоевание Индии: в 1852 г. была захвачена Нижняя Бирма, в 1853 г. — княжество Пагпур, в 1856 г. — княжество Ауд. В 1857—1858 гг. либеральное правительство Пальмерстона потопило в крови восстание сипаев, пытаясь подавить освободительную борьбу индийского народа. В 1856—1858 гг. Великобритания совместно с Францией вела грабительскую войну против Китая, стремясь создать все условия для неограниченного хозяйничанья английских купцов на рынках этой богатейшей страны Востока.

Серьёзным соперником Англии по колониальному грабежу выступала в 60-х годах XIX века Франция, где у власти стояло правительство Наполеона III, выражавшее интересы крупной буржуазии. В 1858—1862 гг. Франция вела захватническую войну в Индо-Китае, варварски подавляя сопротивление местного населения. В 1862 г. вооружённым до зубов колонизаторам

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. IX, стр. 488—489.

удалось завершить завоевание Кохинхины. Вскоре они заставили короля соседней Камбоджи официально признать протекторат Франции. Колонизаторы начали подбираться к Сиаму. В эти же годы Франция сделала попытку захватить турецкую Сирию под предлогом защиты католиков от мусульман; только в связи с настойчивыми требованиями Англии французские войска в 1861 г. были выведены из Сирии. Наконец, в 1862—1867 гг. Франция попыталась завоевать Мексиканскую республику, что она рассматривала как первый шаг на пути создания некоей «Латинской империи», куда, по мысли Наполеона III, должны были войти почти все страны Южной и Латинской Америки.

Обострение борьбы между Англией и Францией за колониальные рынки в 60-х годах XIX века не мешало им выступать совместно там, где их силы оказывались слишком слабыми для сепаратных действий. В частности, они продолжали действовать рука об руку в Китае.

Тяньцзиньские договоры, навязанные Китаю в 1858 г. в результате 2-й опиумной войны, предоставляли великим державам широкие возможности для развития торговли. Однако этого оказалось недостаточно для разыгравшихся аппетитов колониальных хищников. Они стремились проникнуть в столицу — Пекин и полностью подчинить маньчжурскую династию своему контролю.

С этой целью в 1859 г. Англия и Франция, спровоцировав очередной «инцидент», возобновили военные действия против Китая. В августе 1860 г. англо-французские войска высадились на побережье в районе Тяньцзиня, и после кровопролитного сражения на мосту Балицяо 21 сентября 1860 г. маньчжурские отряды были вынуждены открыть интервентам дорогу на Пекин. В октябре того же года древняя столица Китая была занята и разграблена иностранными войсками.

Цинское правительство в эти тяжёлые для китайского народа годы интервенции вновь предало интересы страны, проявив готовность идти на любые уступки иностранным колонизаторам, лишь бы поскорее покончить с тайпинским восстанием. На этой основе — на основе совместной борьбы против восставшего народа — и оказалось возможным заключение соглашения между маньчжурской династией и иностранными державами.

Новые кабальные соглашения — так называемые Пекинские конвенции — полностью подтверждали все

условия Тяньцзиньских договоров. Вдобавок Китай обязывался уплатить Англии и Франции контрибуцию в 8 млн. лян. Не были забыты и территориальные вопросы: цинское правительство согласилось на передачу Англии Коулунского полуострова, расположенного непосредственно против Гонконга. Китай обязывался, далее, разрешить торговлю в порту Тяньцзинь, что открывало иностранным купцам путь для проникновения в Северный Китай. Наконец, Китаю было навязано ещё одно кабальное требование: разрешался свободный вывоз из страны кули, на чём давно настаивали англо-французские и особенно американские плантаторы.

Извлекла для себя выгоду из нового поражения Китая и царская Россия. Она заключила с Китаем договор, добившись на основании принципа наибольшего благоприятствования предоставления ей всех прав и привилегий, которые вырвали у Китая Англия, Франция и США.

Соединённые Штаты в эти годы по активности своих действий на Дальнем Востоке значительно уступали Англии и Франции. Это было обусловлено напряжённой политической обстановкой в США накануне гражданской войны. Однако это отнюдь не значит, что американская буржуазия, вынужденная несколько умерить свой колонизаторский пыл, полностью отказалась от экспансии в Азии.

В июне 1859 г., когда англо-французская эскадра стремилась прорваться к Тяньцзиню, американский фрегат «Паухэтэн» подверг бомбардировке китайские береговые укрепления, прикрыв огнём высадку английских десантных войск. Бомбардировка побережья «Паухэтэном» отнюдь не была произвольным шагом со стороны командующего фрегатом — Тэтнэлла: он действовал в духе инструкций, полученных из Вашингтона. Об этом свидетельствует хотя бы то, что и морской министр США и президент Бьюкэнэн полностью одобрили его действия.

Этот эпизод из истории 3-й опиумной войны в сочетании с известными фактами поддержки англо-французских колонизаторов в период первых двух опиумных войн говорит о том, что в течение 40 — 50-х годов XIX века Соединённые Штаты принимали систематическое участие в военных действиях против китайского народа.

В марте 1861 г. пост государственного секретаря США в кабинете Линкольна занял небезызвестный Вильям Сьюард, лидер наиболее агрессивных кругов промышленной бур-

жуазии Севера, с 40-х годов требовавших широкой экспансии на Тихом океане. По его указанию в Китай был направлен посланник Берлингхэм со специальным заданием не только приложить все силы для сохранения позиций американского капитала в годы гражданской войны, но и попытаться, если это окажется возможным, расширить эти позиции, действуя совместно с Англией и Францией. Сюрд рассчитывал на то, что любые уступки, вырванные у Китая, будут распространены и на США согласно принципу «наибольшего благоприятствования».

Действуя в духе правительственных инструкций, Берлингхэм принял активное участие вместе с Англией и Францией в подавлении тайпинского восстания. Несмотря на официально провозглашённый нейтралитет, иностранные военные корабли бомбардировали укрепления повстанцев, перевозили правительственные войска. Так, например, на английских кораблях была переброшена к Шанхаю в самый разгар боёв 8-тысячная правительственная армия, что сыграло решающую роль в исходе битвы.

Немалую помощь цинскому правительству оказал иностранный военный отряд, сформированный по указанию американского консула авантюристом Уордом. Этот отряд принял активное участие в борьбе с войсками тайпинов. С обычным лицемерием Соединённые Штаты объявили, что Уорд, дескать, — «частное» лицо. Однако было хорошо известно, что он получал инструкции непосредственно от американского посланника Берлингхэма. Что же касается цинского правительства, то оно со своей стороны официально признало отряд Уорда частью своих войск, хвастливо объявив его в марте 1862 г. «всегда побеждающей армией». Кстати сказать, уже в сентябре того же года эта «армия» понесла серьёзные потери от тайпинов, а сам Уорд был тяжело ранен и вскоре умер.

Наряду с отрядом Уорда, во главе которого стал англичанин Гордон, в Китае действовал и французский военный отряд. Совместными усилиями цинского правительства и иностранных держав тайпинское движение, в значительной степени ослабленное серьёзнейшими внутренними противоречиями, было подавлено. Перед иностранными державами открылись широкие возможности для закабаления Китая.

Ведя наступление на Китай, великие державы ни на минуту не забывали о Японии, которая постепенно

становилась всё более важным районом столкновения коренных интересов США, Англии, Франции и России.

Навязав Японии в 1858 г. неравноправный, кабальный договор, Соединённые Штаты опередили европейских колонизаторов и обеспечили себе прочные позиции в этой стране. В последующие годы они прилагали все силы, чтобы расширить своё влияние на правительство сёгуна и тем самым обеспечить себе победу в борьбе с Англией, Францией и Россией за господство в Японии.

С этой целью немедленно после подписания договора американский консул Таунсенд Гаррис развернул активную деятельность в японской столице, настаивая на посылке в США специального посольства для обмена ратификационными грамотами. С одной стороны, государственный департамент предполагал продемонстрировать своё стремление оказать помощь сёгунату и тем самым оказать моральную поддержку феодальному правительству; с другой стороны, он возлагал большие надежды на то, что ознакомление с американскими вооружёнными силами и с промышленной мощью Америки запугает японцев и предопределит удовлетворение новых требований американского капитала в будущем.

Предложение Гарриса было положительно встречено в Эдо. В условиях всё шире развёртывающегося крестьянского движения и роста буржуазно-феодальной оппозиции правительство сёгуна делало лихорадочные попытки удержать власть в своих руках. Трезво сопоставив силы договорных держав и Японии, бакуфу, возглавляемое Ии Наосукэ, пришло к выводу, что при создавшейся обстановке не может быть и речи о победоносной войне с иностранцами за отмену неравноправных договоров, и решило использовать установление договорных отношений с иностранными государствами для укрепления режима сёгуната. С помощью иностранцев оно планировало провести реорганизацию армии, чтобы разгромить буржуазно-феодальную оппозицию и подготовиться к подавлению крестьянского движения.

В сентябре 1858 г. Ии Наосукэ принял ряд жёстких мер против оппозиции. По его приказу один из членов правительства — Манабэ Норикацу направился в резиденцию императора город Киото и арестовал там 57 представителей придворной знати и самурайства, возглавлявших враждебные сёгуну группировки. Одновременно де-

сятки человек были арестованы в Эдо и других местах страны. Несколько видных деятелей оппозиции были отстранены от занимаемых должностей и подвергнуты домашнему аресту. В начале 1859 г. Ии Наосукэ восстановил старые правила полной изоляции императора от политической жизни, введённые ещё в XVII веке.

Обезглавив и ослабив, по крайней мере на ближайшее время, оппозиционный лагерь, Ии Наосукэ сделал попытку заручиться активной поддержкой иностранных держав. После ряда совещаний с Гаррисом представители японского правительства заявили о согласии главы бакуфу удовлетворить просьбу американского консула и направить посольство в Соединённые Штаты. Одновременно была начата подготовка к посылке аналогичных миссий и в другие страны мира.

Во главе посольства в США были поставлены губернатор Урага Симми Будзэн-но ками и губернатор Хоккайдо Мурагаки Авадзи-но ками. Среди 70 человек, входивших в состав посольства, были феодальные князья и видные чиновники сёгуната. Вместе с ними в качестве секретарей и советников отправились за океан также некоторые представители обуржуазившегося дворянства, сыгравшие впоследствии большую роль в буржуазной революции. Среди них был, например, Фукудзава Юкити (1835—1901), один из лидеров «Минкэн ундо» — «Движения за демократические права» в 70—80-х годах XIX века.

Посольство должно было отправиться из Японии в первой половине 1859 г. Однако в связи с напряжённой политической обстановкой в стране Ии Наосукэ решил несколько отложить отъезд посольства. На это решение японского правительства последовала немедленная реакция американского генерального консула. Стремясь не допустить установления контакта между Японией и какой-либо другой страной, Гаррис заставил бакуфу подписать специальную конвенцию, обязывающую японцев не направлять никаких миссий в другие страны до прибытия данного посольства в Вашингтон¹.

¹ В статье 2 японо-американской конвенции, подписанной 19 марта 1859 г., говорилось:

«Никакое посольство не может быть направлено из Японии в какую-либо страну до того, как миссия, которая должна совершить обмен ратификационными грамотами договора 1858 г., не прибудет в Вашингтон».

В письме государственному секретарю США Льюису Гасу Гаррис

История первого японского посольства в США заслуживает пристального внимания, ибо по отношению к нему американского правительства, по той торжественной встрече, которая была оказана представителям маленькой, только что открытой страны, можно судить о важном значении, которое придавали руководители американского государства укреплению своего влияния в Японии.

23 февраля 1860 г. посольство отплыло из Японии на американском фрегате «Паухэтэн» и японском корабле «Канрин-мару». В Сан-Франциско его ждал необыкновенно шумный приём: по ходатайству правительства США конгресс накануне прибытия посольства специально выделил на расходы по проведению встречи крупную сумму в 50 тыс. долл.¹

Из Сан-Франциско посольство направилось на пароходе в Панаму, пересекло по железной дороге Панамский перешеек и из города Аспинваль отправилось в столицу США на фрегате «Ронок», ожидавшем его здесь более 9 месяцев. На следующий же день после прибытия в Вашингтон японские представители были приняты президентом Бьюкэнэном, который выразил своё удовлетворение по поводу ратификации договора.

Пробыв в столице 10 дней, посольство отправилось в турне по Соединённым Штатам. «Отъезд совершился с такою же торжественностью, как и прибытие,— писал русский корреспондент Матиль, находившийся тогда в США.— Они отправились в Балтимору с экстренным поездом, и, как всегда и везде, обе стороны дороги украшены были цветами, флагами обоих государств и различными надписями: «Добро пожаловать, японцы!» и т. п.»². В Балтиморе на организацию встречи посольства было потрачено более 3 тыс. долл.

откровенно писал о причинах, побудивших его настаивать на внесении этого пункта в конвенцию. «В моём письме № 8 от 22 февраля сего года я сообщал Вам о попытке англичан добиться направления посольства от японского правительства в Англию после отправки посольства в США или одновременно с ним. Я считал весьма вероятным, что эти попытки будут возобновлены, и ввёл на этот случай в конвенцию статью 2» («36-th Congress, 1-st Session, Senate Executive Documents», v. 9, W. 1860, стр. 8).

¹ «36-th Congress, 1-st Session, The Congressional Globe», v. IV, W. 1860, стр. 504.

² «Русский вестник», т. 29, М. 1860, стр. 10.

Затем японцы прибыли в Нью-Йорк, где их с помпой и торжественностью встретили городские власти.¹ Здесь члены посольства посетили морской арсенал, библиотеку, почту, госпитали, тюрьмы. Они побывали также на мануфактурах, сахарных заводах и в типографии. На праздник, который устроила администрация города, было роздано до 7 000 билетов.

1 июля 1860 г. японское посольство на одном из крупнейших американских кораблей, «Ниагара», отправилось в обратный путь.

Соединённые Штаты использовали прибытие японского посольства не только для демонстрации показной «дружбы» и «благорасположения» к Японии. Они воспользовались случаем, чтобы получить согласие японских представителей на посылку в Японию своих советников. Вместе с посольством из США отправилось несколько американских инженеров и два эксперта — по одному от армии и военно-морского флота Соединённых Штатов. Так было положено начало институту иностранных советников в Японии. Спустя несколько лет советники проникли буквально во все поры экономической и политической жизни страны, проводя политику, угодную своему правительству и ничего общего не имеющую подчас с национальными интересами Японии. И на этот раз, как и в подавляющем большинстве других случаев, пальма первенства в совершении очередного шага на пути закабаления страны принадлежала Соединённым Штатам.

Посольство вернулось в Японию, когда уже не было в живых того, кто снаряжал его, — главы правительства Ии Наосукэ. Заключение им договоров с иностранными государствами и репрессии по отношению к деятелям

¹ Матиль так описывает прибытие посольства из Филадельфии в Нью-Йорк:

«Городской совет отправился к ним навстречу... Набережные, улицы, окна, крыши домов были в буквальном смысле унижены зрителями... Кортеж, прибытие которого заранее возведено было пушечными выстрелами, высадился, наконец, на берег... Шествие открывалось и замыкалось большими отрядами полицейских и двумя лучшими городскими полками, с музыкантами впереди... Не только все дома, но и все окна на пути были украшены флагами с цветами Союза и японской империи. Наконец прибыли в великолепно украшенную гостиницу, приготовленную для достойного приёма гостей... Вечером город освещён был горящими щитами и фейерверками всякого рода...» («Русский вестник», т. 29, М. 1860, стр. 16).

оппозиции вызвали бурю возмущения влиятельных групп самурайства. 24 марта 1860 г. Ии Наосукэ был убит.

Убийство Ии Наосукэ явилось началом целой серии политических убийств и покушений, организованных антисёгунской оппозицией. Объектами нападений террористов были не только чиновники бакуфу, но и иностранцы, которых всё больше и больше стало прибывать в Японию после 1854 г.

Нападения на иностранцев были выражением протеста против хозяйничания в стране чужеземных колонизаторов, попирающих национальные законы и обычаи. Иностранцы нагло и вызывающе вели себя по отношению к японцам, грубили, издевались, совершали, наконец, преступления, пользуясь полной безнаказанностью, обеспеченной им системой экстерриториальности.

Судопроизводство в американских консульских судах в Японии велось в соответствии с американскими законами. Однако юриспруденция США базировалась не на едином кодексе законов, а на конституции и законах отдельных штатов, которые были настолько различны и порой противоречивы, что давали консулам возможность вершить дела по собственному усмотрению. Сплошь и рядом те или иные проступки вообще не предусматривались никакими законами. Так, например, в 1881 г. вдруг оказалось, что не существует статьи о мошенничестве, которая была чрезвычайно нужна в связи с неоднократными случаями нарушения американскими гражданами контрактов с японцами. «Не приходится говорить, — признавал английский юрист Джонс, — какие поистине золотые возможности открывало подобное положение для нечестных торговцев»¹.

Дело доходило буквально до абсурда. Джонс, например, сообщает, ссылаясь на сотрудника английской миссии в Японии барона Александра фон Зибольда, что, «когда в Японии были пущены железные дороги, большое количество иностранцев пользовалось ими, не затрудняя себя покупкой билета, и американский консул был вынужден признать, что он не в состоянии наказать за это своих соотечественников»².

¹ Jones, цит. соч., стр. 67.

² Там же.

Но самым большим уродством системы экстерриториальности было предоставление американскому послу в Японии права... лично дополнять законы! Такая практика продолжалась вплоть до 1875 г., когда государственным департаментом было принято решение о частичном лишении послов этого права.

Решения консульских судов в значительной мере зависели от личных качеств консулов, которые, как правило, не имели даже элементарного юридического образования. Зибольд писал в связи с этим, что «только немногие договорные державы в Японии были представлены постоянными консулами, но и среди них очень редко можно было встретить опытного юриста. Большинство государств было представлено коммерсантами, действовавшими в качестве внештатных консулов, чьё решение по коммерческим вопросам было достаточно компетентным, но которые были, однако, очень мало знакомы с юриспруденцией. Часто они даже не были гражданами того государства, которое представляли, и поскольку они сами вели дела, японцистец мог встретить в одном и том же лице и ответчика и судью»¹.

Низкая юридическая квалификация консулов повсеместно сочеталась с весьма пристрастным подходом к решению дел. Если же в очень редких случаях консул отваживался проявить минимум объективности, то его, как об этом писал посол Великобритании в Японии в 1860—1864 гг. Олькок, ожидало резкое недовольство всей иностранной колонии. «Он мог считать себя счастливым, если пресса в течение недель и месяцев не поносила его на чём свет стоит, обыгрывая стандартную тему насчёт консульской тирании, или же если ему удавалось избежать тревог, беспокойств и денежных расходов, связанных с разбором дела в Верховном суде в Гонконге, где в случае обнаружения малейшей технической ошибки над головой консула нависала угроза уплаты разорительного штрафа в качестве наказания»².

При таких условиях консульский суд превращался в фикцию, маскарад, призванный оправдать любое преступление иностранцев.

¹ См. *Jones*, цит. соч., стр. 67.

² *Alcock*, цит. соч., т. II, стр. 26.

Каждый консул или посол решал дело так, как ему казалось наиболее правильным, имея в виду прежде всего защиту интересов граждан своей страны ¹.

Но дело было не только в пристрастности консулов или их незнании юриспруденции. На практике оказывалось вдобавок, что те самые люди, которым было доверено совершение правосудия, обладали весьма низкими моральными качествами. Консульский суд превращался для них в побочный источник дохода. Дело решалось в пользу того, кто давал более крупную взятку. «Средний уровень честности и деловитости консулов был плачевно низким», — признавал американский историк Деннетт ².

После проведения обследования консульских судов США за границей специальный инспектор Кэйм писал: «Самым важным фактом, выявленным в результате моего обследования, является наличие беззаконий, творимых консульскими чиновниками .., обманывающими правительство и получающими доходы от различных побочных источников» ³.

Взятничество, коррупция, подкупы и мошенничество были настолько широко распространены среди американских консульских агентов в Японии, что это вынужден был признать даже ассистент государственного секретаря Герберт Пирс, совершивший в 1904 г. специальную инспекционную поездку на Восток. «Иногда случалось, к несчастью, — писал он, — что некоторые наши консульские чиновники, окружённые искушениями, которых так много на Востоке, находили, что их жалованья недостаточно для пополнения их постоянно истощающихся денежных ресурсов, и уступали этим искушениям; они использовали нашу систему частичной оплаты их труда

¹ Олькок в своей книге «Столица Тайкуна» откровенно признавал, что система экстерриториальности призвана была охранять интересы лишь иностранцев. «Существующие отношения, — писал он, — зиждутся на системе экстерриториальности, которая предполагает, что законы и исполнительная власть иностранных правительств действуют в полной мере на территории Японии по отношению ко всем иностранцам и действительно заменяют законы этой страны, создавая условия как для защиты мира, так и для наказания преступлений. Но на практике действительным является лишь право изъятия из-под юрисдикции Японии, а все остальные условия статута экстерриториальности — не более чем фикция» (*Alcock*, цит. соч., т. II, стр. 368).

² *Dennett*, цит. соч., стр. 670.

³ Там же, стр. 671.

самими просителями для незаконного вымогательства денег за услуги неофициального характера; в других случаях они использовали своё служебное положение, чтобы нечестными способами увеличить свои доходы, покрывая тем самым позором всё консульство»¹.

Система экстерриториальности, навязанная Японией иностранными государствами, служила в их руках орудием закабаления страны и усиления эксплуатации японского народа. Японские подданные вынуждены были обращаться к суду иностранцев, заражённых предрассудками и предубеждениями. Делопроизводство велось на непонятном им языке в соответствии с чужими законами. В связи с дороговизной и сложностью апелляции они фактически были лишены права на пересмотр дела в судах высшей инстанции. Лишая японцев всякой надежды на элементарное правосудие, система экстерриториальности в то же время открывала широчайшее поле деятельности для коммерсантов, промышленников, а также различного рода авантюристов и уголовных личностей, пользовавшихся почти полной безнаказанностью.

«Насколько я могу видеть,— писал Олькок,— а моё поле зрения довольно обширно,— ни в какой другой части мира иностранцы не пользуются бóльшей свободой от всяких досадных ограничений, установленных законом, и не имеют бóльших возможностей избежать законной кары за свои преступления и злоупотребления свободой, чем в Китае и Японии. Нет другой страны... в которой к явным нарушениям закона относились бы более снисходительно...»²

Яркими красками нарисована картина наглого, дерзкого и вызывающего поведения иностранцев в Японии в книге русского историка Венюкова. Ссылаясь на заметки французского путешественника Линдау, Венюков передаёт слова японцев: «Иностранцы не *любезные друзья*, которых нам обещали Дункер, Гаррис, Элджин и Гро; это чиновники холодные и высокомерные, купцы, заинтересованные барышом и алчные, матросы взбалмошные и грубые... Погибель, страх и страдания рождаются там, где они поставили ногу, и всё, что дорого и священо японцам, рискует погибнуть в местах, где царит злосчастное их

¹ *Dennett*, цит. соч., стр. 671.

² *Alcock*, цит. соч., т. II, стр. 25.

влияние. В собственных своих домах японцы уже больше не господа; иностранцы проникают туда когда хотят, касаются до всего, что возбуждает их нескромное любопытство, и не обращают внимания на скуку, причиняемую их присутствием. Если их принимают вежливо, они смотрят на такое обращение, как на приглашение возвратиться, и кончают тем, что мирное частное убежище превращают в публичный дом»¹. «На городских улицах Эдо и Иокогама,— с возмущением рассказывает дальше Венюков,— галопирующий во весь дух коммивояжер вовсе не думал сворачивать с дороги или сдерживать лошадь, встречая толпу пешеходов или даже торжественную процессию. В храмы заглядывали так же, как в чайные дома или в балаганы скоморохов... Местные обычаи, доказывающие патриархальность туземцев или их взаимные дружеские отношения, подвергались громким насмешкам». «Одним словом,— пишет Венюков, приводя слова побывавшего в то время в Японии Бартошевского,— редко кто из иностранцев, обитающих здесь, не купец в самом полном, самом мерзком значении этого слова»².

Японцы очень быстро смогли узнать, что представляла собой западная «цивилизация». Вот как описывает поведение иностранцев в Иокогама американский журналист Прайс: «После заключения договоров... иностранцы хлынули в маленькую рыбацью деревушку Иокогама, которая быстро превратилась в сумбурный шумный город, где можно было встретить самых худших представителей различных национальностей. Это была печальная демонстрация перед японцами прелестей западной цивилизации. Искатели наживы были справедливо названы английским послом (Олькоком.— *Д. П.*) «подонками мира». Игорные дома, питейные заведения и публичные дома процветали. Худшие представители японцев слетались в город, чтобы удовлетворить наихудшие аппетиты пришельцев. Последние находили слишком дорогим удовольствием привозить с собой жён, когда «туземные женщины» были так дешёвы»³. Наконец, для полноты картины можно привести ещё слова Олькока, участника и очевидца всех событий начала 60-х годов. «Теперь здесь,— писал он,— бóльший

¹ М. Венюков, цит. соч., ч. III, стр. 51—52.

² Там же, стр. 54, 53.

³ Price, цит. соч., стр. 99—100.

папыв беззакония и распущенности изо всех стран, чем на некоторых золотых приисках...»¹

Наглое поведение распоясавшихся иностранцев и чинимые ими беззакония не могли не вызвать возмущения среди японского населения. Сплошь и рядом это возмущение прорывалось в виде актов насилия, стихийных нападений на отдельных иностранных граждан. Основными действующими лицами в этих случаях были, как правило, самурай из княжеств Мито, Тёсю и Сацума, возглавлявших антитокугавскую оппозицию. Однако косвенно эти нападения поощрялись и самим сёгунатом. Дело в том, что бакуфу, оказавшееся после гибели Ии Наосукэ без энергичного и волевого руководителя; перешло к проведению своеобразной двойственной политики: оно продолжало заверять иностранцев в своей готовности проводить в жизнь все положения договоров и соглашений и в то же время под давлением всё усиливающихся национально-освободительных тенденций было вынуждено сделать ряд секретных заявлений о том, что собирается якобы приступить к «изгнанию варваров». Такая политика была продиктована слабостью сёгуната, которому приходилось лавировать между договорными державами и сторонниками борьбы против иностранцев.

Не удивительно, что подобные манёвры бакуфу подстёгивали наиболее решительно настроенных ронинов и самураев к выступлениям против иностранцев.

В январе 1860 г. в Эдо был убит переводчик английского консульства. Через месяц такая же участь постигла в Йокогама капитана голландского торгового судна. В октябре группа ронинов расправилась с итальянцем — служащим французского консульства в Эдо.

¹ *Alcock*, цит. соч., т. II, стр. 27. В различных японских источниках собрано много фактов, свидетельствующих о беззакониях и преступлениях, чинимых иностранцами, и в частности — американцами в Японии. В сборнике документов «Фуккоки» сообщается, например, об одном вопиющем преступлении американского матроса Раска, который 3 марта 1867 г. напился пьяным и устроил дебош в квартале публичных домов Фукухара, а по дороге на свой корабль панёс удар пожом в спину стражнику Аоки. Находившиеся на месте преступления японцы не решились задержать хулигана, а японское правительство было вынуждено ограничиться лишь просьбой разобрать это дело, которая была направлена американскому консулу в Эдо. См. «Фуккоки» (Записи периода реставрации), т. 7, Токио 1930, стр. 816—819.

14 января 1861 г. несколько самураев нанесли смертельные раны переводчику американского посольства Хьюскину. Его гибель вызвала бурную реакцию среди иностранных представителей в Эдо. По инициативе английского посла Олькока было созвано совещание всех дипломатических представителей в Японии. На нём не удалось, однако, прийти к единогласному решению о мерах репрессий против японцев. Олькок выступал за немедленный отъезд в знак протеста всех дипломатических представителей в Иокогама под защиту орудий иностранной эскадры; он настаивал также на том, чтобы потребовать от японского правительства немедленного наказания убийц и предоставления гарантий безопасности иностранцам в Эдо в будущем.

Совсем иную позицию занял американский посол Гаррис, которого, казалось бы, в большей степени, чем Олькока, задевало убийство его лучшего переводчика. На первом заседании конференции послов 19 января 1861 г. Гаррис неожиданно для его коллег заявил, что он верит в «добрую волю» японского правительства и не намерен покидать Эдо.

Это заявление было лишь одной из столь любимых Гаррисом лицемерных фраз. В действительности, как видно из протокола совещания, у американского посла были весьма веские причины не соглашаться на переезд в Иокогама. «Г. Гаррис считает, — говорилось в этом протоколе, — что этот шаг (отъезд из Эдо. — Д. П.) чреват опасностью, ибо если они уйдут отсюда, то уже не смогут вернуться»¹. Более подробно эту же мысль Гаррис развивал в своём письме Олькоку. «Уход в Иокогама с целью оказания эффективного влияния на японское правительство будет, я считаю, ошибкой. Не было ни одной статьи в американском договоре, включения которой было бы труднее добиться, чем права на пребывание дипломатических представителей США в Эдо... Это отступление иностранных представителей в Иокогама будет как раз тем, чего желает японское правительство, так как это освободит его от больших беспокойств, ответственности и расходов...»²

¹ «Correspondence Respecting Affairs in Japan», March and April 1861, London, стр. 23—24.

² Там же, стр. 43.

Гаррис заботился, следовательно, прежде всего о том, чтобы ни на йоту не ослабить давления на японское правительство и не потерять тех привилегий, которых ему удалось добиться раньше. Ясно, что не приходится и говорить о «благорасположении» Гарриса к японскому правительству: он решил оставаться в Эдо только потому, что переезд в Иокогама мог ослабить позиции США в Японии.

Но это была только одна причина той позиции, которую занял Гаррис. Вторая же причина непосредственно простекала из наличия серьёзных англо-американских противоречий. Гаррис считал, что, выступая с особой, отличной от других государств политикой, он укрепит американское влияние на правительство сёгуна.

Отказ переехать в Иокогама вместе с другими представителями договорных держав оказался, таким образом, ловким дипломатическим манёвром, который буквально привёл в бешенство английского посла Олькока, отлично знавшего цену ханжеским разглагольствованиям Гарриса о его «миролюбии» и «дружеском отношении» к японскому правительству.

«Я вынужден сказать,— подчёркивал Олькок в одном из писем Гаррису,— что обвинение Ваших коллег (т. е. представителей европейских государств.— *Д. П.*) в стремлении вызвать войну может исходить, к счастью, меньше всего от посла Соединённых Штатов, ибо он является, как я твёрдо уверен, единственным иностранным представителем, который в течение последних 18 месяцев непосредственно угрожал японскому правительству войной... Я знаю от Вас самого, как это знает ещё по крайней мере один из Ваших коллег, что во время интервью с японским министром иностранных дел несколько месяцев тому назад Вы в присутствии всех его чиновников заявили с весьма многозначительными жестами и ударениями, что если их политика не будет пересмотрена, то они вынудят США прибегнуть к войне»¹.

Позиция, занятая Гаррисом в связи с убийством Хьюскина, бросает свет на некоторые из тех методов, которые применяли представители США, пытаясь укрепить своё влияние в Японии. Этот случай знаменателен также и тем, что он был последним, когда американская

¹ «Correspondence...», стр. 49.

дипломатия ещё выступала в Японии с политикой, демонстративно отличной от политики других капиталистических государств.

Спустя несколько месяцев после убийства Хьюскина Соединённые Штаты предъявили японскому правительству требование выплатить 10 тыс. долл. компенсации¹.

Это было совершенно безосновательное требование. Достаточно отметить признания того же Гарриса, что японское правительство не может нести ответственность за убийство, явившееся результатом полнейшего нежелания самого Хьюскина считаться со сложившейся в стране обстановкой. Японское правительство, говорил Гаррис на конференции послов 19 января 1861 г., «не может предупредить такие происшествия, как убийство г. Хьюскина, который сам подверг себя опасности, выйдя из дома ночью, несмотря на неоднократные советы и предупреждения, полученные им как от правительства, так и от него (Гарриса) лично. Он (Гаррис) чувствует себя в полной безопасности, пока подчиняется правилам, соответствующим сложившимся обстоятельствам»².

Инцидент, связанный с гибелью Хьюскина, был первым случаем, когда иностранное государство в порядке наказания заставило Японию выплатить определённую сумму денег. В последующие годы этот метод ренрессий, открытый и введённый Соединёнными Штатами, широко применялся всеми договорными державами. Единственным исключением была Россия, которая никогда не участвовала в попытках США, Англии, Франции и других капиталистических государств тем или иным способом ущемить национальное достоинство японского народа.

Вскоре после гибели Хьюскина, в том же 1861 г., Гаррис был отозван из Японии. Это было связано с некоторым изменением методов американской политики на Дальнем Востоке. Накалённая атмосфера в Соединённых Штатах накануне гражданской войны отвлекала внимание и силы США от стран Азии. Американское правительство было вынуждено заниматься в первую очередь своими внутренними делами. В то же время на Востоке значительно усилилось в эти годы влияние Англии, которая после окон-

¹ См. *Киёдзава Киёси*, цит. соч., т. I, стр. 97.

² «Correspondence ...», 1861, стр. 23—24.

чания Крымской войны ринулась на захват новых рынков и колоний. В такой обстановке государственный департамент не мог и мечтать о проведении прежней политики сепаратных действий. Слишком слабы были для этого силы Соединённых Штатов на Дальнем Востоке. Но экспансионисты из госдепартамента не собирались отступать от старого агрессивного принципа американской внешней политики «Mastery of the Pacific» — «Господство на Тихом океане». Они решили лишь несколько изменить методы действий соответственно новой расстановке сил и усилить контакт с другими государствами, чтобы совместным фронтом со всеми капиталистическими хищниками заставить Японию идти всё дальше и дальше по пути уступок и капитуляции.

Американская буржуазная историография утверждает, что это было начало новой политики — так называемой «Cooperative Policy» — «Политики сотрудничества». В действительности эта политика не была новой, ибо и раньше соперничество между США и другими капиталистическими государствами не мешало им выступать совместно во всех случаях, когда дело шло о том, чтобы вырвать у Японии дальнейшие уступки. Эта политика отнюдь не означала также ликвидацию конкурентной борьбы между капиталистическими державами, как пытаются представить дело буржуазные историки. Капиталистические противоречия продолжали углубляться, и само изменение методов американской политики, о котором идёт сейчас речь, было продиктовано обострением капиталистических противоречий в бассейне Тихого океана и стремлением буржуазии Соединённых Штатов найти наилучшие способы для достижения своих целей.

По существу своему эта политика ничем не отличалась от агрессивных действий США на Востоке в середине 50-х годов XIX века. Изменилась только форма её осуществления: раньше у США был на Дальнем Востоке военный флот, и они были достаточно сильны, чтобы самостоятельно добиваться уступок от правительства Японии. Теперь то же самое американская буржуазия собиралась делать в союзе с другими европейскими капиталистическими государствами и используя их вооружённые силы. Следовательно, речь идёт не об изменении американской политики по отношению к Японии, а об изменении лишь её методов применительно к новому соотношению сил на

Дальнем Востоке. Проводя всё ту же колонизаторскую политику, Соединённые Штаты выступили инициатором сколачивания коалиции капиталистических хищников для дальнейшего наступления на Японию, для закабаления японского народа.

Естественно, что Гаррис, по указанию правительства демонстративно проводивший в течение нескольких лет политику сепаратных действий, что создало натянутые отношения с послами Англии и Франции, был явно непригоден для применения новых методов дипломатии. В связи с этим 10 июля 1861 г. он обратился к президенту с просьбой об отставке, ссылаясь в качестве благовидного предлога на плохое состояние здоровья. Эта просьба была удовлетворена президентом Линкольном.

Преемником Гарриса был назначен Роберт Прайн. Он был хорошо известен в политических и торговых кругах Нью-Йорка как личный друг нового государственного секретаря Сьюарда и ревностный сторонник его экспансионистского курса. В апреле 1862 г. новый американский посол прибыл в Японию с определёнными инструкциями действовать совместно с другими капиталистическими государствами во всех случаях, когда речь будет идти о дальнейшем закабалении Японии. «Важно сохранять дружественные и тесные отношения с представителями других западных держав в Японии, — указывал Сьюард в своей инструкции. — Вы не должны добиваться исключительных привилегий и должны совещаться с ними по всем вопросам, ибо в настоящее время совершенно необходимо, чтобы престиж западной цивилизации поддерживался в Эдо так высоко, как это только возможно».

В инструкциях Сьюарда обращает на себя внимание высказанная с циничной откровенностью уверенность государственного секретаря США в том, что сила является лучшим аргументом при переговорах с восточными народами.

Отметив, что гражданская война в США может отразиться и на американских позициях в Японии, Сьюард писал:

«Будет ли правительство Японии попрежнему испытывать чувство страха, которое является, вероятно, лучшей гарантией его доброй воли по отношению к нам? Мы уже слышали, что китайские власти, узнав о наших внутренних разногласиях, стали недооценивать нашу силу и сочили

возможным игнорировать наши права. Придётся ли нам испытать это зло и в Японии? Ваша обязанность — предотвратить его...

Они не будут относиться с уважением к правительству, которое они самонадеянно считают слабее своего, и Ваша миссия может закончиться полным провалом, который будет иметь самые серьёзные последствия. Если Вы будете помнить об этом, Вы сможете произвести такое впечатление на правительство и народ Японии, что их дружественное расположение к нам будет сохранено до тех пор, пока наши внутренние трудности не будут преодолены и мы не сможем вновь продемонстрировать нашу мощь на Востоке и подвести там прочный фундамент под нашу торговлю»¹.

Обстановка в Японии в 1862 г. оставалась столь же напряжённой, как и в 1860—1861 гг. Бакуфу всё более и более проявляло признаки растерянности перед лицом усиливающейся антисёгунской оппозиции. А тут ещё подходил срок открытия портов Хиого и Ниигата для торговли и городов Эдо и Осака — для резиденции иностранцев. Боясь, что это может вызвать новый взрыв антииностранных настроений, правительство сёгуна решило сделать попытку добиться от договорных держав согласия на отсрочку открытия портов.

С этой целью из Японии в Европу направилось большое посольство из 36 человек под официальным предлогом «подтвердить искреннее стремление его величества сёгуна к длительному миру и дружбе и выразить его горячее желание соблюдать договоры...»².

Возглавлял посольство Такэноути Симодзукэ-но kami. Его помощником был назначен Мацудайра Ивами-но kami. Им было поручено посетить Англию, Францию, Голландию, Пруссию, Россию и Португалию. 30 января 1862 г. японское посольство отплыло из Нагасаки и спустя 2 месяца, 3 апреля, благополучно прибыло в Марсель, откуда направилось в Лондон.

В Лондоне японские предложения об отсрочке открытия портов на 7—10 лет были встречены в штыки. Английское правительство, заручившееся принципиальным согласием других договорных держав, требовало открытия

¹ «37-th Congress, 3-rd Session. House of Representatives Executive Documents», v. I, Washington 1863, стр. 817—818,

² «Correspondence...», 1863, стр. 3.

портов в установленные сроки. Лишь после длительных переговоров японским представителям удалось добиться отсрочки на 5 лет. Но за это Англия вырвала у них согласие снизить тарифы на ряд импортных товаров до 5% их стоимости и отменить все ограничения в отношении внешней торговли. Здесь особенно важно было разрешение прямой торговли между иностранцами и отдельными феодальными князьями¹.

Однако отсрочка открытия портов, достигнутая ценой отказа от проведения прежней политики ограничения и некоторого регулирования внешней торговли, ни в коей мере не могла улучшить положение бакуфу и успокоить буржуазно-феодалную оппозицию. Продолжалась консолидация антисёгунских сил. Продолжались и нападения на ненавистных иностранцев и их резиденции.

26 июня 1862 г. английское посольство стало объектом нападения; при этом было убито два английских матроса, несших охрану, а сам английский поверенный в делах Нил, замещавший уехавшего в марте 1862 г. в отпуск Олькока, был страшно перепуган. Весьма знаменательно, что новый американский посол Прайн немедленно по получении сообщения об этом нападении заявил в письме

¹ Лондонское соглашение от 6 июня 1862 г. содержало следующие пункты:

а) Открытие портов Хиого и Нингата и городов Осака и Эдо, предусмотренное статьёй III англо-японского договора от 26 августа 1858 г., откладывается на 5 лет, т. е. до 1 января 1868 г.

б) В качестве компенсации за это японское правительство осуществит немедленно следующие мероприятия:

1. Отменит все ограничения на номенклатуру и количество товаров, предназначенных для внешней торговли.
2. Отменит все ограничения в отношении найма рабочих и служащих-японцев иностранными резидентами.
3. Разрешит ввоз товаров из княжеств в открытые порты и непосредственную торговлю иностранцев с представителями даймё.
4. Отменит все ограничения в отношении категорий японских купцов, имеющих право вести торговлю в открытых портах.
5. Отменит все правила, препятствующие свободному обращению иностранцев с японцами.
6. Японское посольство обязуется по возвращении в Японию рекомендовать правительству снизить пошлину на импорт стекла и стеклянных изделий до 5% от их стоимости.

в) В случае невыполнения этих условий английское правительство оставляет за собой право в любое время аннулировать соглашение об отсрочке открытия портов («Correspondence...», 1863, Inclosure 2 in No. 8, стр. 8).

Нилу о своей готовности присоединиться к любым репрессивным мероприятиям англичан. Поздравив Нила с благополучным спасением, Прайн писал:

«Я присоединюсь к Вам и Вашим коллегам в любых представлениях японскому правительству, которые сочтено будет необходимым предпринять на базе инструкций, полученных Вами от Вашего правительства, чтобы справедливо наказать преступников»¹.

Следуя примеру Соединённых Штатов, английское правительство потребовало выплаты 10 тыс. ф. ст. в качестве компенсации за нападение на посольство и убийство матросов.

Серьёзные последствия вызвало убийство английского купца Ричардсона 14 сентября 1862 г. В этот день Симадзу Хисамицу, регент малолетнего князя Сацума и фактический правитель этого сильнейшего княжества, должен был проехать близ Иокогама по пути из Эдо в Сацума. Бакуфу заранее предупредило всех иностранных представителей о дне выезда Симадзу Хисамицу: «Поскольку завтра Симадзу Хисамицу должен проследовать через это место, — говорилось в сообщении бакуфу, — а самураи княжества Сацума отличаются своей свирепостью, иностранцам ни в коем случае не следует совершать прогулки в этот день»².

Несмотря на это предупреждение, группа англичан из трёх мужчин и одной женщины отправилась на прогулку по окрестностям Иокогама. Возвращаясь обратно, они встретили на дороге кавалькаду Симадзу Хисамицу. Самураи из эскорта князя потребовали, чтобы англичане в знак уважения к князю спешились. Англичане, однако, высокомерно отказались не только отдать дань уважения князю, но и уступить ему дорогу. Наглое поведение иностранцев вызвало взрыв возмущения среди охраны Симадзу Хисамицу, которая с боевым кличем бросилась на англичан. Всем мужчинам были нанесены серьёзные ранения. Ричардсон свалился с лошади на дорогу и был убит, а его спутникам удалось добраться до Иокогама³.

¹ «38-th Congress, 1-st Session, Papers relating to Foreign Affairs», Pt. II, Washington 1864, стр. 957.

² *Сибата Сюдзо*, Нитиэй гайко римэн си (Закулисная история японо-английских отношений), Токио 1941, стр. 45.

³ В японской исторической литературе нападение на Ричардсона и его спутников известно под названием «Намамуги дзикэн» («Инцидент в Намамуги» — по названию деревушки, около которой

Узнав об этом происшествии, английское правительство дало Нилу инструкции потребовать от бакуфу выплаты компенсации в размере 100 тыс. ф. ст. и от княжества Сацума — 25 тыс. ф. ст. В конце марта 1863 г., когда в Йокогама находилось 10 военных кораблей из состава английской эскадры, Нил направил бакуфу ультиматум, настаивая на удовлетворении в течение 20 дней всех английских требований. Он пригрозил, что в случае отклонения или лишь частичного принятия этих требований, или, наконец, отсутствия ответа в течение указанного срока он передаст дело на усмотрение командующего эскадрой адмирала Купера.

Требование англичан «было подобно бомбе, разорвавшейся над головами членов бакуфу»¹. Среди них царили паника и растерянность. Они понимали, что сёгун не в состоянии наказать одного из сильнейших даймё — князя Сацума, но в то же время и отклонение требований Нила могло означать войну с Англией. «Бакуфу оказалось между двух огней, — писал Токутоми Иитиро. — С одной стороны его противником была Англия, а с другой — княжество Сацума. С одной стороны требовали выдачи преступников, а с другой — требовали не выдавать их.

произошло это нападение). Подробно об этом происшествии писал *Осадакэ Такэси* в цит. соч., стр. 393—437; см. также *Токутоми Иитиро*, цит. соч., т. 50, стр. 5—43; *Киёдзавэ Киёси*, цит. соч., стр. 100—103; *Сибата Сюдзо*, цит. соч., стр. 51 и т. п.

Официальную английскую версию этого происшествия см. в донесении Нила Расселю от 15 сентября 1862 г. («Correspondence...», 1863, стр. 73—74).

Следует особенно подчеркнуть, что, как доказывают на большом фактическом материале японские историки, англичане фактически спровоцировали нападение, грубо нарушив японские обычаи. Это признавал также и американский посол в Японии Прайн. В депеше государственному секретарю Сьюарду он высказывал предположение, что англичане, возможно, не были виноваты, но тут же оговаривался: «Однако известно, что незадолго до нападения г. Маршан воскликнул: «Ради бога, Ричардсон, не впутывайте нас в беду!». На что Ричардсон ответил: «Оставьте меня; я прожил в Китае 14 лет и знаю, как обращаться с этим народом». Предполагают, что лошадь одного из участников прогулки втиснулась между наримоно (паланкин. — *Д. П.*), в котором сидел каро, или секретарь князя Сацума, и самураями, которые шли сбоку в качестве охраны. Это считается оскорблением, за которое, по их обычаям, можно убить любого японца» («38-th Congress, 1-st Session, Papers...», Pt. II, W. 1864, стр. 981—982).

¹ *Токутоми Иитиро*, цит. соч., т. 50, стр. 19.

Единственным средством для бакуфу мирно уладить это дело была выплата требуемой Англией компенсации»¹.

Заявив о своей готовности в принципе внести требуемую сумму компенсации, бакуфу в то же время решило оттянуть насколько возможно срок выплаты денег и обратилось к Нилу с просьбой об отсрочке. В тот же день американский и французский послы получили от японского правительства официальное заявление с просьбой о посредничестве.

Позиция, которую занял в этом вопросе американский посол Прайн, непосредственно вытекала из инструкций государственного секретаря о совместных действиях с европейскими капиталистическими державами во всех случаях, когда речь шла о дальнейшем расширении прав и привилегий иностранцев в Японии. Прайн решил полностью поддержать английские требования². Оказывая нажим на бакуфу, американский посол запугивал его возможностью открытия военных действий. «Он доказывал бакуфу, — писал японский историк Кийэзава Кийёси, — что война с Англией принесёт много жертв и что необходимо удовлетворить английские требования»³. Прайн, таким образом, одновременно и поддерживал Англию, выполняя инструкцию Сьюарда, и делал попытку встать в позу «защитника» интересов Японии, наживая на этом определённый политический капитал.

После отклонения англичанами просьбы бакуфу об отсрочке уплаты компенсации японцы были вынуждены полностью удовлетворить английские требования. 14 июня 1863 г. представители японского правительства Кикути

¹ *Токутоми Итиро*, цит. соч., т. 50, стр. 10.

² Признавая, что требования Англии чрезмерны и малообоснованы, Прайн тем не менее считал своим долгом поддержать новые претензии к японцам; его нимало не беспокоило то, что подобная позиция находилась в вопиющем противоречии с элементарной справедливостью.

«Я чувствовал с самого начала, — писал Прайн государственному секретарю, — что политика английского правительства была в высшей степени экстраординарной. Никто не может отрицать, что сентябрьское происшествие, как бы ни было оно прискорбно, было всё же чисто случайным. Вполне допустимо, что при аналогичных обстоятельствах был бы убит и японец...

И всё же я категорически настаивал на удовлетворении английских требований, хотя я относился к ним с таким чувством, которое я не могу выразить» («38-th Congress, 1-st Session, Papers...», Pt. II, W. 1864, стр. 996—997).

³ *Кийэзава Кийёси*, цит. соч., стр. 106.

Иё-но камии и Сибата Садатаро заключили с английскими представителями соглашение о выплате 100 тыс. ф. ст. за убийство Ричардсона и 10 тыс. ф. ст. — за убийство двух матросов во время совершённого ранее нападения на английское посольство. 24 июня вся требуемая сумма в 110 тыс. ф. ст. была выплачена англичанам в мексиканских долларах.

Неудача, которая постигла посольство, направленное в Европу, и политика репрессий, проводившаяся представителями договорных держав в Японии, показали правительству сёгуна всю эфемерность его надежд на какие-либо добровольные уступки со стороны иностранцев. Бакуфу стало ясно, что оно может получить помощь от капиталистических держав для борьбы со своими противниками лишь в случае предоставления им новых льгот и привилегий, а это дало бы в руки оппозиционного блока новое оружие для антисёгунской пропаганды.

Учитывая шаткость своих позиций, сёгунат решил пойти на компромисс с буржуазно-феодальной оппозицией, удовлетворив некоторые её требования. Во временном соглашении были заинтересованы и представители антитокугавского блока, ибо всё шире развёртывающаяся борьба крестьянства и городского плебса против гнёта феодалов и ростовщиков одинаково пугала оба враждовавших между собой лагеря. Борьба за власть отступила временно на задний план перед лицом охвативших всю страну мощных восстаний беднейших слоёв населения.

Второй причиной заключения временного соглашения между сёгуном и оппозиционным буржуазно-феодальным блоком была относительная слабость обеих группировок. Экономическая разруха, развал финансовой системы, разложение государственного аппарата — всё это было проявлением глубочайшего кризиса сёгуната, который уже был не в состоянии силой подавить оппозицию. С другой стороны, силы оппозиции, группировавшейся вокруг императорского двора в Киото, ещё не были настолько велики, чтобы она могла поставить вопрос о свержении сёгуната и захвате власти.

Первым практическим шагом на пути осуществления политики временного соглашения между сёгуном и оппозиционным блоком, известной под названием «кобугаттай» — «единство бакуфу и императорского двора», была женитьба пятнадцатилетнего сёгуна на принцессе из

императорского дома в 1862 г. Одновременно бакуфу издало указ об амнистии всех тех, кого в 1858 г. арестовал Ии Наосукэ.

Вскоре в связи с вступлением в Киото крупного отряда из 1 тыс. самураев — вассалов одного из самых могущественных лидеров оппозиции, князя Сацума, правительство сёгуна было вынуждено пойти на удовлетворение ряда новых требований своих противников. 17 октября 1862 г. оно отменило ряд стеснительных для феодалов правил, введённых ещё в начале сёгуната Токугава. Так, в частности, впредь такие крупные феодалы, как князья Кага, Сацума, Сэндай, Тоса и др., должны были являться в Эдо только на 100 дней раз в три года, а не жить здесь через год, как это практиковалось более 200 лет. Даймё получали также право оставлять своих жён и детей при поездках в Эдо у себя в княжествах. Это означало отмену всей системы политического заложничества, которая долгое время была в руках сёгуната Токугава мощным орудием контроля над феодалами. Все эти мероприятия были лишним свидетельством резкого падения силы и власти сёгуната.

Продолжая осуществление политики «кобугаттай», сёгун Иэмоти сделал ещё один шаг для демонстрации своего «примирения» с императором: 21 апреля 1863 г. он сам лично прибыл в Киото. Это было первое с 1634 г. посещение сёгуном столицы императора.

Старые, прожжённые политики из бакуфу отлично понимали, что поездка сёгуна в Киото будет расценена феодалами как его отказ от верховной власти и признание себя вассалом императора. Но они считали, что всё же следует пойти на это, чтобы спасти главное — удержать в своих руках всю исполнительную власть в стране.

На практике, однако, вышло иначе. Антисёгунская оппозиция решила использовать пребывание сёгуна в Киото для того, чтобы заставить его изменить политический курс и, в частности, в области внешней политики вернуться к старой системе изоляции. Сёгун был вынужден дать обещание приступить к «изгнанию варваров». Однако ни он, ни его советники не думали, конечно, о проведении его в жизнь: они лучше, чем кто-либо другой, знали о готовности капиталистических держав в любой момент открыть военные действия, и им не было никакого

ысла выступать против иностранных держав, от которых они рассчитывали получить существенную поддержку хотя бы ценой предательства национальных интересов страны. Обещание начать борьбу с иностранцами было результатом лавирования, результатом двойственной политики бакуфу, стремившегося во что бы то ни стало сохранить власть в своих руках.

5 июня 1863 г. сёгун сообщил феодальным князьям, что 25 июня текущего года назначается днём начала борьбы за «изгнание варваров»¹. Затем последовало приказание всем даймё подготовить для этого вооружённые силы соответственно доходу княжества.

Только накануне назначенного срока — 24 июня 1863 г. сёгун смог, наконец, вырваться из Киото, где ему пришлось прбыть не 10 дней, как предполагалось первоначально, а более трёх месяцев. В этот же день в Эдо представители бакуфу выплатили англичанам всю сумму компенсации за убийство Ричардсона. А на следующее утро иностранные дипломатические представители получили от члена правительства Огасавара Нагамити послание, в котором говорилось:

«Имею честь довести до Вашего сведения следующее:

Мне было поручено его величеством сёгуном, находящимся ныне в столице и получившим соответствующий приказ от тэнно (императора. — *Д. П.*), закрыть открытые порты и изгнать оттуда иностранцев, так как наша страна не желает больше иметь какие-либо сношения с иностранными государствами»².

Приняв за чистую монету соглашение между сёгуном и оппозицией относительно «изгнания варваров», княжество Тёсю одним из первых сделало попытку воспрепятствовать иностранной торговле. 26 июня 1863 г. береговые орудия японцев обстреляли американский пароход «Пэмброк», не пропустив его через Симоносэцкий пролив, побережье которого составляло часть территории княжества Тёсю.

¹ «Под давлением Киото, — писал Киёдзава Киёси, — бакуфу объявило о начале с 25 июня борьбы за изгнание иностранцев. Но хотя бакуфу и приняло такое решение, оно и не думало серьёзно о том, что возможно его проведение в жизнь» (*Киёдзава Киёси*, цит. соч., стр. 118).

² *Иноба Сигэо*, Мэйдзи исин си (История революции Мэйдзи), Токио 1929, стр. 123.

Спустя две недели, 8 июля 1863 г., в тех же местах обстрелу подверглось французское посыльное судно «Киенчан». 11 июля здесь же, в Симоносэкском проливе, был обстрелян голландский корвет «Медуза», которому были нанесены тяжёлые повреждения. В него попало более 30 снарядов; три из них разорвались на палубе и убили четырёх матросов; пять человек было ранено. «Медуза» в свою очередь нанесла ущерб городу Симоносэки, по которому вела огонь из своих 16 орудий.

Прорвавшись через пролив, «Медуза» принесла в Иокогама известие об обстреле «Пэмброка».

Этот инцидент немедленно был использован правительством Соединённых Штатов, чтобы ещё больше укрепить свои позиции в Японии. На этот раз Соединённые Штаты осуществили угрозы Перри и Гарриса и не остановились перед открытием огня и бомбардировкой мирных японских селений.

Для проведения вооружённой санкции правительство США предоставило в распоряжение своего посла в Японии Прайна прибывший в Японию военный шлюп «Вёминг».

Взяв на борт в качестве переводчиков двух японских купцов, «Вёминг» 13 июля 1863 г. направился по приказу Прайна к Симоносэкскому проливу и ночью 16 июля бросил якорь около острова Химэсима. На рассвете, заметив два парусника и пароход княжества Тёсю, стоявшие на якоре у берега, командир «Вёминга» Макдугал отдал приказ открыть по ним огонь из орудий обоих бортов. Японцы отвечали из своих старых малокалиберных пушек. Бой продолжался 1 час 10 минут. «Вёминг» сосредоточил сначала весь огонь на японском пароходе «Косинмару», но потом, когда к нему на выручку подошло парусное судно «Дзиндзюцумару», американцам пришлось сделать попытку ретироваться. Однако здесь их постигла неудача. Макдугал, не зная глубин пролива, посадил «Вёминг» на мель, предоставив прекрасную возможность японцам стрелять по неподвижной цели. С большим трудом «Вёмингу» удалось сняться с мели и выйти в открытое море. «Косинмару» и парусник «Кигаимару» бросились за ним в погоню, но вскоре «Косинмару» затонул из-за полученных во время боя повреждений, а другой корабль был вынужден повернуть обратно.

В результате этого первого в истории японо-американских отношений морского боя между американским и

японскими судами обе стороны понесли значительные потери. 11 японских снарядов попало в корпус «Вёминга», и 20—30 снарядов — в мачту, реи и трубу. Всего потери американцев составляли 11 человек: 7 раненых, из которых один вскоре умер, и 4 убитых. Княжество Тёсю потеряло одно судно, несколько береговых орудий и 10—15 человек убитыми и ранеными.

Так закончилась эта карательная экспедиция, которая вписала ещё одну бесславную страницу в историю американской экспансии в Японии. Это был первый случай вооружённых репрессий, применённых иностранцами против японцев. И далеко не случайно огонь открыли пушки американского корабля. Это было закономерным продолжением той агрессивной политики, которую проводили Соединённые Штаты в Японии в середине XIX века. Перри грозил открыть военные действия в 1854 г., когда он вёл переговоры о подписании Канагавского договора; Гаррис бряцал оружием в 1858 г., заставляя японцев подписать неравноправный, кабальный торговый договор; а теперь, в 1863 г., Прайн перешёл от угроз к военным действиям, чтобы отстоять вырванные раньше у Японии уступки и добиться дальнейшего расширения «прав» американских колонизаторов.

Действия Макдугала были полностью одобрены правительством США. Спустя 20 лет, в 1883 г., конгресс США счёл необходимым особо отметить годовщину бомбардировки японских поселений и выдать денежное вознаграждение бывшим офицерам и матросам «Вёминга» «за их исключительно важные, самоотверженные и достойные награды действия по уничтожению вражеских кораблей в проливе Симоносэки»¹. Имя Макдугала было, наконец, присвоено уже в XX веке одному из крупных эсминцев американского военно-морского флота, который в 1941 г. принял участие в боях с японцами. Так американский империализм чтит память тех, кто огнём и мечом пытался превратить Японию в колонию Соединённых Штатов.

Через несколько дней после экспедиции «Вёминга», 19 июля 1863 г., французский посол по примеру своего американского коллеги направил в Симоносэжский пролив два военных корабля — «Семирамис» и «Танкрид». Командиры этих кораблей были достаточно осторожны:

¹ См. *Falk*, цит. соч., стр. 53.

они стали на якорь за пределами досягаемости японских орудий и с дальней дистанции вели огонь по японским фортам из своих парезных дальнобойных орудий. Когда береговые батареи были разрушены, французский отряд высадился на берег и завершил уничтожение фортов.

Большую карательную экспедицию провёл также английский флот. Предлогом для организации экспедиции в район города Кагосима послужило требование выплаты князем Сацума 25 тыс. ф. ст. компенсации за убийство купца Ричардсона.

11 августа 1863 г. большая английская эскадра из 7 кораблей вошла в залив Кагосима. На следующий день на флагманский корабль, где находился английский поверенный в делах Нил, прибыли японские представители, которые попытались разрешить спор мирным путём и предложили англичанам приступить к переговорам. Нил, однако, наотрез отклонил это предложение, категорически потребовав от японцев немедленного и безоговорочного удовлетворения всех предъявленных им требований.

Вечером 13 августа Нилу был передан ответ японцев, составленный в весьма умеренном духе и вновь предлагавший устранить разногласия путём переговоров. Однако английский посол, явно стремясь к открытию военных действий, объявил этот ответ неудовлетворительным и, как он писал в донесении английскому министру иностранных дел Расселю, отдал приказ командующему английской эскадрой адмиралу Куперу перейти к репрессивным мерам.

Купер немедленно приступил к выполнению этого приказа. 15 августа англичане захватили три японских парохода, стоявших на якоре выше по заливу, в районе Сигэтоми, и потопили их.

Варварское уничтожение пароходов не удовлетворило Купера. Он приказал начать бомбардировку береговых батарей японцев, а заодно и города Кагосима. Лёгкие жилища японцев быстро были охвачены огнём. Только разыгравшийся к вечеру шторм вынудил англичан прекратить обстрел. С самодовольным видом варвар-колонизатора Купер сообщал Нилу, что «половина города была объята пламенем и полностью уничтожена; были уничтожены также очень большой арсенал или фабрика, нушечный двор и пять больших джонок с

островов Рюкю, являвшихся собственностью князя Сацума...»¹.

На следующее утро английская эскадра начала переход на новую стоянку, возобновив попутно обстрел Кагосима.

«Мы воспользовались этим, — сообщал Купер, — чтобы обстрелять батареи, расположенные на Сакура-дзима, которые раньше не участвовали в деле, и дворец князя в Кагосима. Эти операции сопровождались полнейшим успехом: есть все основания предполагать, что дворец был разрушен, так как были видны разрывы в нём крупных снарядов; огонь, который всё ещё бушует, даёт веские основания быть уверенным в том, что весь город Кагосима представляет сейчас груды развалин»².

В результате этой карательной экспедиции княжеству Сацума был нанесён большой урон. Оно потеряло 3 парохода общей стоимостью в 305 тыс. долл. Кроме того, англичанами были потоплены джонки, сожжён арсенал и разрушена значительная часть города Кагосима, где сгорело более 500 домов. От бомбардировки пострадало также много мирных жителей³.

Английское правительство полностью одобрило варварскую бомбардировку мирного японского города Кагосима. Министр иностранных дел Великобритании Рассель в депеше Куперу объявил ему особую благодарность и сообщил, что «её величество выразит через соответствующий департамент своё восхищение отвагой её моряков...»⁴.

Так капиталистические хищники — США, Англия и Франция с помощью оружия отстаивали своё «право» беспрепятственно грабить Японию.

Чтобы ещё больше усилить нажим на японское правительство, представители этих держав в Японии договорились «объединить все имеющиеся военные и военноморские силы, чтобы открыть Симоносэцкий пролив...»⁵.

¹ «Correspondence...», 1864, стр. 96—97.

² Там же.

³ Английский представитель в Японии Нил утверждал, что в результате бомбардировки Кагосима было убито, ранено или пострадало от ожогов 1 500 человек. Эта цифра, возможно, несколько преувеличена. Нил считал также, что ущерб, нанесённый княжеству Сацума, исчисляется в 1 млн. ф. ст. Эта сумма в 40 раз превышала требуемую англичанами компенсацию за убийство Ричардсона (см. «Correspondence...», 1864, стр. 117).

⁴ «Correspondence...», 1864, стр. 100—101.

⁵ Там же, стр. 88—89.

Опираясь на соглашение о совместных действиях с другими иностранными державами в Японии, американский посол Прайн счёл своевременным, выполняя инструкции государственного департамента, потребовать от японского правительства выплаты компенсации за убытки, понесённые Соединёнными Штатами и их гражданами в Японии. Он настаивал на уплате 20 тыс. долл. за нападения на американцев в Иокогама ¹ и 2 тыс. долл.— за высылку с Бонинских островов американца Хортон, которого поселил там в 1854 г. коммодор Перри. Наконец, Прайн счёл весьма удобным присовокупить сюда ещё и требование о выплате ему лично 10 тыс. долл. за имущество, сгоревшее во время пожара американского посольства в мае 1863 г. ² Таким образом, Прайн потребовал от японцев 32 тыс. долл. Эта сумма в несколько раз превышала сумму действительно понесённых американцами убытков.

Прайн заявил японцам, что в случае отклонения этих требований он не остановится перед новым применением вооружённой силы. «Указанная сумма в 32 тыс. долл.,— писал Прайн членам японского правительства,— должна быть выплачена в течение 30 дней, считая с сегодняшнего дня. В противном случае я сочту себя вправе предъявить такие дополнительные требования, какие окажутся необходимыми в связи с новыми инструкциями или ходом событий. Я получил инструкции использовать находящиеся в моём распоряжении военно-морские силы Соединённых Штатов для защиты себя лично, посольства и моих соотечественников при любых обстоятельствах. Мне поручено сообщить также правительству его вели-

¹ Прайн писал Сьюарду, что ему известны три случая нападения на американцев в Иокогама: в мае 1863 г. слуги потребовали от американского купца Сойера регулярной выплаты жалования по контракту; затем американец Стирас подвергся нападению слуг у себя в доме и был сильно избит; наконец, пеккий Робертсон был схвачен японцами дома и выброшен в болото около Иокогама, откуда его спасли подоспевшие американские и английские солдаты. Сам Прайн пишет далее, что все эти факты нуждаются в проверке и что, кроме них, ему ничего не известно о нападениях на американцев («38-th Congress, 1-st Session, Papers...», Pt. II, W. 1864, стр. 1010).

² Несколько раньше в письме Сьюарду Прайн оценивал свои убытки всего в 6 тыс. долл. («38-th Congress, 1-st Session, Papers...», Pt. II, W. 1864, стр. 1028).

чества Тайкуна, что Соединённые Штаты пошлют, если сочтут необходимым, дополнительные силы для поддержки вышеизложенных требований»¹.

Бакуфу сделало попытку несколько сократить объём претензий американского посла. Оно с полным основанием заявило, например, что требование об уплате 10 тыс. долл. за сгоревшее во время пожара имущество неправомерно, так как не доказан сам факт поджога². Японское правительство не может нести, следовательно, за это никакой ответственности. Более того, если оно выплатит требуемую сумму, то тем самым фактически возьмёт на себя всю ответственность за этот пожар. «Если бы теперь мы уплатили, согласно Вашему требованию, деньги в качестве компенсации за убытки во время пожара, — писали японцы, — то это было бы сочтено за доказательство того, что Ваши подозрения справедливы и основаны на действительных событиях. Это покрыло бы позором наше правительство, и поэтому совершенно невозможно согласиться с Вашими требованиями, как бы Вы ни настаивали на их удовлетворении»³.

Однако Прайн не желал и слушать о сокращении суммы компенсации. Применяя излюбленный метод американской дипломатии, он вновь пригрозил применением оружия. В конечном счёте бакуфу было вынуждено ещё раз пойти на уступку и согласиться выплатить требуемую компенсацию.

Одновременно с переговорами о выплате возмещения за убытки Прайн поставил вопрос о пересмотре тарифов на импортируемые в Японию из США товары. Это новое требование было непосредственно связано с изменением структуры американской внешней торговли, которое

¹ «38-th Congress, 2-nd Session, Papers...», Pt. III, W. 1865, стр. 472.

² У Прайна не было никаких оснований говорить о поджоге, кроме его собственных, ни на чём не основанных подозрений. Направляя Нилу, английскому поверенному в делах, сообщение о пожаре, он сам признавал, что «пожар начался в кухне и быстро охватил весь дом». «У меня не было желания приписывать уничтожение посольства злему умыслу, — писал далее Прайн. — У меня нет также никаких оснований для подобного рода утверждений, кроме страстного, постоянно высказываемого (японскими представителями. — Д. П.) желания, чтобы я прекратил своё пребывание в этом городе» («Correspondence...», 1864, стр. 62).

³ «38-th Congress, 2-nd Session, Papers...», Pt. III, Washington 1865, стр. 476.

произошло в результате сильного развития металлообрабатывающей и машиностроительной промышленности в США в 60-х годах XIX века. Поскольку в американском экспорте увеличилась доля продукции этих отраслей промышленности, старые тарифы, установленные договором 1858 г., стали уже помехой на пути дальнейшего развития торговой экспансии США в Японии. Поэтому Прайн настоял на снижении пошлин на импортируемые в Японию из США машины, металлоизделия, железо в слитках, листах и полосах, стекло и стеклянные изделия, часы и другие товары с 20 до 5% их стоимости. Соответствующая конвенция была подписана Прайном и представителем японского правительства Сибата Садатаро 28 января 1864 г.

Вырвав у Японии столь серьёзную уступку, США сочли возможным согласиться на просьбу японского правительства об отсрочке открытия портов и городов Хиого, Ниигата, Эдо и Осака на 5 лет, считая с 1 января 1863 г. В связи с этим Прайн писал Сьюарду, что он считает эту сделку весьма выгодной, так как снижение импортных тарифов носит постоянный характер, а открытие портов откладывается всего на 5 лет.

Всё новые и новые уступки, на которые шло японское правительство под огнём орудий иностранных кораблей, не могли уже удовлетворить ненасытные аппетиты колонизаторов, мечтавших о полном закабалении Японии. Они решили провести новую карательную экспедицию против японцев, чтобы задуть всякие попытки стихийных выступлений против иноземцев-завоевателей и полностью подчинить Японию своему диктату.

28 августа 1864 г. мощная объединённая эскадра двинулась к проливу Симоносэки, где было отмечено несколько случаев обстрела иностранных судов японскими береговыми батареями, принадлежавшими княжеству Тёсю. Более половины эскадры — 9 кораблей со 185 орудиями принадлежали Англии. От Франции в состав эскадры вошло 3 корабля с 49 орудиями, а от Голландии — 4 корабля с 56 орудиями. В связи с гражданской войной в Соединённых Штатах в распоряжении американского посла в Японии не было ни одного военного корабля, не считая старого парусного шлюпа «Джеймстаун». Однако Прайн считал своим долгом хотя бы формально принять участие в экспедиции и отдал приказание перевести часть

моряков с «Джеймстауна» на зафрахтованный американцами торговый пароход «Такианг», на котором было также установлено несколько небольших орудий.

Всего в эскадре насчитывалось, таким образом, 17 кораблей с экипажем в 5 014 человек. 290 орудий были готовы обрушить ядра на японские селения.

5 сентября 1864 г. эта мощная эскадра в течение трёх часов обстреливала побережье княжества Тёсю в районе Симоносэцкого пролива. Бомбардировка продолжалась ещё два дня — 6 и 7 сентября. После артиллерийской подготовки на берег высадился сводный отряд морской пехоты, который не встретил серьёзного сопротивления со стороны Тёсю и захватил в качестве трофеев 62 орудия¹.

Во всех операциях активное участие принимали американские моряки. Отмечая их «заслуги», английский адмирал Купер, командовавший объединённой эскадрой, счёл своим долгом выразить благодарность командиру «Такианга» за «готовность, с которой он во всех случаях стремился выполнить мои желания»².

По возвращении эскадры в Иокогама между иностранными послами и представителями бакуфу начались переговоры, которые завершились 22 октября 1864 г. подписанием конвенции. По этому соглашению признавалась полная свобода прохода иностранных судов через Симоносэцкий пролив, разрешалось их снабжение углем и продовольствием, а князю Тёсю запрещалось строительство укреплений вдоль берегов пролива. Кроме того, бакуфу обязывалось выплатить очень большую сумму — 3 млн. долл. компенсации в 6 поквартальных взносов.

Стремясь расширить свои права в Японии, четыре участвовавших в экспедиции государства заявили, что сумма контрибуции может быть снижена, если японское правительство согласится открыть порт Симоносэки или какой-нибудь другой порт в Японском внутреннем море. Бакуфу, однако, отклонило это предложение, боясь, что

¹ Потери сторон составили: у Тёсю было убито 14 и ранено 27 человек, у Франции убитых не было, а ранено было 4 человека, у Англии было убито 8 и ранено 51 человек, у США соответственно 6 и 4, у Голландии — 4 и 5 человек (*Сибата Сюндзо*, цит. соч., стр. 66—67).

² «Correspondence...», 1865, стр. 99—103.

открытие порта на территории княжеств, возглавлявших антисёгунскую оппозицию, даст им возможность установить непосредственный контакт с иностранцами.

Правительство США полностью одобрило поведение Прайна, точно выполнившего полученные им инструкции. Оно заявило, что Прайн поступил правильно, приняв участие в репрессиях за попытки помешать американской торговле. Здесь, в Японии, американская «демократия» ещё раз показала своё истинное лицо.

Из общей суммы контрибуции на долю Соединённых Штатов досталось 785 тыс. долл., что почти в 25 раз превышало требования, предъявленные ранее Прайном (32 тыс. долл.), и было в 39 раз больше действительной суммы убытков, понесённых, по официальным американским данным, США и их гражданами в Японии (19 929 долл.)¹.

Репрессии, с которыми Соединённые Штаты, Англия, Франция и Голландия обрушились в 1859—1864 гг. на Японию, были неотъемлемой составной частью агрессивной политики капиталистических держав, стремившихся к новым колониальным захватам. В течение всего этого пятилетия Соединённые Штаты не только выступали активными участниками, но были также в ряде случаев инициаторами и вдохновителями вооружённой интервенции, рассчитанной на то, чтобы сломить всякое сопротивление Японии широкому проникновению иностранного капитала. Прикрываясь лицемерной маской «демократизма», «миролюбия» и «участия» к судьбе азиатских народов, американский капитал на деле проводил в Японии такую же колонизаторскую политику, какую проводили на Востоке старые капиталистические государства Европы в течение всего XIX века.

¹ Контрибуция была распределена следующим образом: США, Франция и Голландия получили по 140 тыс. долл. в качестве возмещения за убытки, понесённые в результате обстрела их кораблей в проливе Симоносэки. Остальные 2 млн. 580 тыс. долл. (3 млн.— (140 тыс. × 3)=2 580 тыс.) были поровну поделены между США, Англией, Францией и Голландией.

Англия получила, таким образом, 645 тыс. долл. (2 580 тыс. : 4=645 тыс.), хотя ни один её корабль не был обстрелян в проливе Симоносэки.

Что касается Соединённых Штатов, то на их долю пришлось 140 тыс.+ 645 тыс.=785 тыс. («39-th Congress, 2-nd Session, Papers...», v. 2, W. 1867, стр. 224).

3. БОРЬБА США, АНГЛИИ И ФРАНЦИИ
ЗА ГОСПОДСТВО В ЯПОНИИ НАКАНУНЕ
И ВО ВРЕМЯ БУРЖУАЗНОЙ РЕВОЛЮЦИИ
(1865—1868 гг.)

Жестокие бомбардировки Кагосима (княжество Сацума) и Симоносэки (княжество Тёсю) иностранным флотом оказали серьёзное влияние на деятельность антисёгунской оппозиции. Разгром, который потерпели феодальные князья Сацума и Тёсю, обострил борьбу различных политических группировок внутри этих княжеств. Наиболее реакционные круги самурайства, требовавшие возврата к старой системе изоляционизма и строившие планы укрепления феодального строя путём свержения сёгуната, потеряли свои позиции. Зато значительно укрепилось положение тех групп самурайства, которые были тесно связаны с нарождавшейся промышленной буржуазией. Именно они служили проводниками буржуазного влияния на руководство княжеств. Представители этих влиятельных групп самурайства, занявшие посты советников при феодальных князьях Сацума и Тёсю, доказывали, что на данном этапе борьбы за власть в стране выступления против иностранцев нанесут вред антитокугавскому движению, ибо будут толкать иностранные государства на союз с бакуфу. Это укрепит позиции сёгуната и в то же время лишит антисёгунский лагерь всякой возможности получить поддержку извне. Они убеждали князей Тёсю и Сацума, что помощь оружием и деньгами со стороны иностранных государств послужит для них серьёзной поддержкой в борьбе за свержение власти дома Токугава.

Укрепление влияния групп так называемого «молодого» самурайства, выражавшего интересы буржуазии, ускорило консолидацию сил антитокугавского блока четырёх юго-западных княжеств — Тёсю, Сацума, Тоса и Хидзэн. Эти княжества, занимавшие выгодное географическое положение, были значительно более развиты в экономическом отношении, чем княжества центральной и тем более — северной Японии. В них значительную роль играла торгово-промышленная буржуазия. Несмотря на запрещение сёгуната, она поддерживала нелегальные связи с Китаем и жадно впитывала поступающие через него сведения о положении в основных капиталисти-

ческих странах мира. Стремясь расширить свои политические права, буржуазия принимала активное участие в борьбе против сёгуната. Она снабжала деньгами руководство княжеств, что позволяло ей оказывать значительное влияние на их политику.

Немаловажное значение имела для антитокугавского блока и поддержка со стороны некоторых банкирских домов, включая дом Мицуи. Видя силу противников сёгуната и рассчитывая на их победу, финансисты готовы были оказать материальную помощь оппозиционному блоку.

Наконец, антитокугавский буржуазно-феодальный блок широко использовал в своих интересах крестьянские восстания, которые приобрели необыкновенный размах во второй половине 60-х годов и наносили сокрушительные удары по сёгунату. Пользуясь тем, что революционное движение миллионов крестьян отвлекало силы сёгуната и заставляло его расплыть свою армию, антисёгунская оппозиция готовилась со дня на день перейти в решительное наступление.

Назревание революционного взрыва в Японии происходило в обстановке всё более усиливающегося нажима со стороны иностранных капиталистических государств, стремившихся расширить кабальные договоры 50-х годов и навязать японскому правительству новые требования, ещё более ущемляющие интересы японского народа. Вместе с тем позиции, которые заняли Франция, Англия и США в назревавшем открытом конфликте между сёгунатом и антитокугавским блоком, явились ярким выражением конкурентной борьбы этих капиталистических хищников за захват ведущих позиций в экономической и политической жизни Японии.

На первых порах наиболее активно выступила в защиту феодального режима Франция. Она рассчитывала сыграть на тяжёлом положении сёгуната и вырвать у него ряд уступок в обмен на обещания помощи. Оказать сёгунату поддержку в борьбе с оппозиционным блоком и получить за это от него дополнительные привилегии — вот в чём заключалась сущность французской политики в Японии в 60-е годы. В определении позиции Франции, как, впрочем, и других договорных держав, важную роль сыграл также страх перед широким народным движением. Французские представители, знавшие о гигантском размахе тайпинского движения в Китае, считали

одной из основных своих задач ни в коем случае не допустить подобных событий в Японии.

Ещё задолго до карательной экспедиции объединённого флота иностранных держав в районе Симоносэки французский посол предложил японскому правительству направить в Париж специальное посольство. Официальной целью посольства было принесение извинений в связи с убийством в октябре 1863 г. в Икокогама французского лейтенанта Камуса. Фактически же имелось в виду использовать пребывание японской миссии в Париже для установления непосредственного контакта между французским правительством и представителями Японии.

Сёгунат решил положительно отнестись к этому предложению, чтобы использовать его для переговоров в Париже по поводу закрытия порта Икокогама и отсрочки открытия других портов. Имелось в виду также обеспечить себе французскую помощь в борьбе с антисёгунским лагерем.

18 апреля 1864 г. японское посольство во главе с Икэда Тикуго-но ками, Кавадзу Идзу-но ками и Кавада Сагами-но ками прибыло в Париж. Ему был устроен пышный приём, но французское правительство категорически отклонило все просьбы японцев о закрытии Икокогама и об отсрочке открытия портов¹. 20 апреля 1864 г. между японскими представителями и Францией было подписано соглашение, согласно которому Япония должна была выплатить 140 тыс. долл. компенсации за повреждение французских кораблей в проливе Симоносэки. Статья 2 этого соглашения обязывала японское правительство в течение трёх месяцев обеспечить открытие Симоносэцкого пролива, «прибегнув, если это окажется необходимым, к силе и действуя в случае нужды в контакте с командующим французским военно-морским отрядом». В статье 3 говорилось, что Япония согласится снизить до 5% импортные тарифы на вино, сахар, железо, машины и механизмы и до 6% — на зеркала, бинокли, вооружение, драгоценные камни, бумагу и т. п. Послед-

¹ На этот счёт заранее было достигнуто соглашение между Англией, Францией, США и Голландией, инициатором которого выступил английский министр иностранных дел Рассель. Он разослал правительствам договорных держав ноту, в которой указывал, что отсрочка в открытии портов, по его мнению, несвоевременна; правительства всех указанных стран согласились с этим (см. «Correspondence...», 1865, стр. 12).

няя, 4-я статья соглашения устаивавливала, что оно является неотъемлемой частью японо-французского договора от 9 октября 1858 г.¹

Таким образом, японскому посольству не только не удалось добиться согласия Франции на отсрочку открытия портов и закрытие Иокогама, но и пришлось пойти на принятие ряда весьма тяжёлых условий. Это соглашение содержало зато один очень важный для правительства сёгуна пункт о контакте с французскими вооружёнными силами, что можно было толковать как обязательство Франции оказать сёгунату помощь в его борьбе с оппозицией, в частности с княжеством Тёсю.

Хотя эта конвенция и не была ратифицирована японским правительством, Франция в последующие годы оказывала бакуфу серьёзную помощь. Французские фирмы по заказу сёгуна приступили к строительству двух металлургических заводов — в Иокогама и Иокосука. В японскую армию были приглашены французские инструкторы, которые обучали солдат обращению с новейшими системами оружия и европейской тактике боя. Во Франции были размещены заказы на постройку нескольких кораблей, в числе которых было два военных судна, и т. п. В эти годы значительно выросло политическое влияние Франции и расширились её экономические связи с Японией. Так, в 1863 г. на её долю падало всего 1,8% экспорта и 1,3% импорта через Иокогама, а в 1865 г. французский экспорт составил уже 9,6% от всей суммы экспорта через этот порт, а импорт — 6,2%.

Если Франция стала накануне революции в Японии на путь поддержки сёгуна, то Англия заняла прямо противоположную позицию.

В Японии до конца 50-х годов господствующее положение занимали Соединённые Штаты. Однако в связи с напряжённой обстановкой в США накануне и во время гражданской войны (1861—1865 гг.) американскому правительству пришлось несколько умерить свою активность на Дальнем Востоке. Англия в эти годы прочно заняла место главного торгового контрагента Японии. Уже в 1863 г. на долю Англии падало 11 млн. долл. из 13,7 млн. долл. общей суммы внешней торговли Японии, проходившей через основной порт страны — Иокогама, т. е. 78%.

¹ *Киёдзава Киёси*, цит. соч., т. I, стр. 121. См. также «Correspondence...», 1865, стр. 25—27.

В 1865 г. доля Англии ещё больше возросла и составила 86%. Из 32 иностранных фирм, находившихся в Иокогама в 1863 г., 16 принадлежало англичанам; из 170 судов, посетивших этот порт в том же году, 100 судов пришло под английским флагом. Наконец, из 300 иностранных резидентов, проживавших в 1863 г. в Иокогама, 140 были английскими подданными.

Стремясь расширить своё экономическое и политическое влияние в Японии, Англия до 1864 г. проводила политику поддержки бакуфу против антисёгунского блока, ибо видела серьёзную помеху своим планам в организованных последним выступлениях против иностранцев. Английские представители в Японии считали, что только сёгунат может обеспечить наилучшие условия для английской торговли.

Исходя из этих соображений, английский посол в Японии Олькок стремился оказывать всяческую помощь сёгунату в его борьбе с оппозицией. Об этом достаточно убедительно свидетельствует хотя бы его депеша министру иностранных дел Великобритании Расселю, направленная в Лондон в ноябре 1864 г.

«Политическое положение в стране становится с каждым днём всё хуже, — отмечал Олькок, — и сильная партия даймё, выступающая против Тайкуна (так называли сёгуна. — Д. П.) и его внешней политики, стала ещё более враждебной. Падение правительства, не говоря о непосредственной опасности, было бы ликвидацией договорных прав. Только у Тайкуна и его правительства можем мы найти поддержку против тех, кто наиболее враждебно настроен против продолжения связей с иностранцами. Правда, его поддержка была слабой и сомнительной во многих отношениях. Тем не менее только от Тайкуна мы можем требовать на законных основаниях выполнения обязательств, взятых его предшественником и только им рассматриваемых как имеющие силу и обязывающие его. В случае падения правительства и существующих отношений мы потеряем единственную прочную базу для защиты договорных прав... Поэтому эта опасность, — заключает Олькок, — основная опасность дезорганизации и падения правительства Тайкуна, должна быть устранена, если это окажется возможным»¹.

¹ «Correspondence...», 1865, стр. 151.

Олькок ставит, следовательно, вопрос о непосредственном вмешательстве во внутренние дела Японии с целью сохранения сёгуната. Именно такую политику проводил он в 1860—1864 гг. по указанию английского правительства.

Однако примерно с конца 1864 г. английская ориентация резко меняется. Основные положения нового курса министр иностранных дел Великобритании Рассель изложил в своём ответе на донесение Олькока о положении в Японии. Он писал Олькоку, что война с Японией в настоящее время невыгодна, так как «вторжение на японскую территорию будет само по себе наиболее дорогим мероприятием».

«Есть другой курс политики, — подчёркивал Рассель, — которому следует отдать предпочтение как перед опрометчивым втягиванием в вооружённое столкновение, так и перед отказом от договорных прав.

Эта политика состоит в следующем:

1. Оказывать всяческое поощрение и поддержку тем министрам Тайкуна и тем даймё, которые выступают за торговлю с иностранцами, и таким образом способствовать ослаблению феодальной системы и протекционистской политики Японии;
2. Заключить соглашение с японским правительством об охране иностранного селтльмента в Иокогама;
3. Держать впредь сильную эскадру в японских водах;
4. Приложить усилия к установлению взаимопонимания с правительствами Франции, Нидерландов и Соединённых Штатов Америки ввиду общности наших интересов в Японии»¹.

Таким образом, в качестве основного принципа английской политики в Японии Рассель выдвигал теперь уже не поддержку бакуфу в целом, а установление контакта с англофильскими элементами в японском правительстве. С другой стороны, Рассель со всей определённостью требовал завязать отношения с отдельными феодалами, которые выразят готовность поддерживать английскую политику.

Решение Расселя переменить фронт и отказаться от политики поддержки бакуфу объяснялось в значительной

¹ «Correspondence...», 1865, стр. 44—45.

степени тем, что правительство сёгуна после 1864 г. определённо клонилось к установлению самых тесных отношений с Францией, явно пытаясь противопоставить французскую помощь натиску англо-американского капитала.

Новый курс английской политики в Японии было поручено проводить уже не Олькоку, а сменившему его в декабре 1864 г. Парксу, человеку властному и вспыльчивому, с исключительным высокомерием и надменностью относившемуся к восточным народам.

Наряду с Францией и Англией деятельное участие в борьбе за доминирующее влияние в Японии принимали и Соединённые Штаты Америки. В конфликте сёгуната с буржуазно-феодальным блоком США приняли сторону бакуфу.

Ещё в начале 1863 г. представители японского правительства обратились к американскому послу Прайну с запросом, какова будет позиция США в случае возможной войны между сёгунатом и его противниками. Прайн ответил, что «его правительство окажет, конечно, сёгунату полную моральную и материальную поддержку, допускаемую нормами международного права», и что он «верит в справедливость оказания помощи сёгунату со стороны договорных держав в порядке самообороны, если бакуфу обратится за такой помощью, мотивируя это тем, что целью враждебно настроенных даймё является изгнание иностранцев»¹.

Соединённые Штаты, таким образом, определённо обязывались оказать помощь сёгунату в его борьбе с противником. Что же касается ссылки на «нормы международного права», то это была лишь обычная звонкая фраза, которая в действительности ни к чему не обязывала американских представителей в Японии, вмешивавшихся самым бесцеремонным образом во внутренние дела этой страны.

США не случайно делали ставку на бакуфу, а не на антисёгунский блок. Это объяснялось в первую очередь тем, что они были, пожалуй, больше всех других государств заинтересованы в сохранении сёгуната, чтобы не потерять того влияния на правительство, которого удалось добиться американским представителям после открытия Японии.

¹ *Treat*, цит. соч., стр. 53—54.

Япония к середине 60-х годов стала важным рынком сырья и колониальных товаров для Соединённых Штатов.

Уже вскоре после подписания Гаррисом торгового договора с Японией в 1858 г. американские торговые компании предприняли энергичные шаги для захвата и эксплуатации нового восточного рынка. Первой обосновалась в Японии (в 1859 г.) фирма «Волш, Холл и К^о». Год спустя к ней присоединилась компания «Р. Б. Смит и К^о», а вслед за ними появились, как грибы после дождя, многочисленные фирмы, агентства, представительства и т. п.

Объём американской торговли с Японией рос из года в год.

Торговля США с Японией (в долл.)¹

Финансовый год	Экспорт и ре-экспорт из США в Японию	Импорт в США из Японии	Всего
1859/60	138 777	55 091	193 868
1860/61	40 553	102 566	143 119
1861/62	122 950	87 513	210 463
1862/63	213 937	73 851	287 788
1863/64	—	—	—
1864/65	42 769	285 176	327 945
1865/66	472 551	1 815 364	2 287 915
1866/67	690 136	255 316	945 452
1867/68	780 168	2 429 182	3 209 350
1868/69	2 836 720	3 245 317	6 082 037

Как видно из таблицы, если в 1859/60 финансовом году общая сумма японо-американской торговли составила 193 868 долл., то через 5 лет, в 1864/65 г., она возросла до 327 945 долл., а в 1867/68 г. составила уже 3 209 350 долл. Таким образом, торговля США с Японией возросла к 1868 г. почти в 17 раз по сравнению с 1860 г.

Все эти данные говорят о быстром развитии американской торговой экспансии в Японии. Не удивительно поэтому, что Соединённые Штаты, прочно обосновавшись

¹ Таблица составлена по данным «Report of the Secretary of the Treasury on the Commerce and Navigation of the U. S.» и «Annual Report of the Bureau of Statistics of the Commerce and Navigation of the U. S.» за 1859—1869 гг.

на японском рынке, боялись революции, боялись победы антисёгунского лагеря и делали всё возможное, чтобы поддержать сёгунат.

Таким образом, в период резкого обострения внутриполитической обстановки в Японии США, Англия и Франция окончательно определили свои позиции. Борясь за укрепление своего влияния, они не останавливались перед прямым вмешательством во внутренние дела страны, оказывая поддержку враждующим лагерям, которые накапливали силы для решительного боя. Однако необходимо отметить, что конкуренция этих капиталистических хищников между собой не мешала им выступать совместно в тех случаях, когда бывали затронуты самые основы господства иностранных государств в Японии.

Дипломатические представители договорных держав концентрировали своё внимание в эти годы на двух основных проблемах.

Во-первых, они стремились добиться санкционирования императором договоров, заключённых бакуфу в 1854—1860 гг. Это мероприятие должно было, по мысли иностранных дипломатов, придать договорам вид «законности» и закрепить полученные ранее капиталистическими державами привилегии. Требование ратификации договоров императором было направлено, следовательно, на укрепление политических позиций иностранных государств в Японии. Во-вторых, представители договорных держав старались расширить также свои экономические права. С этой целью они поставили вопрос о новом снижении импортных тарифов, чтобы ещё шире открыть японский рынок для иностранных товаров.

Первым с заявлением о необходимости любыми способами заставить императора ратифицировать договоры выступил американский посол в Японии Прайн. Он, однако, считал, что сепаратные действия договорных держав не смогут быстро привести к желаемому результату. Поэтому Прайн предложил в качестве одной из важнейших мер в этом направлении провести внушительную демонстрацию объединённого военно-морского флота всех договорных держав в районе Осака. Появление мощного флота в непосредственной близости от Киото должно было, по мысли Прайна, заставить императора немедленно дать санкцию на договоры, заключённые бакуфу с иностранными государствами.

В депеше, направленной 27 июня 1863 г. государственно-ному секретарю Сьюарду, Прайн писал:

«Чтобы получить эту санкцию, будет необходимо провести военно-морскую демонстрацию в Осака (в 20 милях от Киото); если она сразу не увенчается успехом, то её можно будет поддержать *продвижением сухопутных сил к Киото*. Я не сомневаюсь, — продолжал Прайн, — что договоры будут ратифицированы, как только мощные объединённые военно-морские силы войдут в залив Осака»¹.

Таким образом, американский посол стоял за проведение военных операций, чтобы заставить императора санкционировать договоры.

Однако в то время идея Прайна не встретила сочувствия со стороны Великобритании. Министр иностранных дел Рассель, которому американский посол в Лондоне Адамс передал эти предложения, отнёсся к ним весьма холодно. В своём ответе он заявил, что английское правительство приветствует заявление правительства США о желательности совместных действий, но что оно, «учитывая неустойчивость положения в Японии в настоящее время, считает более благоразумным подождать дальнейшего хода событий, чтобы более ясно определить линию поведения, которая будет наилучшим образом соответствовать мирным отношениям и развитию торговли с Японией»².

Нежелание английского правительства поддержать предложение Прайна было одним из проявлений англо-американских противоречий. Рассель считал, что инициатива Прайна была вызвана стремлением усилить позиции США за счёт английской помощи, так как реальная сила — флот, который должен был произвести демонстрацию, находился целиком в руках англичан; Прайн, выдвигая своё предложение, не имел в своём распоряжении ни одного судна Соединённых Штатов и рассчитывал, следовательно, всё сделать чужими руками.

То, чего не смог добиться Прайн в 1863 г., осуществил два года спустя английский посол в Японии Паркс. Теперь уже он выступил по директиве Расселя инициатором проведения военно-морской демонстрации в районе Осака.

¹ «38-th Congress, 1-st Session, Papers...», Pt. II, W. 1864, стр. 1036. Курсив мой. — Д. II.

² «Correspondence...», 1865, стр. 19.

Причём на сей раз Англия рассчитывала одновременно и укрепить свои позиции за счёт подтверждения договоров императором, и оказать моральную поддержку оппозиционному блоку, подчеркнув своё неверие в силу власти сёгуната.

Как всегда, предлог для очередного выступления нашёлся довольно быстро. 21 августа 1865 г. бакуфу, сделав первый взнос в 500 тыс. долл. в счёт контрибуции за Симоносэкскую экспедицию, обратилось к договорным державам с просьбой отсрочить на один год уплату второго взноса в связи с финансовыми затруднениями. Однако иностранные дипломаты не желали и слышать об этом.

По предложению Паркса, который с типичным для английской дипломатии лицемерием отстаивал необходимость похода в Осака «с военно-морскими силами, хотя и без враждебных намерений»¹, представители договорных держав решили направить объединённую эскадру в Осака, где в это время находился сёгун Иэмоти, чтобы запугать японское правительство и заставить его полностью удовлетворить все их требования.

4 ноября 1865 г. внушительная эскадра из 9 кораблей (5 английских, 3 французских и 1 голландского) под командованием английского вице-адмирала Кинга вошла в Осацкий залив. «Это было молчаливое, но убедительное напоминание о последствиях отказа...»², — так охарактеризовал со слов Паркса цель прихода эскадры в район Осака английский юрист Джонс.

В этот период в Японии не оказалось ни одного американского судна, что сильно огорчало американского поверенного в делах Портмэна, который временно замещал Прайна, вернувшегося в апреле 1865 г. в США. «Я глубоко сожалею, — писал он, — что сейчас здесь нет ни одного нашего корабля...»³. Тем не менее Портмэн счёл необходимым принять участие в экспедиции и устроился на английском корабле «Пелорус»⁴.

¹ «Correspondence...», 1865—1866, стр. 74—75.

² Jones, цит. соч., стр. 25.

³ «39-th Congress, 1-st Session, Papers...», Pt. III, W. 1866, стр. 265.

⁴ «В это время здесь не было ни одного американского корабля, но на дипломатическом фронте США были поддержаны иностранной эскадрой, и применение давления было логическим продолжением

В меморандуме, направленном сёгуну, Паркс от имени всех договорных держав выдвинул три основных требования. Прежде всего он категорически предложил бакуфу немедленно обеспечить ратификацию договоров императором. Выдвижение этого требования было продиктовано не только желанием укрепить позиции иностранных держав в Японии, но и явным стремлением Англии дискредитировать сёгунат, подчеркнув, что иностранные державы верховным правителем Японии считают не сёгуна, а императора.

Второе требование, выдвинутое в письме Паркса, относилось к вопросу выплаты контрибуции за Симоносёкскую экспедицию. Поскольку для иностранных держав самым важным было расширение их экономических и политических прав в Японии, Паркс вновь повторил старое предложение о снижении на 2 млн. долл. суммы контрибуции в случае немедленного открытия для иностранной торговли Хиого, Осака и Ниигата.

Наконец, иностранные представители, пользуясь присутствием в японских водах большого флота, выдвинули ещё одно требование, направленное на дальнейшее закабаление Японии: снизить до 5% тарифы на все импортируемые в страну товары.

Меморандум договорных держав не оставлял у японского правительства никаких сомнений относительно их агрессивных намерений и готовности обнажить оружие. Фактически это был прямой ультиматум, ибо в нём подчёркивалось, что иностранные государства оставляют за собой право «предпринять такие действия, какие сочтут необходимыми», если бакуфу не даст ответа в течение 7 дней¹.

Во время переговоров с представителями бакуфу иностранные представители разделились на две группы. Французский посол, демонстрируя своё дружественное отношение к сёгунату, предпочёл вести переговоры отдельно, на французском флагманском корабле. Представители Англии, США и Голландии принимали японцев на английском флагмане «Принцесс Ройял»².

линии Перри», — признавал американский публицист Фольк (*Falk*, цит. соч., стр. 57).

¹ См. «Correspondence...», 1865—1866, стр. 69.

² Там же, стр. 74.

В ходе переговоров японскому правительству стало ясно, что отклонение новых требований иностранных держав неминуемо приведёт к войне. Докладывая 12 ноября 1865 г. сёгуну о позиции иностранцев, глава бакуфу Абэ Масахиро писал: «14-го числа должен быть дан ответ, и если мы его не дадим, то они высадятся на нашу землю... Таким образом, нам ничего не остаётся другого, как разрешить открыть порты»¹.

Позицию Абэ полностью разделял и другой видный член правительства — Мацумаэ. Они оба исходили из того бесспорного для них факта, что иностранцы не преминут обнажить оружие, как они уже сделали это раньше в Кагосима и Симоносэки, если их требования будут отклонены. А война с иностранными государствами в условиях развёртывающегося антисёгунского движения была крайне невыгодна сёгунату. Он предпочитал пойти на сделку в ущерб национальным интересам страны, лишь бы сохранить власть в своих руках.

Представители договорных держав в Японии понимали, что правительство находится в исключительно тяжёлом положении, и пытались использовать это обстоятельство. Как видно из ряда документов, они специально спекулировали на страхе сёгуна перед широко развернувшимся оппозиционным движением. «По готовности, с которой представители бакуфу отнеслись к нашим предложениям,— доносил Паркс в Лондон,— я и мои коллеги с удовлетворением убедились в том, что мы выбрали удобный момент для представления этих вопросов на рассмотрение сёгуна...»².

Среди дипломатов капиталистических государств, пытавшихся как вместе, так и порознь запугать правительство сёгуна, одним из наиболее агрессивно настроенных был американский поверенный в делах Портмэн. Выступая с определёнными угрозами по адресу японцев, он писал в ноте на имя сёгуна: «В связи с тем, что прошло уже семь дней из десяти, которые Вы попросили для ответа, я вынужден напомнить Вам, что это Ваш прямой долг... Друзья, как и враги, должны понять, что договорные державы полны твёрдой решимости обеспечить

¹ См. *Киёдзава Киёси*, цит. соч., т. I, стр. 140.

² Там же.

пунктуальное соблюдение договоров, заключённых с вашим величеством»¹.

В конечном счёте и бакуфу и императорский двор, сознавая неподготовленность Японии к войне, были вынуждены пойти на удовлетворение требований иностранцев. 22 ноября 1865 г. император объявил о том, что он ратифицирует договоры. Иностранным представителям было сообщено также, что сёгун, со своей стороны, готов начать переговоры о пересмотре тарифов на базе их снижения и что японское правительство предпочитает выплатить полностью всю сумму контрибуции за Симонсэкскую экспедицию, а не открывать досрочно Хиого, Осака и Ниигата. Такое решение означало полную капитуляцию сёгуната перед иностранными державами.

Переговоры о пересмотре импортных тарифов велись в Эдо. Они завершились подписанием 25 июня 1866 г. конвенции между представителями бакуфу, с одной стороны, и представителями США, Великобритании, Франции и Голландии — с другой².

Согласно этой конвенции, японское правительство обязывалось построить склады для иностранных товаров в Нагасаки и Канагава и обеспечить их охрану (статья 4), а также оборудовать открытые порты маяками, буями и т. п. (статья 11). Ряд статей конвенции нельзя расценить иначе, как непосредственное вмешательство во внутренние дела Японии. Так, японское правительство должно было согласиться на беспрепятственный подвоз товаров из любого места Японии в открытые порты (статья 5); оно обязывалось также обеспечить полную свободу всем японским подданным вести торговлю и вступать в сношения с иностранцами (статья 9); в этой же статье устанавливалось, что «все даймё или их представители впредь смогут свободно посещать как открытые порты, так и иностранные государства и совершать с ними торговые сделки». Правительство Японии брало на себя, далее, обязательство обеспечить всем японским подданным право беспрепятственного путешествия за границу и найма на иностранные суда (статья 10). К конвенции был приложен подробный список товаров и шкала пошлин на них; часть товаров вовсе освобождалась.

¹ «39-th Congress, 2-nd Session, Papers...», W. 1867, стр. 192.

² См. *Malloy*, цит. соч., т. I, стр. 1012.

от пошлины, а тариф на остальные товары устанавливался в 5% их стоимости.

Таким образом, в документе, носившем международный характер, решались такие вопросы внутренней жизни страны, которые должны были целиком и полностью находиться в ведении японского правительства. Ущемление национального суверенитета Японии, наглое вмешательство в её внутренние дела — вот что означало новое неравноправное соглашение, силой навязанное иностранными колонизаторами Японии.

Тарифная конвенция, вступившая в силу с 1 июля 1866 г., нанесла тяжёлый удар японской экономике. Благодаря снижению пошлин в Японию в ещё большем количестве, чем раньше, хлынули дешёвые иностранные товары, что мешало развитию слабой японской промышленности. Новые тарифы привели также к углублению финансового кризиса сёгуната, доходы которого значительно сократились после снижения пошлин. Надо отметить, что фактически даже мизерные пошлины в 5% не уплачивались полностью иностранными купцами, которые пользовались тем, что цены на товары росли, а пошлины, установленные в 1866 г., исходя из данной стоимости товаров на рынке не пересматривались. Кроме того, иностранцами широко практиковалась контрабандная торговля с отдельными княжествами и особенно с Тёсю.

Новая конвенция ещё больше ухудшила экономическое положение сёгуната¹. Это произошло как раз тогда, когда ему особенно нужны были деньги для борьбы с сильным военным блоком юго-западных княжеств, стремившихся к свержению власти дома Токугава.

Позиции этого блока в середине 60-х годов значительно укрепились, чему в немалой степени способствовала поддержка со стороны Англии. Английские купцы продали, как признаёт ряд официальных документов, большое количество пушек, ружей, снаряжения и боеприпасов княжествам Тёсю и Сацума.

¹ «Эта конвенция, — писал Киёдзава Киёси, — уменьшила поступление пошлин и помешала развитию отечественной промышленности...» (*Киёдзава Киёси*, цит. соч., т. I, стр. 145).

«Пошлины, установленные этим соглашением о пересмотре тарифов, действовали вплоть до пересмотра договоров в 32 г. Мэйдзи (1899 г.). Они в течение долгих лет буквально душили страну и нанесли громадный ущерб нашим финансам и развитию нашей промышленности...» (*Сибата Сюдзо*, цит. соч., стр. 77).

В январе 1865 г. английский поверенный в делах в Японии Винчестер был вынужден направить специальный циркуляр английским консулам в открытых портах, в котором указывал на наличие контрабандной торговли оружием между английскими купцами и княжеством Тёсю. Поскольку открытое снабжение оружием антисёгунского блока могло быть расценено японским правительством — бакуфу как нарушение японо-английского договора, Винчестер полгода спустя, в июне 1865 г., счёл необходимым вновь обратиться к английским торговым компаниям в Японии с увещеваниями, требуя от них «соблюдения осторожности». «Есть слухи, — писал английский представитель в Японии, — о неофициальных торговых сношениях в районе пролива Симоносэки и наличии запрещённой торговли главным образом оружием, военным снаряжением и т. п., что противоречит договору и может усложнить отношения между Великобританией и Японией»¹.

Сообщая в депеше министру иностранных дел Расселю об этом циркуляре, Винчестер подчёркивал, что «несколько английских фирм в Нагасаки вступили в активные торговые сношения с Симоносэки»².

Эти официальные документы убедительно свидетельствуют о наличии оживлённой торговли оружием между английскими купцами и лидерами антитокугавского буржуазно-феодального блока. Многочисленные циркуляры Винчестера следует рассматривать лишь как попытку убедить бакуфу в частном характере этой торговли, которая ведётся будто бы вопреки горячему желанию английского правительства соблюдать договоры и пресечь контрабанду. Винчестер был вынужден пойти на этот шаг в связи с протестом бакуфу против незаконной, контрабандной торговли английских купцов. С другой стороны, циркуляры Винчестера были своего рода предупреждением английским торговым фирмам о необходимости более осторожно, не столь открыто и нагло, вести торговлю оружием, так как в противном случае они могут понести ущерб от военных судов сёгуната, которые, как было сообщено английскому поверенному в делах, направились в район Симоносэки, чтобы пресечь контрабандную торговлю.

¹ «Correspondence...», 1865—1866, стр. 43.

² Там же, стр. 38.

Английские дипломатические представители в Японии непосредственно руководили организацией вооружённой помощи сёгунату. Вскоре после подписания конвенции 1866 г. английский посол Паркс направился с частью эскадры на юго-запад страны, где были расположены княжества, возглавлявшие антисёгунскую оппозицию¹. В Симоносэки он заверил руководителей княжества Тёсю в полной поддержке со стороны Англии. Здесь же было подписано секретное соглашение об оказании им английской помощи деньгами, оружием, а также путём предоставления инструкторов.

Из Симоносэки Паркс прибыл в Нагасаки. После беседы с представителями княжества Хидзэн он собрал всех иностранных консулов в Нагасаки и заявил им, что в связи с установлением в стране двоевластия консулам следует поддерживать антисёгунский лагерь. Это было явным нарушением норм международного права и откровенным вмешательством во внутренние дела Японии.

27 июля 1866 г. Паркс появился в Кагосима, где провёл более недели. К сожалению, записи переговоров, которые вёл Паркс, до сих пор не опубликованы. Но совершенно ясно, что английский посол недаром провёл здесь время. Не случаен был, конечно, и внешне весьма радужный приём, оказанный Парксу в том самом городе, который был разрушен зверской бомбардировкой англичан каких-нибудь три года назад. Дело было в том, что князь Симадзу и его советники определённо рассчитывали на широкую помощь со стороны Англии в борьбе против сёгуната Токугава.

5 августа 1866 г. Паркс посетил ещё одного лидера антисёгунской оппозиции — князя Датэ в его резиденции в городе Увадзима (остров Сикоку).

Таким образом, английский посол побывал лично во всех основных княжествах, выступавших против сёгуната, поощряя их на усиление борьбы с бакуфу.

¹ Американский поверенный в делах Портман доносил в Вашингтон:

«После того как была получена санкция императора на договоры, английский посол вместо того, чтобы вернуться сразу в своё посольство, направился 26-го числа этого месяца из Осацкого залива через внутреннее море в Шанхай. Через своего переводчика, сопровождавшего его, он непродолжительное время вёл в Симоносэки переговоры с властями Тёсю...» («39-th Congress, 2-nd Session, Papers...», v. 2, W. 1867, стр. 196).

Результаты объезда Парксом лидеров антисёгунской оппозиции немедленно сказались на активизации её действий. Армия Тёсю, насчитывавшая несколько десятков тысяч человек и вооружённая современным английским огнестрельным оружием, в конце лета 1866 г. нанесла ряд поражений войскам сёгуна. Решающую роль в победе сыграли так называемые «кихэйтай» — «отряды необычных воннов», которые входили в состав армии Тёсю. Эти отряды комплектовались не из самураев, а из ронинов, ремесленников и крестьян. Они были как бы зачатками буржуазной армии. В отличие от самурайских дружин в отрядах «кихэйтай» поддерживалась строгая дисциплина, они обучались владению огнестрельным оружием и европейской тактике ведения боя. Кроме того, их классовый состав обусловил и высокий боевой дух этих отрядов, более решительно, чем самураи, сражавшихся против ненавистного сёгуната Токугава.

Зимой 1866/67 г. в обоих враждующих лагерях произошли некоторые перестановки. 19 сентября 1866 г. умер сёгун Иэмоти. Его преемником был провозглашён Токугава Кэйки, который принял имя Ёсинобу. Три недели спустя после провозглашения Кэйки сёгуном, 3 февраля 1867 г., скончался император Комэй. Императорский трон занял его 15-летний сын Мудохито, который, как и его отец, был послушным исполнителем воли антисёгунского блока.

Тем временем быстрыми темпами шла консолидация оппозиции. К осени 1867 г. антитокугавский лагерь настолько окреп, что счёл возможным перейти в наступление. В октябре 1867 г. Яmanoути Ёдо, глава княжества Тоса, от имени императора вручил сёгуну меморандум, составленный лидерами оппозиционного лагеря. В этом меморандуме содержался «совет» передать всю полноту власти в руки императора.

«Ход событий привёл к революции, — говорилось в меморандуме, — и старая система не может больше существовать. Ваше правительство должно вернуть всю власть в руки суверена и заложить тем самым фундамент, на котором Япония обоснуется как равная среди других государств. Это Ваша самая главная обязанность в настоящий момент, и за это я возношу свои искренние молитвы. Ваше величество настолько мудро, что примет во внимание этот совет»¹.

¹ *Murdoch*, цит. соч., т. III, стр. 768.

Не нужно было быть слишком «мудрым», чтобы понять, что этот «совет» означал на деле требование полностью отказаться от власти. Сёгун Кэйки решил, что в создавшейся обстановке нужно формально последовать этому «совету», чтобы выиграть время и подготовиться к борьбе. 8 ноября 1867 г. представители почти всех княжеств собрались в замке Нидзё, где сёгун разыграл комедию «добровольной» передачи власти императору. Но он не собирался складывать оружие. Не верили в его «раскаяние» и лидеры антисёгунского блока. Обе стороны готовились к решительному сражению.

В декабре 1867 г. отряды самураев Сацума и Тёсю вошли в Киото. 3 января 1868 г. император зачитал у себя во дворце указ о полном восстановлении своей власти и о создании временного правительства во главе с князем Арисугава, в которое вошли представители сильнейших княжеств и придворной аристократии. Одним из первых актов нового правительства было решение о лишении сёгуна всех чинов и рангов и конфискации его земель в пользу императорского дома.

Соответствующие требования были переданы сёгуну, который дал на них весьма уклончивый ответ, а в ночь на 6 января 1868 г. тайно покинул свой замок Нидзё в Киото и прибыл в Осака, где сконцентрировались все верные ему войска.

25 января 1868 г. сёгун принял решение двинуться на Киото. Узнав об этом, лидеры антисёгунского блока устроили засаду в районе Фусими и Тоба на обеих дорогах, ведущих к этому городу из Осака. 27 января началась кровопролитная битва, в ходе которой войска сёгуна потеряли около 10 тыс. человек. В ночь на 28 января самураи княжества Цу, занимавшие позиции на левом фланге армии сёгуна, перешли на сторону его противников, которые немедленно начали наступление. Войска сёгуна были застигнуты врасплох и обратились в беспорядочное бегство к Осака, неся большие потери.

Во время всех этих бурных событий иностранные послы находились с мощной эскадрой неподалёку от Осака — в Хиого, куда они прибыли под предлогом наблюдения за открытием этого порта, назначенным на 1 января 1868 г.

Среди них находился и новый американский посол в Японии генерал Ван Волькенбург, занимавший этот пост с апреля 1867 г. по ноябрь 1869 г. Военный ко-

рабль «Шенандоа», на котором прибыл Ван Волькенбург, сопровождали ещё два корабля из состава азиатской эскадры США.

Появление после сравнительно долгого перерыва американских военных кораблей в Японии было непосредственно связано с общим курсом внешней политики правительства США. Победа Севера над рабовладельческим Югом в результате гражданской войны 1861—1865 гг. расчистила последние преграды на пути промышленного развития Соединённых Штатов. В США установилось всевластие буржуазии, которое привело к тому, что здесь, по выражению К. Маркса, «капиталистическое хозяйство и связанное с ним порабощение рабочего класса развились быстрее и в более циничной форме, чем в какой-либо иной стране»¹.

Развитие капитализма сопровождалось широкой экспансией в страны Азии, планы которой давно вынашивались буржуазией Севера. В эти годы резко возросла торговля США с Китаем, чему в значительной мере способствовало открытие в начале 1867 г. регулярных рейсов пароходной компании «Пасифик мэйл». Эта компания была самым тесным образом связана с правительством. Характерно отметить, что Вильям Сьюард младший, сын государственного секретаря, был одним из владельцев крупного пакета акций этой компании. Для кораблей, принадлежавших «Пасифик мэйл», был выделен специальный военный эскорт. Морской министр США, например, в своём отчёте сообщал, что он отдал приказание постоянно содержать в японских водах американские военноморские суда для поддержки этой компании. С помощью правительственных кругов, рассматривавших «Пасифик мэйл» как важное орудие экспансии в страны Азии, эта компания быстро сконцентрировала в своих руках почти всю торговлю с Востоком.

Опираясь на свою возросшую экономическую и военную мощь, американская буржуазия пыталась втянуть в орбиту своего влияния всё новые и новые страны в бассейне Тихого океана.

В 1866 г. Соединённые Штаты сделали очередную попытку проникнуть в Корею и навязать ей кабальные договоры, аналогичные договорам с Китаем и Японией.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXVII, стр. 140.

С этой целью сюда направился американский военный корабль «Генерал Шерман». Корейские власти снабдили корабль провизией, настаивая в то же время в вежливом, но твёрдом тоне на том, чтобы американцы соблюдали законы страны и покинули корейские воды. Однако интервенты отказались вести какие-либо переговоры и арестовали корейских чиновников, прибывших на корабль. Они потребовали доставить на корабль рис, золото, серебро, женьшень, угрожая открыть огонь из орудий по Пхеньяну.

Несмотря на наглые действия американских захватчиков, корейские власти продолжали переговоры. Однако американцы и не думали отступать от своих требований. «Иностранному кораблю, повидимому, не имел ни малейшего намерения уйти, — говорилось в корейских хрониках того времени. — Наоборот, он грабил провизию на корейских судах, безрассудно паля из орудий... Они (американцы) заявили, что идут для того, чтобы силой принудить корейцев торговать с ними»¹.

Американские интервенты не остановились перед расстрелом мирного корейского населения. Не желая выслушать представителей местных властей, они открыли артиллерийский огонь по толпам людей, собравшихся на берегу реки Тедонганг. Это переполнило чашу терпения корейского народа. Жители Пхеньяна подплыли на рыбацких лодках к американскому кораблю и подожгли его. Вся команда корабля была уничтожена.

Грозное предостережение не остановило интервентов, пытавшихся проникнуть в Корею. Не прошло и года, как в залив Асан в провинции Чунчэндо прибыли американские корабли «Чайна» и «Грета», использовавшие для маскировки немецкий флаг. Американские пираты захватили два частных корейских судна и, высадившись на берег, принялись разрывать могилу корейского императора, где, по слухам, находилось большое количество драгоценностей. Местное население сорвало замыслы варваров — толпы корейцев заставили пиратов быстро ретироваться².

¹ «Transactions of the Korean Branch of the Royal Asiatic Society», v. XXVIII, Seoul 1938, стр. 23.

² См. Ли Чен Вон, Очерки новой истории Кореи, Издательство иностранной литературы, М. 1952, стр. 37.

По мере развёртывания американской экспансии в странах Тихого океана происходило дальнейшее углубление противоречий между США и европейскими капиталистическими державами. В условиях обострившейся конкурентной борьбы между капиталистическими хищниками американская буржуазия всё большее значение придавала созданию военных баз и опорных пунктов в важнейших стратегических районах Тихого океана: на Сахалине, на Курилах, Тайване, на острове Комуьнду у южного побережья Кореи. При обсуждении правительством США проблемы приобретения военно-морских баз, ещё за 30 лет до завоевания американцами Гавайских островов и Филиппин, было решено, как писал американский историк Деннетт, обратить особое внимание на Корею¹.

В центральной части Тихого океана всё более важное значение как база на пути из США на Дальний Восток приобретали Гавайские острова, «важнейшая станция Тихого океана»². Ещё в 1826 г. Соединённые Штаты заставили гавайского короля подписать так называемый «Договор о дружбе», который положил начало колонизации Гавайских островов. С этих пор американские экспансионисты стали рассматривать Гавайи как своё владение. В начале 40-х годов XIX века государственный секретарь Вебстер откровенно заявил, что США не остановятся перед применением вооружённой силы, чтобы оставить за собой Гавайские острова. Раскрывая свои планы в отношении этих островов, Соединённые Штаты в 1843 г. категорически отказались подписать совместно с другими государствами обязательство о незахвате Гавайев. В 1849 г. США заключили новый договор с местным королём, предоставивший им ещё более широкие права. Спустя несколько лет, в 1854 г., американские экспансионисты сделали первую попытку аннексии, которая не удалась в связи с резким противодействием со стороны Англии и Франции. Хотя Гавайское королевство формально считалось ещё суверенным государством, американские колонизаторы, захватив здесь лучшие земельные участки, оказались полными хозяевами экономической жизни страны.

¹ См. *T. Dennett, Th. Roosevelt and the Russo-Japanese War, New York 1925, стр. 108.*

² *К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. VIII, стр. 234—235.*

Лишение Гавайев политической независимости стало вопросом только времени ¹.

Захват опорных пунктов на Тихом океане не ограничился Гавайскими островами. В 1856 г. конгресс объявил американским владением ряд мелких тихоокеанских островов. В 1868 г. США захватили остров Мидуэй.

Особое место в цепи колониальных захватов Соединённых Штатов в 60-х годах XIX века занимает приобретение Аляски. Эта территория давно привлекала внимание американских экспансионистов, рассматривавших её как удобный плацдарм для проникновения в русские владения на северо-востоке Азии и дальше — в Китай. Играв на обострении англо-русских противоречий и широко применяя угрозы силой захватить Аляску, оборонять которую Россия была не в состоянии, США в 1867 г. заставили царское правительство продать им за бесценок эту обширную страну и прилегающие к ней Алеутские острова.

Истинные мотивы, которые преследовало правительство США, покупая Аляску, тщательно скрывались в течение долгого времени. Даже в 1942 г. Стэйбли Хорнбек, бывший эксперт по дальневосточным делам и политический советник государственного департамента, пытался убедить читателей, что покупка Аляски являлась обыкновенной торговой сделкой. «Приобретение Аляски, — писал он, — не было заранее обдуманно Соединёнными Штатами. Русские кое-что продали нам, мы уплатили запрошенную цену. Русские ещё думали, что они получили хороший барыш» ².

В действительности с покупкой Аляски далеко не всё обстояло так просто. Этот шаг был тщательно продуманным и хорошо подготовленным манёвром американских экспансионистов, который увенчался успехом лишь вследствие недалёковидности царских чиновников. Разбирая предварительные планы покупки Аляски, американский историк Франк Гольден делает вывод, что Сьюард видел в Аляске и Алеутских островах путь для того, чтобы «протянуть Азии дружественную руку» ³. Сын же Сьюарда вполне определённо расшифровал понятие «дружественная рука»,

¹ В 1898 г. Гавайи были официально аннексированы.

² *S. J. Hornbeck, United States and the Far East: Certain Fundamentals of Policy, Boston 1942, стр. 14.*

³ *F. Golden, Purchase of Alaska, «American History Review», v. XXV, No. 3, стр. 1.*

заявив, что истинным мотивом покупки Аляски было «желание продвинуть наши аванпосты»¹. Сам Сьюард, оправдывая в конгрессе произведённые расходы, сказал, что Аляска представляет собой «раздвижной мост между Америкой и Азией»². Наконец, один из конгрессменов неосторожно выболтал тайные планы американского правительства, указав на громадное стратегическое значение Аляски. «Америка получила теперь, — заявил он, — в пределах нашего достижения контроль над Тихим океаном, и мы можем в будущем превратить этот великий театр действий в то, во что захотим»³.

После приобретения Аляски американские промышленники и купцы расширили свои хищнические набеги на пушные и рыбные промыслы на русской территории. Русский консул в Сан-Франциско Оларовский доносил в Петербург, что рыбопромышленники из Калифорнии хищнически ловили рыбу без уплаты пошлин между островом Сахалин и Курильской грядой. Американские дельцы не останавливались также перед порубкой и хищением леса на русском побережье.

Организованным браконьерством занимались они и на Карагинском острове, у побережья Камчатки, где хищнически истребляли моржей. Стремясь к лёгкой и быстрой наживе, американские охотники применяли варварские методы массового уничтожения моржей. Они избивали их на лежбищах, не разбирая самок и молодняка, из продукции брали только самое ценное и транспортабельное — клыки (бивни) и шкуру, а остальное бросали на месте, заражая лежбища и распугивая животных.

Воды у побережья Камчатки и Охотское море были также излюбленным местом охоты американских китобойных судов, хищнически уничтожавших китовое стадо. Только в Охотском море американские китобойцы добыли за 14 лет (1847—1861 гг.) китового уса и жира на 130 млн. долл.

Варварски действовали американские промышленники на Командорских островах, где они хищнически выбивали котиков. На острова было завезено много спирта и дешёвых товаров. Спаивая унанганов, американские купцы

¹ *T. Dennett, Americans in Eastern Asia, New York 1941, стр. 416.*

² *Dulles, цит. соч., стр. 4.*

³ *Ch. Beard and M. Beard, The Rise of American Civilization, London 1930, v. II, стр. 135.*

за бесценнок забирали у них лучшую пушнину. На островах процветали поголовное пьянство, карточная игра.

Действовали в середине XIX века американские хищники и в районе других русских островов — Курильских. Они истребляли китов у побережья островов, уничтожали лесные богатства Курил, грабили и разоряли русские поселения. Командир русского брига «Константин», находившегося долгое время в крейсерстве у Курильских островов, доносил, что «китоловы, производя во множестве промысел у островов, покрыли море жиром, а берега китовыми остовами и китами, издохшими от ран. Китобойные же вельботы пристают к берегу, в особенности по ночам, и разводят повсюду огни, от дыму которых бегут не одни бобры, но и сивучи и нерпы»¹.

Беззастенчивое вмешательство американской буржуазии во внутренние дела Японии, попытки обеспечить себе господствующие позиции в этой стране были, таким образом, частью её широкой экспансионистской программы, охватывавшей Китай, Корею, Тихоокеанские острова и Аляску. Для осуществления этой программы Вашингтон не брезгал никакими средствами, включая угрозы, шантаж и военную интервенцию.

В конце 1867 г., когда в Японии в полном разгаре была война между феодальными правителями страны из дома Токугава и антисёгунским буржуазно-феодальным блоком, Соединённые Штаты сочли необходимым направить в Японию военную эскадру, командующему которой были даны самые широкие полномочия. 6 американских кораблей во главе с флагманом «Нартфорд» стали на якорь в бухте Осака. Морской министр США Гидеон Уоллес, поясняя причины концентрации американского флота в японских водах, писал в своём ежегодном отчёте, что командующий дальневосточной эскадрой США контр-адмирал Генри Балл «счёл целесообразным, чтобы наш посол был поддержан демонстрацией внушительных морских сил в районе порта Осака»².

На некоторые причины того, почему американскому послу понадобилась столь внушительная «поддержка», проливают свет высказывания американской печати. Так, газета «Нью-Йорк геральд» незадолго до прибытия

¹ См. *М. Сергеев*, Курильские острова, М. 1937, стр. 119.

² *Falk*, цит. соч., стр. 65.

военно-морских сил США в Японию опубликовала статью, в которой, выбалтывая тайные замыслы американских экспансионистов, ратовала за то, чтобы захватить один или несколько островов Японского архипелага¹.

Наличие мощных английских и французских военно-морских сил, внимательно следивших за действиями американской эскадры и друг за другом, не позволило США осуществить свои агрессивные замыслы. Но американские военные корабли не оставались безучастными наблюдателями сражений, развернувшихся неподалёку от Осака. Они оказали серьёзную помощь сёгуну, дав ему возможность избежать пленения после разгрома его армии при Фусими и Тоба.

Потерпев поражение, сёгун, спасаясь от преследования, глубокой ночью приплыл на лодке на американский корабль «Ирокез», стоявший на рейде в Хиого. Некоторые историки утверждают, что Кэйки якобы чисто случайно попал на американский корабль. Так, Мардох писал, что на «Ирокезе» «его не опознали, а он сам не назвал себя»². В действительности о прибытии сёгуна существовала предварительная договорённость. Это становится совершенно ясным из депеши американского посла Ван Волькенбурга государственному секретарю Сьюрду.

«Паровой корабль Соединённых Штатов «Ирокез» два или три дня тому назад бросил якорь в Осацком заливе примерно в 8 милях от моей резиденции,— доносил в Вашингтон Ван Волькенбург.— Он прибыл для того, чтобы доставить меня и мою свиту в Икокогама. Узнав об этом, ко мне по поручению сёгуна пришёл Хоруяма с просьбой разрешить ему, сёгуну, провести эту ночь на борту «Ирокеза» до прихода японского фрегата «Кайомару», который должен прибыть рано утром, чтобы доставить его в Эдо.

Я послал записку командиру «Ирокеза» Инглишу. Сёгун покинул свой замок в Осака около 2 часов утра 31 января в сопровождении своего премьер-министра и других высших должностных лиц и на японских лодках прибыл на борт «Ирокеза», где оставался около двух часов,

¹ D. M. Dozer, *Anti-Expansionism during the Johnson Administration*, «Pacific Historical Review», v. XII, No. 3, стр. 261.

² Murdoch, цит. соч., стр. 779.

а затем был переправлен на его собственный фрегат, который вошёл в гавань на рассвете и на котором он отплыл в Эдо»¹.

Таким образом, американцам было отлично известно, кто прибыл к ним на корабль. Они предоставили сёгуну убежище, чтобы дать ему возможность спастись от преследовавшего его по пятам противника и направиться в Эдо, где остались ещё верные сёгуну отряды. Преднамеренность действий посла США был вынужден признать, в частности, американский историк Фольк, отмечавший, что прибытие сёгуна поставило в довольно затруднительное положение капитана «Ирокеза», ибо могло рассматриваться как вмешательство США во внутренние дела Японии и нарушение провозглашённого нейтралитета².

В Эдо сёгун попытался организовать оборону. Но феодальный режим был уже обречён. Сопротивление войск сёгуна продолжалось недолго, и в начале июля 1868 г. они были вынуждены сдаться превосходящим силам противника. Борьба, однако, на этом не кончилась. Сторонники сёгуна во главе с самураями княжества Аидзу сражались до конца 1868 г., когда пал замок Вакамацу и вожди последних отрядов, выступавших против новой власти, были взяты в плен. Теперь борьбу вела лишь небольшая группа сторонников бакуфу, которая под командованием адмирала Энмото отплыла с частью сёгунского флота (4 паровых судна и 4 парусных) на остров Хоккайдо, где образовала своеобразную самурайско-феодальную «республику».

Перед отплытием на Хоккайдо адмирал Энмото сделал попытку добиться от США передачи ему броненосца «Стоунволл», который ещё в 1866 г. был куплен представителями правительства сёгуна в США за 400 тыс. долл. Новый, сильно вооружённый военный корабль мог дать заметный перевес одной из враждующих сторон. Поэтому, когда «Стоунволл» в разгар военных действий прибыл в Июкогама, каждый из противников попытался заполучить броненосец себе. Новое императорское правительство, во главе которого стоял князь Арисугава, потребовало передать корабль ему, а бакуфу категорически возражало

¹ «40-th Congress, 2-nd Session. Senate Executive Documents», No. 65, W. 1868, стр. 2—3.

² См. *Falk*, цит. соч., стр. 66.

против этого, доказывая, что «Стоунволл» куплен на деньги дома Токугава и, следовательно, принадлежит сёгуну.

Как видно из ряда документов, Соединённые Штаты долго не могли прийти к определённом решению. Они предпочли бы передать броненосец бакуфу и оказать тем самым ему существенную военную помощь. Однако Ван Волькенбург при всём его желании не мог решиться на такой шаг. Причиной этого была усилившаяся конкурентная борьба между договорными державами за влияние в Японии. Каждая из них оказывала столь существенную поддержку борющимся лагерям, что в любую минуту между ними мог возникнуть конфликт, которого в этот момент не желала ни одна из договорных держав, боясь возможного ослабления своих позиций. Поэтому представители США, Франции, Англии, Голландии, Италии и Пруссии, настороженно следя за действиями друг друга, решили подписать специальный меморандум, обязывающий каждое из этих государств воздержаться от передачи каких-либо военных судов враждующим лагерям. Такое соглашение было заключено 28 февраля 1868 г.

Узнав, что американцы решили временно задержать «Стоунволл», который был уже переименован в «Адзума», Энмото попытался явочным порядком захватить броненосец. Однако его замысел стал известен американскому командованию, приказавшему усилить караулы на корабле и разобрать часть машин. Энмото был вынужден отказаться от своего плана и ушёл на Хоккайдо без броненосца. Только в марте 1869 г., после официального признания нового японского правительства Соединёнными Штатами, «Стоунволл» был, наконец, передан японцам¹.

В период революции, начавшейся в 1867 г., иностранные представители в Японии формально придерживались нейтралитета. Фактически же они оказывали, как уже отмечалось выше, большую помощь враждующим лагерям.

Французский посол Рош организовал размещение во Франции заказов бакуфу на поставку вооружения, снаряжения и обмундирования для армии сёгуна. Французские инженеры строили по заказу бакуфу арсеналы и доки. В Японии действовала, наконец, французская военная миссия, возглавляемая полковником Шамоynom. Рош не только сам помогал бакуфу, но и обратился в феврале

¹ См. *Киёдава Киёси*, цит. соч., т. I, стр. 164.

1868 г. с призывом ко всем иностранным представителям в Японии расширить помощь бакуфу, являющемуся, как он заявил, единственным законным правительством Японии, борющимся с инсургентами¹.

С аналогичным предложением вмешаться во внутренние дела Японии, но уже не на стороне бакуфу, а на стороне антисёгунской оппозиции, неоднократно выступал и английский посол Паркс. Именно он ещё в конце 1866 г., вернувшись из поездки по юго-западным княжествам, «направил всем иностранным послам секретный меморандум, требуя их согласия на проведение политики, направленной на свержение бакуфу»². «Это был настоящий заговор Паркса, — писал японский историк Сибата. — Если бы этот секретный план был проведён в жизнь, то Япония оказалась бы расколотой на мелкие части, которые представляли бы собой прекрасную приманку для хищников»³.

Парксу не удалось добиться совместного выступления всех держав против бакуфу. Но с тем большим усердием английский посол продолжал оказывать помощь антисёгунскому блоку.

¹ «Франция с самого начала оказывала помощь бакуфу...», — писал Сибата Сюдзо (см. *Сибата Сюдзо*, цит. соч., стр. 83).

Киёдзава утверждает даже, что после разгрома армии сёгуна и его бегства в Эдо французский посол Рош предложил ему дать в долг военные суда, вооружение и деньги для организации дальнейшего сопротивления, но что Кэйки якобы отказался, боясь взрыва возмущения в стране в случае использования им иностранной помощи. (*Киёдзава Киёси*, цит. соч., т. I, стр. 161.) Этот факт не подтверждается известными нам источниками.

Рош оказался настолько скомпрометирован своими связями с бакуфу, что после падения сёгуната был вынужден покинуть Японию. Американский посол Ван Волькенбург писал в Вашингтон о деятельности Роша:

«Сообщая своим коллегам о намерении уехать во Францию, что всех нас очень удивило, французский посол Рош заметил, что причины этого носят сугубо личный характер. Он сказал, что был горячим сторонником Тайкуна и что в связи с его изгнанием из этой части страны и обвинением в бунте, сделанном микадо, он считает своим долгом возвратиться во Францию и лично дать соответствующие разъяснения своему правительству...»

Я уверен, что г. Рош был довольно тесно связан с правительством Тайкуна и обеспечил своим соотечественникам большие контракты на поставку машин, тканей и готового платья для японского правительства». («40-th Congress, 2-nd Session. Senate Executive Documents», No. 65, W. 1868, стр. 24—25.)

² *Сибата Сюдзо*, цит. соч., стр. 82—83.

³ Там же, стр. 83.

Армия противников сёгуната оснащалась английским оружием и обучалась английскими инструкторами, которые действовали под руководством развившей широкую деятельность английской военной миссии, возглавляемой капитаном Трэси.

Чтобы установить более тесные связи с руководителями антисёгунского движения, английский посол Паркс в начале 1867 г. встретился в Хиого с Сайго Такамори. Он дал ему понять, что Англия готова оказать моральную и материальную поддержку борьбе с бакуфу.

Не придерживались строго нейтралитета во время революции и Соединённые Штаты Америки. Как и в начале 60-х годов, они держали сторону бакуфу. Ещё в середине десятилетия американский посол в Японии Прайн оказал всемерную поддержку правительству сёгуна в размещении заказов на постройку военных судов на американских верфях. «Хотя японцы явно готовились не только к гражданской войне, но и к отпору всё усиливающемуся давлению Великобритании и других договорных держав,— писал американский историк Деннетт,— Прайн совершил из ряда вон выходящий поступок и, одобрив просьбу японского правительства, сам стал его коммерческим агентом в этом деле»¹.

В самый разгар революции, в 1867 г., американский посол в Японии получил от государственного секретаря Сьюарда директиву оказывать полную поддержку бакуфу. Сам Сьюард признавался в 1870 г., что он делал всё возможное, чтобы сохранить режим сёгуната. «Я использовал всё своё влияние,— писал Сьюард,— чтобы предотвратить недавнюю революцию в Японии, потому что я считал её движением регрессивным»².

Несмотря на ясно выраженный курс на помощь бакуфу, представители США в Японии в то же время сквозь пальцы смотрели на операции американских купцов, которые снабжали оружием не только армию сёгуна, но и его противников. Сторожевые посты бакуфу доносили, например, о нелегальной торговле американцев ещё в конце 1864 г.:

«18 дня 11 луны (17 декабря 1864 г.). Иностранный корабль стал на якорь в Монги-но ура в провинции Нагато; его посетили 6 или 7 человек из людей княжества Нагато.

¹ *Dennett*, цит. соч., стр. 397.

² См. *Nitobe*, цит. соч., стр. 84.

Затем 10 иностранцев, вооружённых ружьями, сошли на берег в Хатикэн близ Акамагасэки. Одной из наших лодок было установлено, что это был американский корабль.

19 дня 11 луны (18 декабря 1864 г.). Три или четыре человека, которые, как мы полагаем, были самураями княжества Нагато, посетили американский корабль в море у Монги-но ура и принесли на борт ящик; после этого они вернулись обратно¹. Множество такого рода сообщений поступало в середине 60-х годов в Эдо.

Таким образом, Соединённые Штаты, так же как Англия и Франция, активно вмешивались во внутренние дела Японии во время революции 1867—1868 гг.

Единственной великой державой, которая действительно строго придерживалась в этот период нейтралитета, была Россия. Военные суда России ни разу не участвовали в карательных экспедициях, организованных США, Англией и Францией против японского народа. В инструкции, полученной от царского правительства первым русским поверенным в делах в Японии Бюцовым, говорилось: «Мы занимаем в отношении Японии совершенно исключительное положение, отличное от того, в котором находятся другие иностранные государства; оно обусловлено, с одной стороны, близким соседством нашим к Японии, с другой — отсутствием, по крайней мере на некоторое ещё время, торговых интересов, привлекающих туда другие нации; наше соседство не позволяет нам оставаться равнодушными ко всему происходящему в Японии: мы должны зорко следить за внутренним её развитием; отсутствие же торговых интересов даёт нам возможность быть гораздо снисходительнее других держав в наших требованиях и даже оказывать поддержку японскому правительству». В инструкции Бюцову категорически предписывалось «избегнуть и тени вмешательства» во внутренние дела Японии².

Вмешательство США, Англии и Франции в междоусобную борьбу в Японии закономерно вытекало из колониза-

¹ «Дайниппон гайко бунсё» (Документы по внешней политике Японии), т. 2, Токио 1936, стр. 327.

² Архив внешней политики России, Главный архив, 1—9, 1878, № 180. Цит. по «Международные отношения на Дальнем Востоке (1870—1945 гг.)», Госполитиздат, 1951, стр. 32.

торской политики этих государств в странах Востока. Делая ставку на победу одного из враждующих лагерей, каждая из великих держав рассчитывала укрепить свои позиции и добиться господствующего экономического и политического положения в стране.

Вмешательство извне оказало известное влияние на ход революции, на её темпы, её характер. Но оно ни в коем случае не было решающим, не было причиной революции. Революция была закономерным завершением длительного процесса разложения феодализма и зарождения элементов капитализма в Японии. Она была продуктом японским, выросшим на базе сложившихся в Японии исторических условий. Ложны и неправомерны всякого рода теории буржуазных экономистов и историков об импортном характере этой революции. Вмешательство Франции или США на стороне бакуфу не могло спасти обречённый историей режим сёгуната. Точно так же и победа феодально-буржуазного блока отнюдь не была целиком и полностью обусловлена помощью Англии. Никакое вмешательство извне не могло остановить исторически закономерный ход развития общества.

Японская буржуазная историография выдвинула ряд глубоко ошибочных, антинаучных теорий по вопросу о причинах буржуазной революции в Японии. Одна из них—это теория об импортном характере так называемой «революции Мэйдзи», о решающей роли, которую сыграли в её подготовке открытие страны и вторжение иностранного капитала.

Автор известной работы «История революции Мэйдзи» Инобэ Сигэо, например, писал, явно переоценивая значение открытия Японии:

«Теперь почти невозможно себе представить, каким громадным стимулом послужило для Японии тех дней прибытие «Чёрных кораблей». Их влияние было первым шагом на пути социальных реформ, и оно вызвало к жизни самые важные и самые главные причины, которые привели в конечном счёте к восстановлению власти императора. Историю революции Мэйдзи непременно следует начинать именно с рассказа о прибытии «Чёрных кораблей»»¹.

¹ Инобэ Сигэо, Мэйдзи син си (История революции Мэйдзи), Токио 1929, стр. 1—2.

Ещё более определённо высказывался видный японский экономист Такахаси Камэкичи, доказывавший, что внешнее влияние было якобы основной причиной возникновения капитализма в Японии. Эту точку зрения он с упорством отстаивал в ряде своих работ. Так, в капитальном труде «История развития промышленности в периоды Мэйдзи и Тайсё» Такахаси подчёркивал, что, по его глубокому убеждению, в условиях изоляции в Японии не могли зародиться первичные формы капиталистической промышленности, что в период позднего феодализма в Японии не мог сложиться капиталистический уклад. Такахаси писал далее, что открытие страны и проникновение в Японию иностранного капитала были основной причиной революции Мэйдзи ¹.

Вот, наконец, ещё один пример, доказывающий живучесть теории об импортном характере революции в Японии. Киёдзава Киёси, автор двухтомной «Истории японской дипломатии», которая вышла в свет в годы войны на Тихом океане, в 1942 г., пытается убедить читателей в том, что «главную роль в свержении бакуфу сыграли всё же не внутренние силы, а давление извне» ².

Таким образом, буржуазная историография не желает считаться с внутренним процессом разложения феодализма в Японии. Отстаивая в корне ошибочную точку зрения об импортном характере японского капитализма, она на место глубокого анализа объективных законов развития общества ставит давно уже обанкротившуюся идеалистическую теорию «внешнего толчка».

Марксистско-ленинская историческая наука, вооружённая самой передовой и глубоко научной теорией познания — диалектическим материализмом, полностью отбрасывает подобного рода теории, как пустой и никчёмный бред. Она доказала, что капитализм вырос и развивался в Японии на базе конкретных исторических условий. Элементы капиталистического производства зародились ещё в недрах феодализма; именно там сложился капиталистический уклад. Пробивающий себе дорогу закон обязательного соответствия производственных отно-

¹ См. Такахаси Камэкичи, Мэйдзи Тайсё сангё хаттацу си (История развития промышленности в годы Мэйдзи и Тайсё), Токио 1926, стр. 28, 36—37.

² Киёдзава Киёси, цит. соч., т. I, стр. 27.

пений характеру производительных сил сделал неизбежной буржуазную революцию. Развивающиеся производительные силы не могли более терпеть жёсткие рамки феодальных производственных отношений. Противоречие между ними должно было найти и нашло своё разрешение в революционном взрыве, в сломе старых, отживших производственных отношений.

Но исторический материализм учит рассматривать все явления в их многообразии и взаимозависимости. Поэтому, говоря о революции 1867—1868 гг., нельзя абстрагироваться от важнейшей особенности исторического развития Японии в XVII—XIX веках — от её изоляции от внешнего мира. Эта изоляция консервировала феодальные производственные отношения, в определённой мере тормозила их разложение.

Прекращение изоляции и выход Японии на мировой рынок послужили катализатором, ускорившим ход протекавших в недрах феодализма процессов.

Открытие страны способствовало обострению всех противоречий феодального общества и тем самым вело к ускорению революционного взрыва.

Но вместе с тем — и в этом диалектика исторического развития Японии — открытие страны посредством иностранного вооружённого вмешательства тормозило естественный ход революции. Революция протекала в специфической обстановке полукOLONИАЛЬНОЙ страны, опутанной неравноправными договорами, в обстановке активного вмешательства иностранных капиталистических государств.

Поддержка со стороны Соединённых Штатов и Франции дала сёгунату возможность несколько укрепить своё положение и лучше подготовиться к борьбе со своими противниками. С другой стороны, Англия, оказывавшая всемерную помощь оппозиционному блоку юго-западных княжеств, всеми мерами стремилась не допустить значительного укрепления центральной власти в стране после революции, что могло бы создать угрозу вырванным ею у Японии уступкам и привилегиям. Напуганная грозным восстанием тайшинов в Китае, Англия стремилась ограничить революционные преобразования и направить все силы победившего буржуазно-помещичьего блока на борьбу с народными массами, мощные восстания которых создавали основную угрозу иностранному господству в Японии. Иностранное вмешательство, неравноправное,

полуколониальное положение Японии оказались, таким образом, серьёзным препятствием на пути развития революции.

Революция в Японии закончилась компромиссом между буржуазией и феодалами, который был обусловлен слабостью буржуазии, её тесными связями с феодальными элементами, её страхом перед движением народных масс, а также активным вмешательством иностранных капиталистических государств. Это определило половинчатость, незавершённость революции, которая не покончила сразу с феодализмом; пережитки его сохранились до наших дней.

Великим державам — США, Англии и Франции не удалось в середине XIX века полностью превратить Японию в свою колонию, хотя неравноправные договоры ограничивали её национальный суверенитет и лишали её экономической самостоятельности. Япония смогла в условиях интенсивной экспансии иностранного капитала быстро, в течение нескольких десятилетий, превратиться из отсталой, феодальной страны в страну развитого капитализма.

Японии удалось в середине XIX века сохранить свою государственность и избежать превращения в колонию одной из великих держав потому, что жесточайшая конкуренция между США, Англией и Францией, которые в равной мере пытались овладеть Японией, облегчала ей борьбу за свой суверенитет. Столкновение интересов великих держав можно проследить в течение всей истории открытия Японии иностранным капиталом в середине XIX века. Именно эта ожесточённая конкурентная борьба, порождённая глубочайшими экономическими противоречиями капиталистического мира, мешала созданию прочного блока представителей США, Англии и Франции в Японии. Выступая совместно в карательных экспедициях против японского народа, они в то же время зорко следили за действиями друг друга, стремясь не допустить усиления влияния одной из конкурирующих держав. И действительно, если вчитаться в тексты договоров, заключённых между Японией, с одной стороны, и США, Англией и Францией — с другой, то невольно бросится в глаза их почти полная идентичность: ни одна держава не имела в Японии значительных преимущественных прав по сравнению с другой. Итак, конкурентная борьба между

великими державами являлась первой причиной, помешавшей одной из них превратить Японию в свою колонию.

Вторая причина заключалась в том, что по соседству с Японией находился богатый Китай, и именно туда были в первую очередь устремлены алчные взоры колонизаторов. Значительно более бедная Япония далеко не обладала для экспансионистов такой притягательной силой, как Китай. И если вспомнить, что экспансия США и европейских капиталистических держав в Японии развёртывалась как раз во время мощного восстания тайпинов в Китае, угрожавшего навсегда вышвырнуть иноземных завоевателей с китайской земли, то будет понятно, что им было не до Японии — всё их внимание было приковано к событиям в Китае; здесь же были сконцентрированы и их вооружённые силы.

И, наконец, третья причина того, что в бурные годы накануне революции Японии удалось избежать превращения в колонию одной из великих держав, кроется в специфике её экономического и политического развития. К середине XIX века в стране уже довольно далеко зашёл процесс разложения феодализма и зарождения капиталистического уклада. Начал складываться класс буржуазии, ещё слабой, неорганизованной, пытавшейся опереться, с одной стороны, на отдельные группы феодалов и с другой — на помощь извне, на помощь иностранного капитала. Она готова была пойти на любой стовор с иностранцами, лишь бы обеспечить себе их поддержку в борьбе за политическую власть, в борьбе против сёгуната. Что же касается дома Токугава, то он не мог и думать о сопротивлении иностранным государствам. Создалось, следовательно, такое положение, когда феодальное правительство шло на одну уступку за другой, удовлетворяя все требования иностранцев, а борющаяся против него буржуазно-феодальная оппозиция в свою очередь обещала иностранным государствам предоставить им дальнейшие привилегии в случае своей победы. Для иностранных колонизаторов это была беспроигрышная игра: и в том и в другом случае они получали или по крайней мере могли надеяться на получение всего, что требовали. Напряжённая политическая обстановка в стране, создавшаяся в результате борьбы двух лагерей, побуждала великие державы ограничиваться активной материальной и моральной поддержкой воюющих сторон,

не прибегая к оружию, что спасло Японию от вооружённой интервенции и порабощения одним из капиталистических агрессоров.

Однако если Япония и не стала колонией одной из великих держав, то она всё же оказалась поставленной неравноправными договорами на положение полуколонии. И громадную роль в этом сыграли Соединённые Штаты. Именно они заставили Японию под жерлами пушек своих военных кораблей открыть двери для иностранного капитала. Именно они навязали ей первый неравноправный договор, послуживший прообразом для целой серии договоров, которые Япония была вынуждена заключить с другими капиталистическими хищниками. Соединённые Штаты, наконец, были инициаторами, активными организаторами и участниками всех карательных экспедиций против японского народа. Не отставали они от европейских капиталистических держав и во вмешательстве во внутренние дела Японии в период буржуазной революции.

Япония была единственной страной на Востоке, где американскому капиталу, поздно вышедшему на путь колониального разбоя, удалось пустить глубокие корни. Здесь он выступал не как младший партнёр старых капиталистических держав Запада, а как их соперник по грабежу.

Вся история закабаления Японии иностранным капиталом в прошлом столетии неразрывно связана с историей агрессивной политики правительства Соединённых Штатов. Американские экспансионисты выступали в середине XIX века как злейшие враги японского народа, пытавшиеся надеть на него колониальное ярмо.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Американская экспансия в Японии в 1853—1868 гг. была частью обширной программы колониальных захватов, сформулированной в лозунге «Господство на Тихом океане» («Mastery of the Pacific»), который был выдвинут в середине XIX века торгово-промышленной буржуазией Соединённых Штатов.

В 40—50-х годах XIX века американский капитал развернул широкую экспансию в странах Тихоокеанского бассейна, пытаясь захватить там господствующие экономические, политические и стратегические позиции.

Уже в эти годы наиболее рьяные экспансионисты во всеуслышание заявляли, что Тихий океан должен быть превращён в американское озеро. «Что касается Америки,— писал в 1937 г. известный апологет американского империализма Фостер Ри Даллес,— то в течение всего столетия может быть прослежена идея о том, что никакой другой державе не должно быть позволено установить своё господство на Тихом океане или исключительный контроль над его торговлей»¹.

В 1852 г. сенатор Сьюард, один из самых ярких вдохновителей американской экспансии и будущий государственный секретарь США, заявил: «Наша страна должна стать морской державой; только тогда её можно будет назвать настоящей державой». Разъясняя свою мысль, Сьюард подчеркнул, что новая империя должна включать в себя как

¹ F. R. Dulles, *Forty Years of American-Japanese Relations*, New York — London 1937, стр. 2—3.

Тихий, так и Атлантический океаны и что в недалёком будущем «интересы США на Атлантическом океане станут относительно менее важными, в то время как Тихий океан, его берега, острова и прилегающие территории станут главным театром действий в великом завтрашнем дне мира»¹.

Агрессивный принцип «Господство на Тихом океане» лёг в основу дальневосточной политики Соединённых Штатов. Американская дипломатия неизменно пыталась проводить его в жизнь. Менялись формы экспансии, менялись её методы, но оставалось постоянное стремление американского капитала в богатые страны Востока, оставалось ненасытное желание новых рынков, новых прибылей.

Однако эти стремления не были подкреплены достаточной экономической и военной мощью. Соединённые Штаты ещё значительно отставали от Англии по уровню своего промышленного развития. Именно в эти годы Маркс писал, что США сами «в экономическом смысле все еще представляют собой колонию Европы»². В военном отношении США также были слишком слабы для проведения широкой вооружённой интервенции в странах Азии.

Это, конечно, отнюдь не исключало возможности захвата на какой-то срок важных позиций в отдельных азиатских странах. Но в том-то и проявился авантюризм американских экспансионистов, что они оказывались, как правило, не в состоянии сохранить за собой эти позиции. И в Китае, и в Японии, и в Корее американским колонизаторам приходилось в течение второй половины XIX века довольствоваться ролью младших партнёров ведущих европейских государств. Ведь «при капитализме, — как указывал В. И. Ленин, — немыслимо иное основание для раздела сфер влияния, интересов, колоний и пр., кроме как учет *силы* участников дележа, силы общеэкономической, финансовой, военной и т. д.»³.

В 50-х годах XIX века американская буржуазия особый интерес проявила к захвату ведущих позиций в Японии. Это объяснялось как важным стратегическим положением островной империи, расположенной в непосредственной близости от Китая, так и теми экономическими

¹ См. *Dennett*, цит. соч., стр. 408.

² *К. Маркс*, Капитал, т. I, стр. 768, примечание 253.

³ *В. И. Ленин*, Соч., т. 22, стр. 281.

выгодами, которые сулило проникновение на новый, не захваченный ещё иностранным капиталом рынок.

В развитии американской экспансии в Японии в середине XIX века можно различить два основных периода.

Первый период охватывает 1853—1858 гг. В это пятилетие были заключены первые японо-американские договоры 1854, 1857 и 1858 гг., на которых более 40 лет базировались затем японо-американские отношения. Основными методами американских экспансионистов были угрозы, шантаж и военные демонстрации. Следует также отметить, что в эти годы США предпочитали воздерживаться от каких-либо совместных действий с европейскими капиталистическими государствами, стремясь обеспечить за собой господствующие экономические и политические позиции в Японии и оттеснить на задний план старые колониальные державы.

Этот период открывается появлением у японских берегов мощной американской военно-морской эскадры под командованием коммодора Перри, которому было приказано во что бы то ни стало добиться открытия Японии, установить с нею торговые и дипломатические отношения и заручиться согласием японского правительства на создание в ряде пунктов страны баз для американского флота.

Экспедиция коммодора Перри носила ярко выраженный агрессивный характер. Инструкции государственного секретаря, полученные Перри перед отплытием из США, его собственные дневники, записи его спутников по экспедиции и прочие документы не оставляют никаких сомнений в том, что коммодор готов был прибегнуть к вооружённой силе в случае отказа японцев удовлетворить американские требования.

В середине XIX века феодальная Япония переживала жесточайший экономический и политический кризис. Сёгунат, раздираемый внутренними противоречиями, был не в состоянии возглавить борьбу против вторжения капиталистических хищников. Перед лицом иностранной интервенции правительство сёгуна пошло по пути капитуляции, приняв требования американских агрессоров.

31 марта 1854 г. в Канагава был подписан первый японо-американский договор, который открывал собой 45-летнюю историю японо-американских отношений, базирующихся на неравноправных, кабальных договорах, навязанных Японии Соединёнными Штатами.

Этот договор не удовлетворил, однако, американскую буржуазию, ибо в нём ничего не говорилось об установлении торговых отпощений. Поэтому правительство Соединённых Штатов предложило своему генеральному консулу в Японии Таунсенду Гаррису заставить японское правительство подписать с США новый договор, который открывал бы японский рынок для американских торговых компаний.

В 1857 г. после длительных переговоров, во время которых Гаррис широко применял шантаж и угрозы, японскому правительству, опасавшемуся открытия военных действий, пришлось пойти на подписание японо-американской конвенции. Она содержала ряд положений, которые имелись в заключённых в 1854—1857 гг. договорах между Японией и европейскими капиталистическими державами и распространялись на США согласно принципу наибольшего благоприятствования.

Год спустя, в 1858 г., эта конвенция была заменена новым, ещё более тяжёлым для Японии договором, который оставался в силе до 1899 г.

Согласно этому договору для американской торговли открывался ещё ряд портов и устанавливались низкие таможенные тарифы, которые позволяли США начать широкую торговую экспансию в Японии.

Этот договор открывал перед американской буржуазией широкие возможности эксплуатации японского рынка. Вместе с тем он содержал и ряд важнейших положений политического и военного характера.

Так, по требованию американского представителя в договор была включена статья об арбитраже президента США в случае возникновения спорных вопросов между Японией и любой европейской державой. Расширению американского влияния в Японии способствовала и статья 10 договора, согласно которой Япония получала право покупать и заказывать в США вооружение и военные корабли, а также наемать всякого рода американских специалистов. Важным орудием закабаления Японии было содержавшееся в договоре 1858 г. положение об экстерриториальности американских граждан.

Японо-американский договор 1858 г. был, таким образом, договором неравноправным, ибо все его положения носили односторонний характер и предоставляли американцам такие права в Японии, какими никогда не пользо-

вались японцы в США. Он был также договором кабальным, ибо лишал Японию таможенной автономии и ставил её в правовом отношении на положение полуколонии. Как история заключения этого договора, так и его содержание говорят о том, что Соединённые Штаты выступали в Японии в эти годы таким же хищником и колонизатором, как, например, Англия в Китае.

Второй период в истории американской экспансии в Японии в середине XIX века охватывает 1859—1868 гг. Он характеризуется ясно выраженным стремлением США закрепить и расширить те привилегии, которые были получены ими по соглашениям, заключённым в 1854—1858 гг. Американская политика в Японии осталась, следовательно, прежней по своему содержанию: её главной целью было, как и раньше, расширение позиций американского капитала в этой стране. Что же касается методов её осуществления, то они стали ещё более наглыми и агрессивными. В эти годы США перешли от угроз и демонстраций к открытым вооружённым действиям, выступив инициатором и организатором карательных экспедиций против японского народа. В качестве предлога для вооружённых репрессий были использованы выступления против иностранцев, которые имели место в некоторых пунктах Японии.

В 1863 г. американский военный флот «Веминг» подверг бомбардировке японские береговые укрепления в районе Симоносэцкого пролива. По проложенной американцами дороге пошли и другие государства. Спустя месяц последовала карательная экспедиция французов тоже в район Симоносэки. Англия в августе 1863 г. направила мощную эскадру на юг Японии — к городу Кагосима. В результате зверской бомбардировки жилых кварталов английскими кораблями было разрушено и сожжено более 500 домов; пострадало большое количество жителей.

Карательные экспедиции капиталистических государств преследовали две цели: во-первых, запугать японцев и сломить их сопротивление иностранной агрессии и, во-вторых, навязать Японии новые, ещё более тяжёлые соглашения, направленные на полное подчинение страны иностранному капиталу.

Соединённые Штаты шли впереди европейских капиталистических держав по количеству и наглости предъявля-

смых японскому правительству требований. В 1863 г. они потребовали выплатить крупную сумму в виде компенсации за потери, якобы понесённые американскими гражданами в Японии. В сентябре 1864 г. США приняли активное участие в организации и проведении совместно с Англией, Францией и Голландией карательной экспедиции в районе Симоносэцкого пролива.

В 60-х годах XIX века между великими державами разгорелась ожесточённая конкурентная борьба за господство в Японии. Однако противоречия между капиталистическими хищниками не мешали им выступать совместно во всех случаях, когда речь шла о дальнейшем ущемлении суверенных прав Японии. Так, в 1866 г. по инициативе американского представителя в Японии Прайна была проведена очередная военно-морская демонстрация в Осацком заливе. Под давлением иностранцев японское правительство было вынуждено пойти на новые уступки и согласиться на подписание тарифной конвенции, согласно которой все импортируемые в Японию товары либо совсем освобождались от оплаты пошлиной, либо облагались пошлиной в размере всего 5% от их стоимости. Этот грабительски низкий таможенный тариф предоставлял иностранным государствам широчайшие возможности для эксплуатации японского рынка и наносил тяжёлый удар экономике Японии.

Ряд документов свидетельствует о том, что США наряду с Англией и Францией активно вмешивались во внутренние дела Японии в период подготовки и осуществления буржуазной революции 1867—1868 гг.

История американской экспансии в Японии в середине XIX века подвергается чудовищной фальсификации реакционной американской историографией, поставленной на службу поджигателям войны. Это делается для того, чтобы скрыть от народов всего мира и прежде всего от японского народа агрессивный характер политики США на Дальнем Востоке в прошлом веке и тем самым усыпить его бдительность в отношении колонизаторских планов американских оккупантов в настоящее время.

Американские реакционные историки пытаются убедить читателей в том, что методы американской политики на Дальнем Востоке и, в частности, в Японии в корне отличались от насильственных методов действий европейских капиталистических держав.

Характерна в этом отношении вышедшая в свет в 1942 г. книга бывшего советника государственного департамента США Хорнбека. Бесперемонно извращая исторические факты, он писал, что в 50—60-х годах XIX века «США отказались участвовать в действиях, напоминающих агрессию, и использовали своё влияние для противодействия всяким тенденциям подобного рода со стороны любого государства...»¹. «Намерения Соединённых Штатов в западной части Тихого океана и в Восточной Азии, — продолжал Хорнбек, — всегда были мирными намерениями, наши действия — мирными действиями»². И ещё: «У Соединённых Штатов не было причин для применения силы на Дальнем Востоке...»³.

Однако исторические факты говорят об обратном. Они говорят, как было показано выше, о том, что и Перри и Гаррис вырвали у японцев те или иные уступки только в результате угроз и военных демонстраций. Факты говорят и о том, что в 60-х годах США не остановились перед применением вооружённой силы, чтобы закрепить ранее достигнутые привилегии и добиться дальнейшего расширения своих прав в Японии.

Таким образом, как по своему содержанию и направленности, так и по своим методам американская политика в отношении Японии в середине XIX века ничем не отличалась от колонизаторской политики европейских капиталистических держав на Дальнем Востоке. Это была политика агрессии, направленной на захват руководящих экономических и политических позиций в Японии и порабощение японского народа.

Американская экспансия в Японии в 1854—1868 гг. была лишь началом той политики, которую проводили Соединённые Штаты на протяжении XIX века и которую проводит американский империализм в XX веке, — политики агрессии на Дальнем Востоке и грабежа азиатских народов.

Американские экспансионисты уже в 50-х годах XIX века строили планы широких территориальных захватов. Они утверждали, что Соединённым Штатам «предначертано свыше» господствовать над другими народами. Председатель Коммунистической партии США Уильям Фостер с

¹ *Hornbeck*, цит. соч., стр. 13.

² Там же, стр. 16.

³ Там же, стр. 17.

полным основанием сравнивает экспансионистов того времени с нынешними американскими империалистами. «Эти воинствующие поборники «явного предначертания», — писал Фостер, — были непосредственными предшественниками современных империалистов США, проникнутых шовинистическими идеями превосходства англо-саксонской расы; они считают, что Соединённые Штаты призваны историей управлять не только Западным полушарием, но и всем миром»¹.

Во второй половине XIX века американской буржуазии не удалось сохранить позиции, захваченные в Японии в 50—60-х годах. Англия после незавершённой буржуазной революции 1867—1868 гг. в Японии оттеснила американский капитал на задний план, установив тесные связи с новым японским правительством.

Однако потеря руководящих позиций в Японии отнюдь не означала полный отказ американской буржуазии от дальнейших попыток утвердиться в этой стране. Проникновение в Японию продолжалось непрерывно, хотя и в значительно меньших масштабах и в более завуалированной форме. Одним из методов экспансии, применяемых Соединёнными Штатами в конце 60-х — начале 70-х годов, было насаждение американских советников в различных японских учреждениях. В их задачи входило проведение тщательной экономической и политической разведки и идеологическая обработка японского населения в плане всемерного раздувания роли и значения США в мировой политике.

Особое внимание американской буржуазии было обращено на проникновение в органы просвещения. В Японии один за другим стали создаваться в 60—70-х годах частные американские колледжи. Вся система преподавания в них строилась с таким расчётом, чтобы внушить ученикам, что США являются самой мощной и в то же время самой «демократической» страной, которая, дескать, неустанно заботится об интересах Японии. Уже в 1872 г. некий магистр наук А. М. Скотт из Кэнтукки открыл нормальную мужскую, а в 1874 г. — женскую школы. В последующие годы аналогичные учреждения были созданы в различных городах Японии. Руководили ими зачастую полуграмотные люди, которые ничтоже сумняшея брали на

¹ У. Фостер, цит. соч., стр. 276.

себя преподавание чуть ли не всех предметов. В школе капитана Джонса в Кумамото, например, он сам преподавал и педагогику, и промышленное дело, и религию...

Кроме создания своих колледжей американские граждане также широко проникали в японские государственные и частные учебные заведения. Известный миссионер Гвидо Вербек, например, в течение четырёх лет (1869—1873 гг.) удерживал в своих руках пост президента «Кайсэй гакко» — одного из крупнейших высших учебных заведений, которое в последующие годы было преобразовано в существующий поныне Токийский университет. В 80-х годах добрая половина предметов в этом университете преподавалась американцами.

Американские советники сидели во многих правительственных органах Японии. В 1873—1879 гг. советником департамента просвещения был доктор права Муррэй. В 1871 г. пост правительственного консультанта по международному праву занимал некий Е. Смит. В департаменте финансов работали американцы Георг Вильямс и Мэтью Скотт и т. п.

Многочисленные «советники» прилагали все силы для всемерного распространения американского влияния в Японии. Одновременно они тщательно собирали и обобщали проходящие через их руки сведения об экономическом и политическом положении Японии. «Поскольку американцы состояли на службе у японского правительства, у Соединённых Штатов был собственный источник информации о положении в стране», — отмечал английский юрист Джонс¹.

Немалое место в деятельности американских представителей в Японии занимало также исследование важных военно-стратегических районов страны. С этой точки зрения весьма знаменательно, что наибольшее внимание американских экспансионистов привлекал остров Хоккайдо, расположенный в непосредственной близости от восточных владений России. Ещё при сёгунате, в 1861 г., в Японию был направлен из США некий Пумпли, называвший себя профессором. Он пробыл на Хоккайдо более двух лет, проводя тщательное исследование ряда районов острова. Интерес к Хоккайдо особенно возрос в 70—80-х годах, когда США вынашивали планы использования Японии для нападения

¹ Jones, цит. соч., стр. 103.

на Россию и отторжения части её территорий на Дальнем Востоке. В 1873—1880 гг., в течение 8 лет, по Хоккайдо рыскал «исследователь» Бэнджамин Лайман. Одновременно с ним сюда прибыла группа «специалистов», возглавлявшаяся генералом Хорейсом Капроном. Эта миссия носила откровенно разведывательный характер.

Широкое изучение экономических ресурсов Японии, а также политической обстановки в стране было непосредственно связано с далеко идущими планами Соединённых Штатов в отношении Японии. Дело в том, что уже в конце 60-х годов XIX века американскому капиталу стало ясно, что без применения оружия не удастся захватить сколько-нибудь прочные позиции в Китае, Корее и других странах Дальнего Востока. Но начинать войну за колонии было пока что слишком рискованным делом. С одной стороны, у США не было никаких владений на Дальнем Востоке, которые могли бы послужить опорными пунктами для развития агрессии. С другой стороны, любые попытки вооружённой экспансии могли бы привести к разрыву и без того напряжённых отношений с европейскими капиталистическими странами, насторожённо следившими за происками США в странах Востока. Вооружённая интервенция, таким образом, могла бы вылиться в серьёзную войну, а этого совершенно не хотела на данном этапе американская буржуазия. Следует вспомнить, что поборниками широкой экспансии на Востоке выступали лишь определённые торгово-промышленные круги, заинтересованные в установлении тесных связей с азиатскими странами. Однако подавляющее большинство американских промышленников делало ставку на получение прибылей за счёт расширения производства и усиления эксплуатации рабочих в своей стране. Они, конечно, отнюдь не были против внешних захватов, но не желали тратить на это средства. Эта часть промышленной буржуазии считала несвоевременным втягивание США в чреватый серьёзными последствиями вооружённый конфликт, когда имелись ещё громадные неосвоенные территории на Западе, обеспечивавшие «жадных колонистов землёй на ближайшие тридцать лет»¹.

Отсюда и родился новый курс американской дипломатии, решившей сделать попытку расширить американские

¹ У. Фостер, цит. соч., стр. 297.

позиции в странах Востока чужими руками. Правящие круги США считали, что наиболее подходящим орудием для достижения этой цели является Япония. Во-первых, здесь американский капитал продолжал пользоваться значительно большим влиянием, чем в какой-либо другой азиатской стране; во-вторых, американские советники доносили в Вашингтон, что в Японии есть определённые группы самурайства, недовольные резким падением своего влияния после революции и стремящиеся укрепить своё положение за счёт агрессии против соседних народов. Задача сводилась, следовательно, к тому, чтобы всячески поощрять эти стремления и воспользоваться затем плодами японской агрессии. Такая политика позволяла США оставаться в тени и «не портить отношений» с европейскими державами, усиливая в то же время свои позиции на Дальнем Востоке. Вместе с тем подобный метод действий давал американскому капиталу возможность в значительной степени укрепить свои позиции в Японии, играя на её противоречиях с другими странами, неизбежно обостряющихся по мере развития японской агрессии.

Одним из первых объектов нападения японских милитаристов должны были послужить, по планам американских экспансионистов, русские владения в бассейне Тихого океана. Уже в 60-х годах американские представители в Японии делали попытки подтолкнуть правительство сёгуна на захват близлежащих русских территорий, в частности Южного Сахалина. В апреле 1863 г. русский консул в Хакодате Гошкевич доносил, что японцы претендуют на южную часть Сахалина «по наущению иностранцев» и что американский коммерческий агент Райс отправил враждебное России письмо губернатору Хакодате. Дело приняло столь широкую огласку, что посланник России в Вашингтоне Стебль был вынужден сделать по этому поводу специальное представление государственному секретарю Сьюарду¹.

Американские подстрекатели были пойманы с поличным. Но это отнюдь не обескуражило правящие круги США. Государственный секретарь Сьюард несколько лет

¹ Архив внешней политики России, МИД СССР, фонд Главного архива, 1—9, 1860—1868 гг., д. 1, л. 57, 60, 61. Цит. по Л. Н. Кутяков, Восстановление исторических прав, «Известия АН СССР. Серия истории и философия», т. VIII, № 2, 1951, стр. 176.

спустя, в 1869 г., во время своего посещения Японии, вновь поднял вопрос о присоединении Сахалина к Японии, советуя японскому правительству действовать таким же способом, как действовали США, вынудившие Россию продать Аляску. Более того, Соединённые Штаты даже обещали Японии оказать поддержку, в случае если она предпримет попытку захватить Сахалин и Курильские острова силой ¹.

Наряду с поощрением японской агрессии против России правящие круги США пытались также использовать японских милитаристов для захвата части китайской территории. Их издавна особенно интересовал остров Тайвань, планы завоевания которого вынашивал ещё коммодор Перри.

Американский посланник в Токио де Лонг во время переговоров с лидерами японского правительства в 1872—1874 гг. настойчиво уговаривал их захватить Тайвань. Чтобы рассеять весьма обоснованные опасения за последствия этого рискованного шага, он обещал предоставить Японии всемерную военную помощь.

Практически всё руководство подготовкой экспедиции на Тайвань взял в свои руки американский генерал Лежандр. Он в течение долгого времени был консулом в Амое, где немало потратил времени и сил на сбор различного рода военно-разведывательной информации об этом острове. Когда в конце 1872 г. американское правительство по просьбе де Лонга приняло решение направить Лежандра в Японию, он был уволен с поста консула и превратился в «частное лицо». Японское правительство по рекомендации американского посланника назначило его советником морского департамента.

Лежандр развил в Токио бурную деятельность, стремясь ускорить вторжение на Тайвань. Разжигая аппетиты японских милитаристов, он доказывал им, что «будет необходима только небольшая военная экспедиция и они легко высадятся на Тайване. После же того как база будет создана, изгнать японские войска с острова будет очень трудно» ². В конечном счёте между Лежандром и японским правительством было заключено своего рода соглашение,

¹ См. Л. Н. Кутаков, К истории Портсмутского мира 1905 г., «Известия АН СССР. Серия истории и философии», т. IX, № 2, 1952, стр. 177.

² Dennett, цит. соч., стр. 440.

согласно которому после захвата острова Лежандр должен был быть назначен его губернатором. Тем самым США получали возможность установить свой полный контроль над Тайванем, отторгнутым у Китая с помощью японских вооружённых сил. В этих планах нетрудно увидеть зародыш той политики поощрения и использования японского милитаризма, которую правящие круги США проводили в последующие годы и проводят в неизмеримо более крупных масштабах в наши дни.

В апреле 1874 г. японские экспедиционные войска высадились на Тайване под предлогом наказания местных жителей за мнимое убийство рыбаков с островов Рюкю. Значительная часть солдат была перевезена на американском пароходе «Нью-Йорк». Высадку прикрывали корабли из состава американской дальневосточной эскадры. Непосредственное участие в руководстве начавшимися военными действиями принимали капитан американской армии Вассон и заместитель начальника управления американским флотом Дуглас Кассель, получивший после окончания экспедиции от японского правительства звание адмирала японского флота в знак признания его «особых заслуг».

Участие американцев в подготовке и осуществлении вторжения на Тайвань неоднократно отмечали китайские чиновники на Тайване и специальные эмиссары на юге страны. «... В настоящее время, — доносил в Пекин известный китайский государственный деятель Ли Хун-чжан, — японскими судами, которые перевозят войска, командуют многие американские офицеры»¹. Спустя несколько месяцев в другой своей депеше Ли Хун-чжан вновь подчёркивал, что «Англия и Америка фактически тайно помогают Японии, надеясь, после того как последняя добьётся для себя привилегий в Китае, урвать, в свою очередь, жирные куски»².

Соединённые Штаты, таким образом, несут наравне с японскими милитаристами ответственность за развязывание японской интервенции на исконной китайской территории — острове Тайвань.

Попытки отторгнуть у Китая Тайвань окончились провалом. Сопротивление местного населения, посылка сюда большого отряда китайских войск и, наконец, противодей-

¹ См. Лю Да-нянь, История американской агрессии в Китае, Издательство иностранной литературы, М. 1953, стр. 51.

² См. там же.

стве европейских капиталистических держав, не желавших отдавать столь лакомый кусочек в руки Японии и стоявших за её спиной Соединённых Штатов, — всё это заставило японское правительство в конечном счёте вывести свои войска с Тайваня. Используя, однако, давление, оказанное на Китай Соединёнными Штатами, Япония добилась выплаты ей контрибуции в размере 500 тыс. лянов за расходы, связанные с посылкой экспедиции. Что же касается Соединённых Штатов, то они не преминули пожать плоды японской агрессии: китайское правительство обязалось открыть Тайвань для иностранной торговли, что давало возможность американским торговым фирмам приступить к эксплуатации нового рынка.

После тайваньской экспедиции, в 80—90-х годах XIX века, США продолжали проводить политику поощрения японской агрессии. Японский милитаризм они стремились противопоставить растущему влиянию Англии и царской России на Дальнем Востоке. По торговому соглашению 1873 г. США передали Японии большое количество различного военного снаряжения, которое было использовано для модернизации армии. В 1876 г. Японии, которая сама была ещё опутана неравноправными договорами, удалось при прямой поддержке США навязать первый кабальный договор Корею. При непосредственном участии США было подготовлено также нападение на Китай в 1894 г. Наконец, хорошо известно, что американское правительство сыграло не последнюю роль в развязывании русско-японской войны 1904—1905 гг., всемерно проводя нападение Японии на Россию.

Вступление Японии на путь агрессивных войн вело к дальнейшему усилению империалистических противоречий на Дальнем Востоке. Японские милитаристы, используя поддержку США, в то же время не проявляли ни малейшего желания делиться с американскими монополистами своей добычей. Более того, они были не прочь поживиться за счёт своего богатого покровителя. Это вело к обострению японо-американского соперничества в странах Востока. Однако после того, как в России победила социалистическая революция, правящие круги США готовы были смириться с явным ущемлением их интересов в ряде стран Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии, лишь бы подтолкнуть Японию на выступление против СССР, лишь бы использовать её армию для войны против

первого в мире социалистического государства. В этом была также сущность американской политики поощрения японской агрессии, проводившейся в 1931—1941 гг. под флагом «невмешательства».

Однако агрессивные замыслы американских империалистов бесславно провалились. Получив сокрушительный отпор при попытках вторгнуться на территорию СССР и МНР в районах Хасана и Халхин-Гола, японские милитаристы сочли за благо воздержаться от нападения на мощное Советское государство. Империалистические противоречия оказалось невозможным разрешить за счёт Советского Союза. «Борьба капиталистических стран за рынки и желание утопить своих конкурентов оказались практически сильнее, чем противоречия между лагерем капитализма и лагерем социализма»¹.

Нападение вооружённых сил Японии на крупнейшую базу военно-морского флота США — Пирл-Харбор в декабре 1941 г. и война между Японией и США явились закономерным результатом политики «невмешательства».

Война, развязанная милитаристской Японией, окончилась её сокрушительным разгромом, в котором решающую роль сыграли Советские Вооружённые Силы. Потеряв свои отборные армии, Япония была вынуждена капитулировать. Это была великая победа дела мира, победа прогресса над силами реакции.

Окончание второй мировой войны открыло перед японским народом путь к построению мирного, демократического, свободного и независимого государства. Однако уже с первых дней оккупации Японии американскими войсками стало ясно, что они не дадут демократическим силам Японии пойти по этому пути. Соединённые Штаты, грубо растоптав международные соглашения по Японии, стали на путь возрождения японского милитаризма, на путь превращения Японии в ударную силу своей агрессии на Дальнем Востоке. Американские империалисты не желают считаться с уроками истории. Они вновь лелеют планы использования японской армии для нападения на Советский Союз и Китайскую Народную Республику, для подавления национально-освободительных движений в странах Юго-Восточной Азии.

¹ И. В. Сталин, Экономические проблемы социализма в СССР, Госполитиздат, 1952, стр. 35.

Руководящие деятели США откровенно заявляют, что даже те куцые мероприятия по ограничению военного потенциала Японии, которые они были вынуждены провести в первое время после капитуляции под давлением мирового общественного мнения, являются «серьёзной ошибкой». Об этом громогласно объявил, например, не кто иной, как вице-президент США Никсон в своей речи в Токио 19 ноября 1953 г.¹ Такой же «ошибкой» было, оказывается, и включение в конституцию Японии статьи 9, устанавливающей, что «японский народ навсегда отказывается от войны как суверенного права нации, отказывается от угроз или использования силы как средств разрешения конфликтов с другими нациями»². Американская печать не скрывает, что правящие круги США сейчас ускоренными темпами стремятся исправить эту так называемую «ошибку», которая в действительности является одним из крупнейших провалов американской внешней политики в послевоенные годы. Дело в том, что американская дипломатия делала в 1945—1946 гг. ставку на гоминдановский Китай, рассчитывая именно его использовать в своих агрессивных планах. Однако народная революция и образование Китайской Народной Республики сорвали эти планы. Американским империалистам пришлось срочно перестраиваться, ориентируясь уже на использование в качестве ударной силы в Азии возрождённой японской армии.

«Наши стратеги смотрят на Японию, как на Тихоокеанскую Германию», — писал хорошо информированный военный обозреватель газеты «Нью-Йорк таймс» Хэнсон Болдуин. Разъясняя свою мысль, он подчёркивал, что «вооружение Японии и её возрождение как великой некоммунистической державы имеют большое значение»³. «Мы должны удерживать за собой как Азию, так и Европу, а ключом к этому — совершенно необходимой основой нашей военной, политической и экономической стратегии — являются сейчас Германия и Япония»⁴, — выдавал Болдуин в другой своей статье планы стратегов из Пентагона.

¹ «Nippon Times», November 20, 1953.

² «The Japan Year Book. 1949—1952», Токио 1952, appendix, стр. 2.

³ «New York Times», June 21, 1953.

⁴ «New York Times Magazine», August 16, 1953, стр. 52.

По команде из Вашингтона Япония должна будет предоставить свою возрождаемую армию для участия в американских авантюрах на азиатском материке. Захлебываясь от восторга, американский журнал «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт» успел даже подсчитать, что Япония может выставить армию в 7 млн. человек. Использование этой наёмной армии, по мнению журнала, — весьма выгодный бизнес, даже если взять на себя снабжение её оружием. «Экономия для Соединённых Штатов, даже если они будут продолжать оказывать военную помощь Германии и Японии, может выразиться в миллиардах долларов и сотнях тысяч молодых людей», — подсчитывал «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт»¹.

Использование Японии в интересах агрессии на Дальнем Востоке приветствуется монополистами Уолл-стрита. Однако, как ни заманчивы эти перспективы, правящим кругам США всё же приходится считаться с тем, что японский народ решительно отвергает милитаризацию.

Войны, развязанные японскими монополиями и милитаристской кликой на протяжении последних десятилетий, принесли неисчислимые жертвы и страдания населению Японии. С 1894 по 1945 г. Япония более 20 лет непосредственно вела войны и по меньшей мере ещё столько же готовилась к ним. Дорого обошлись японскому народу эти полвека. Только во время второй мировой войны были убиты и ранены 3 млн. 662 тыс. человек², уничтожены огромные материальные ценности. Сотни тысяч людей погибли в результате варварской атомной бомбардировки американскими самолётами мирных городов Хиросима и Нагасаки. Полуголодный, нищенский уровень жизни подавляющего большинства населения — таково прямое следствие военных авантур, предпринимавшихся в прошлые годы в интересах монополистического капитала. Войны тормозили развитие науки и культуры в стране, отрывали миллионы людей от домашних очагов, от мирного труда. Они вели страну к катастрофе.

Шпрокне слои населения Японии не хотят новых войн. Они не хотят, чтобы японская молодёжь шла на смерть ради интересов американских магнатов капитала и тесно

¹ «United States News and World Report», November 6, 1953, стр. 29.

² «Information Please Almanack», New York 1953, стр. 260.

связанных с ними японских милитаристов. Они ведут борьбу за ликвидацию американских баз на японской территории, за установление нормальных дипломатических и торговых отношений со всеми странами и в первую очередь со своими великими соседями — Советским Союзом и Китайской Народной Республикой.

Громадный размах, который приняла эта борьба, не на шутку тревожит Вашингтон. Бюллетень «Форин рипорт», издаваемый влиятельным английским журналом «Экономист», подчёркивал, что командующий американскими войсками на Дальнем Востоке Марк Кларк и посол в Токио Джон Аллисон «серьёзно обеспокоены растущими масштабами и силой осуждения общественностью американских войск и наличия их баз в Японии... Японцы сейчас с энтузиазмом восприняли лозунг «Амэко, каэрэ!» («Янки, убирайтесь домой!») и всё более решительно... выступают в своих антиамериканских демонстрациях»¹.

Аналогичного рода сообщения публикует и американская реакционная пресса. Нехотя, сквозь зубы, она вынуждена признавать, что японская земля горит под ногами оккупантов, что они чувствуют себя в Японии, как на грозно хлопочущем вулкане. Одна из самых влиятельных американских газет — «Нью-Йорк таймс», тесно связанная с правительственными кругами, в сентябре 1953 г. опубликовала статью своего токийского корреспондента Джордена, в которой он пишет, что многие американские официальные лица «всё больше стали проявлять беспокойство в связи с ростом антиамериканских настроений среди японского народа». Джорден вынужден констатировать, что «за последние месяцы японские газеты и журналы были наводнены статьями на эту тему. Помимо редакционных статей и комментариев, печать также часто помещает на своих страницах информацию о митингах, демонстрациях, петициях и т. д., темой которых являются антиамериканские настроения. В огромном количестве выпускаются книги и кинофильмы, которые раздувают эту проблему...»².

Напуганные ростом антиамериканских настроений в Японии и борьбой японского народа за свободу и независимость, правящие круги США поспешили мобилизовать

¹ «Foreign Report», July 9, 1953.

² «New York Times», September 7, 1953.

свой пропагандистский аппарат, чтобы замаскировать агрессивную сущность американской политики в Японии и представить Соединённые Штаты в роли «благодетеля» японского народа.

Одной из излюбленных тем лживой американской пропаганды является разрабатываемая в различных планах версия о «вековой японо-американской дружбе», о «столетних дружественных связях» между США и Японией, о различных «благодетениях», оказанных якобы Японии Соединёнными Штатами в разное время — от открытия страны коммодором Перри до предоставления ей «почётно-го» права посылать своих солдат на развязанную американским империализмом агрессивную войну против свободолюбивого корейского народа.

По приказу командующего американскими оккупационными войсками генерала Макарута вскоре после капитуляции Японии был восстановлен памятник коммодору Перри. Около него с исключительной торжественностью и помпой стали разыгрываться из года в год комедии празднеств в честь высадки здесь коммодора. На этих празднествах присутствовали высшие должностные лица армии, флота и морской пехоты США, представители государственного департамента, а также члены японского правительства, губернаторы близлежащих префектур и т.п.

Штаб американских оккупационных войск и японские марионетки Уолл-стрита далеко не случайно делали всё возможное, чтобы фальсифицировать историю экспедиции Перри и убедить японский народ в том, что он должен испытывать чувство благодарности к коммодору Перри. Им это было нужно не только для того, чтобы «доказать» длительность японо-американской «дружбы», но и для того, чтобы косвенным образом оправдать и возвеличить представителей США в Японии, как таких же «благодетелей», каким якобы был коммодор.

Расшаркиваясь перед американцами, газета «Дзидзи симпо» писала 30 апреля 1952 г. в связи с вступлением в силу так называемого сан-францисского мирного договора:

«Со времени визита коммодора Перри в конце периода сёгуната отношение Америки к Японии всегда было дружественным. Министр-резидент Таунсенд Гаррис, посол Вудс, посол Джозеф Грю, генерал Дуглас Макарут и генерал Мэтью Риджуэй — все они олицетворяли собой добрую волю американцев по отношению к Японии».

Почти во всех книгах об экспедиции Перри, которых всё больше и больше издаётся в США в послевоенный период, проводится параллель между Перри и Макартуром, между политикой США в отношении Японии в середине прошлого века и в годы после второй мировой войны.

Американская пропаганда тешится «доказать», что оккупация Японии способствовала якобы демократизации страны, что США принесли будто бы японскому народу «новую жизнь».

«Мы так же довольны нашими достижениями тех времён, как и достижениями настоящего. И те и другие провозгласили начало новой эры»¹, — объявляет публицист Виллард Прайс в книге «Ключ к пониманию Японии», вышедшей в 1946 г.

Почти то же самое утверждал в 1947 г. сотрудник Дальневосточного отдела государственного департамента США Райшауер, который служил в годы Тихоокеанской войны в военно-разведывательных органах США, а после её окончания был назначен на пост заведующего кафедрой в Гарвардский университет. «...Одно можно с уверенностью сказать о периоде после 14 августа 1945 г.: это начало новой эры для Японии. Прибытие Перри в Японию в 1853 г. повлекло за собой глубокие изменения в жизни этой страны. Значительно более эффективное прибытие генерала Макартура в 1945 г. может привести к таким же серьёзным переменам».

В мае 1946 г. американский журнал «Азия и Америка» поместил рецензию Чарльза Спинкса на вышедшую в том же году книгу Волворса об экспедиции Перри «Чёрные корабли»² в Японии». Автор рецензии не только не пытается скрыть, а, наоборот, подчёркивает как положительное явление претенциозность книги и отмечает её большое значение именно в условиях американской оккупации Японии.

«Менее столетия, — писал Спинкс, — разделяет прибытие «чёрных кораблей» Перри в Урага и приземление серебряных кораблей Макартура на аэродроме в Ацуги. Эти экспедиции очень далеки друг от друга по своему историческому периоду, объективным условиям и целям. И всё

¹ Price, цит. соч., стр. 98.

² «Чёрными кораблями» («Куробуна») японцы прозвали паровые суда, входившие в состав эскадры Перри, из труб которых всегда валили клубы чёрного дыма.

же между ними есть неоспоримое сходство. Обе они закончились открытием Японии, и хотя мы ещё не можем достаточно ясно представить себе, как это второе открытие страны отразится на её образе жизни, Япония сегодня стоит на пороге эры перемен, которая по своему величию и значимости вполне может превзойти внутреннюю революцию, последовавшую за прибытием «Чёрных кораблей».

Прекрасная работа г. Волворса об экспедиции Перри, — продолжает Спинкс, — приобретает, таким образом, актуальное значение, которое даже превосходит её достоинства как хорошего исторического исследования (!). Автор не только нарисовал начальную стадию в японо-американских отношениях; он, быть может невольно, также наводит между строк на мысль об удивительной преемственности истории, которая делает теперь экспедицию Перри более похожей на генеральную репетицию»¹.

В сентябре 1951 г. Соединённые Штаты навязали Японии сепаратный сан-францисский мирный договор. Этот договор, составленный без участия представителей Советского Союза и Китайской Народной Республики, не имеет никакой законной силы. Его главная цель — закрепить на длительный срок оккупацию Японии американскими войсками и ускорить превращение страны в базу американской агрессии против народов Дальнего Востока.

Поскольку подписание этого договора вызвало взрыв возмущения среди подавляющего большинства японского народа, оккупационные власти развернули широкую агитационно-пропагандистскую кампанию, пытаясь представить заключение сепаратного договора как предложение Японии «независимости». В ходе этой кампании американская и проамерикански настроенная японская пресса широко использовала аналогии и параллели с открытием Японии коммодором Перри в 1853 г. Она стремилась доказать, что в течение всего столетия Соединённые Штаты неизменно «дружественно» относились к этому островному государству, что и в 1854 г., навязав Японии первый неравноправный договор, и в 1951 г., составив сепаратный сан-францисский договор, американцы совершили «благодетельное», за которое японский народ должен быть им вечно благодарен.

¹ «Asia and Americas» No. 5, 1946, стр. 237.

Столетие со дня высадки вооружённого отряда американских моряков на японской территории японо-американская реакция шумно отпраздновала под лозунгом «вечной дружбы» между Японией и США, которой, как утверждал посол США в Токио Мэрфи, «коммодор Перри положил начало сто лет тому назад»¹.

По инициативе американского посольства была разработана обширная программа празднеств, которая предусматривала организацию карнавальных шествий, воспроизводящих картину высадки моряков Перри на японскую землю, проведение различного рода собраний, устройство докладов, подготовку специальных радио- и телевизионных передач, выпуск брошюр и особых почтовых марок и т. д. и т. п.

Печать и радио монополий делали попытки представить празднование юбилея как инициативу японского правительства, как японский национальный праздник. Однако в действительности вся шумиха вокруг столетней годовщины высадки коммодора Перри была раздута американскими финансовыми магнатами и тесно связанной с ними японской реакцией, которая умышленно шла на фальсификацию национальной истории в целях обмана широких масс трудящихся. «Американская торговая палата в Японии с энтузиазмом оказывает поддержку в проведении празднества по случаю столетия со дня прибытия в Японию коммодора Перри»², — заявил посол США в Токио Роберт Мэрфи, приподнимая завесу над истинными вдохновителями всей этой шумихи.

Официально празднества были организованы японской центральной комиссией по проведению юбилея. В её состав вошли люди, давно зарекомендовавшие себя как сторонники сговора с американским капиталом за счёт японского народа. Наиболее деятельными членами центральной комиссии являлись представители Американо-японского общества и так называемой «ассоциации «чёрных кораблей»», т. е. проамериканских организаций, финансируемых в значительной мере из фондов посольства США в Токио.

О направленности, которая была придана празднествам по случаю столетней годовщины со дня прибытия в Японию

¹ «Nippon Times», January 1, 1953.

² Там же.

эскадры commodора Перри, можно судить по одному весьма любопытному документу — посланию генерал-лейтенанта Ведемейера японскому народу. В этом послании один из видных деятелей американской военщины, занимавший посты командующего американскими войсками в Китае (1944—1946) и начальника оперативного отдела генерального штаба американской армии (1947—1948), в наиболее откровенной форме раскрывает те цели, которые ставили перед собой организаторы юбилея.

Генерал Ведемейер весьма далёк от абстрактных исторических изысканий. Он начинает с утверждения, что, по его мнению, обстановка в 1953 г. как две капли воды похожа на положение, создавшееся в 1853 г. Нагло извращая действительные факты японо-русских отношений в середине прошлого века и внешнюю политику Советского Союза, Ведемейер пишет, что Япония с 1853 г. боится больше всего «русского империализма»¹.

Одновременно с разнузданной антисоветской пропагандой и клеветой по адресу русской политики в отношении Японии Ведемейер всячески расхваливает, конечно, Соединённые Штаты. Грубо фальсифицируя историческую действительность, он пытается доказать, что якобы в 1853 г. «были установлены дружественные отношения между Японией и США», что даже «бросается в глаза искренняя привязанность, которая возникла между участниками переговоров с японской и американской стороны».

В послании Ведемейера нашло своё отражение стремление американских империалистов использовать события прошлого в качестве оперативного повода для всемерного оправдания нынешней линии правящих кругов США в отношении Японии.

Пытаясь обосновать оккупационную политику Соединённых Штатов, Ведемейер вновь прибегает к клевете о пресловутой «русской опасности», дабы доказать «необходимость» перевооружения и включения Японии в американские военные блоки.

Эти мысли генерала Ведемейера нашли своё развитие в выступлении другого генерала — командующего американскими войсками на Дальнем Востоке Марка Кларка. Как бы дополняя Ведемейера, он сделал попытку оправдать бессрочную оккупацию Японии американскими

¹ «Nippon Times», January 1, 1953.

войсками с помощью избитого тезиса о необходимости её «защиты». «Коммодор Перри отнюдь не с целью захвата или колонизации передал в Курихама предложения, которые в конечном счёте дали Японии возможность сохранить свою свободу,— произвольно интерпретировал Марк Кларк агрессивные намерения США превратить Японию в свою колонию в 50-х годах XIX века.— Руководствуясь примерно такими же мотивами, мотивами защиты Японии, Соединённые Штаты взяли на себя далеко не лёгкое бремя держать здесь временно силы безопасности...»¹

Итак, фальсификация исторических событий прошлого века в интересах колонизаторской политики США в Японии в настоящее время — вот что являлось главной целью той широкой пропагандистской кампании, которая была развёрнута американо-японской реакцией вокруг празднования столетней годовщины со дня высадки коммодора Перри в Японии.

Всё это лишний раз свидетельствует о слабости позиций американского капитала в Японии. Магнатам Уолл-стрита не удаётся обмануть японский народ. Колонизаторская политика американских империалистов показала широким массам населения страны, что вопрос идёт о жизни и смерти: или мир, свобода и национальная независимость, или превращение в американскую колонию, в базу агрессии против народов Азии, в очаг напряжённости на Дальнем Востоке. Здоровые силы японской нации сделали свой выбор. Они ведут неустанную борьбу за национальное освобождение, против тех, кто вновь, как и в середине XIX века, пытается надеть на японский народ колониальное ярмо.

Важное место в этой борьбе занимает движение за установление нормальных дипломатических и экономических отношений со всеми странами, особенно с великими соседями Японии — Советским Союзом и Китайской Народной Республикой. Широкая общественность страны с чувством глубокого удовлетворения восприняла совместную Советско-Китайскую декларацию, в которой указывалось, что правительства Советского Союза и Китайской Народной Республики в своей политике в отношении Японии исходят из принципа мирного сосуществования государств независимо от их общественного строя.

¹ «Nippon Times», July 5, 1953.

Правительства Советского Союза и КНР заявили в декларации, что они стоят за развитие широких торговых отношений с Японией на взаимно выгодных условиях, за установление с ней тесных культурных связей. Они выразили также готовность предпринять шаги с целью нормализации своих отношений с Японией и заявили, что Япония встретит полную поддержку в своём стремлении к установлению политических и экономических отношений с СССР и с КНР, равно как встретят полную поддержку всякие шаги с её стороны, направленные на обеспечение условий для её мирного и независимого развития¹.

Совместная Советско-Китайская декларация была расценена широкими массами населения Японии как очередное свидетельство послевоенной миролюбивой политики Советского Союза и Китайской Народной Республики, как новый шаг, направленный на укрепление мира и безопасности на Дальнем Востоке и во всём мире. Японский народ ещё выше поднял знамя борьбы за избавление от американской кабалы, за урегулирование отношений с СССР и Китайской Народной Республикой, за мир и свободу.

Опираясь на поддержку всего прогрессивного человечества, японский народ добьётся независимости и построит мирную, демократическую и свободную Японию.

¹ См. «Правда», 12 октября 1954 г.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

I. ПРОИЗВЕДЕНИЯ КЛАССИКОВ МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА И РУКОВОДИТЕЛЕЙ КПСС И СОВЕТСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА

- К. Маркс и Ф. Энгельс.* Манифест Коммунистической партии, Госполитиздат, 1953, стр. 1—39.
- К. Маркс и Ф. Энгельс.* Немецкая идеология. Соч., т. IV, стр. 1—540.
- К. Маркс и Ф. Энгельс.* Международные обзоры. Обзор первый. Соч., т. VIII, стр. 201—214.
- К. Маркс и Ф. Энгельс.* Революция в Китае и в Европе. Соч., т. IX, стр. 311—318.
- К. Маркс.* Капитал. Критика политической экономии, тт. I—III, Госполитиздат, 1953—1954 гг.
- К. Маркс.* Парламентские прения о военных действиях в Китае. Соч., т. XI, ч. I, стр. 139—144.
- К. Маркс.* Англо-китайский конфликт. Соч., т. XI, ч. I, стр. 145—147.
- К. Маркс.* Английские жестокости в Китае. Соч., т. XI, ч. I, стр. 154—157.
- К. Маркс.* Торговля опиумом. Соч., т. XI, ч. I, стр. 345—352.
- К. Маркс.* Договор между Китаем и Британией. Соч., т. XI, ч. I, стр. 353—357.
- К. Маркс.* Новая китайская война. Соч., т. XI, ч. II, стр. 260—276.
- К. Маркс.* Торговля с Китаем. Соч., т. XI, ч. II, стр. 291—294.
- К. Маркс.* Гражданская война в Северной Америке. Соч., т. XII, ч. II, стр. 233—243.
- К. Маркс.* Китайские дела. Соч., т. XII, ч. II, стр. 360—362.
- К. Маркс.* Письмо Ф. Энгельсу от 8 октября 1858 г. Соч., т. XXII, № 541, стр. 361—363.
- К. Маркс.* Формы, предшествующие капиталистическому производству. «Пролетарская революция» № 5, 1939, стр. 150—186.
- Ф. Энгельс.* Крестьянская война в Германии. Соч., т. VIII, стр. 113—198.
- Ф. Энгельс.* Новая экспедиция англичан в Китае. Соч., т. XI, ч. I, стр. 158—161.
- Ф. Энгельс.* О разложении феодализма и развитии буржуазии. Соч., т. XVI, ч. I, стр. 440—450.
- Ф. Энгельс.* Письмо К. Марксу от 6 июня 1853 г. Соч., т. XXI, стр. 491—496.
- Ф. Энгельс.* Письмо К. Шмидту от 27 октября 1890 г. К. Маркс, Ф. Энгельс. Избранные произведения, т. II, М. 1948, стр. 470—476.

- Ф. Энгельс. Письмо Г. Штаркенбургу от 25 января 1894 г. К. Маркс, Ф. Энгельс. Избранные произведения, т. II, стр. 483—486.
- Ф. Энгельс. Письмо Ф. А. Зорге от 10 ноября 1894 г. К. Маркс, Ф. Энгельс. Избранные письма, Госполитиздат, 1947, стр. 476—478.
- В. И. Ленин. По поводу так называемого вопроса о рынках. Соч., т. 1, стр. 59—108.
- В. И. Ленин. Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве. Соч., т. 1, стр. 315—484.
- В. И. Ленин. К характеристике экономического романтизма. Соч., т. 2, стр. 111—242.
- В. И. Ленин. Кустарная перепись 1894/95 года в Пермской губернии и общие вопросы «кустарной» промышленности. Соч., т. 2, стр. 329—426.
- В. И. Ленин. Развитие капитализма в России. Соч., т. 3.
- В. И. Ленин. Китайская война. Соч., т. 4, стр. 347—352.
- В. И. Ленин. Уроки кризиса. Соч., т. 5, стр. 73—77.
- В. И. Ленин. Падение Порт-Артура. Соч., т. 8, стр. 31—39.
- В. И. Ленин. Горючий материал в мировой политике. Соч., т. 15, стр. 159—165.
- В. И. Ленин. Пробуждение Азии. Соч., т. 19, стр. 65—66.
- В. И. Ленин. Отсталая Европа и передовая Азия. Соч., т. 19, стр. 77—78.
- В. И. Ленин. Империализм, как высшая стадия капитализма. Соч., т. 22, стр. 173—290.
- В. И. Ленин. I Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов, 3—24 июня (16 июня — 7 июля) 1917 г. Речь о войне 9(22) июня. Соч., т. 25, стр. 15—28.
- В. И. Ленин. Государство и революция. Соч., т. 25, стр. 353—462.
- В. И. Ленин. Письмо к американским рабочим. Соч., т. 28, стр. 44—57.
- В. И. Ленин. О государстве. Соч., т. 29, стр. 433—451.
- В. И. Ленин. Доклад на II Всероссийском съезде коммунистических организаций народов Востока 22 ноября 1919 г. Соч., т. 30, стр. 130—141.
- В. И. Ленин. Доклад на I Всероссийском съезде трудовых казаков 1 марта 1920 г. Соч., т. 30, стр. 355—374.
- В. И. Ленин. Речь на собрании секретарей ячеек московской организации РКП(б) 26 ноября 1920 г. Соч., т. 31, стр. 403—405.
- В. И. Ленин. Речь на собрании актива московской организации РКП(б) 6 декабря 1920 г. Соч., т. 31, стр. 410—429.
- В. И. Ленин. VIII Всероссийский съезд Советов. 22—29 декабря 1920 г. Доклад о концессиях на фракции РКП(б) VIII съезда Советов 21 декабря. Соч., т. 31, стр. 433—455.
- И. В. Сталин. Не забывайте Востока. Соч., т. 4, стр. 171—173.
- И. В. Сталин. О революционном движении на Востоке. Интервью, данное японскому корреспонденту «Нидзи-Нидзи» господину Фу-се. Соч., т. 7, стр. 227—231.
- И. В. Сталин. XIV съезд ВКП(б). 18—31 декабря 1925 г. Политический отчет Центрального Комитета 18 декабря. Соч., т. 7, стр. 261—391.
- И. В. Сталин. Беседа с немецким писателем Эмилом Людвигом 13 декабря 1931 г. Соч., т. 13, стр. 104—123.

- И. В. Сталин. О диалектическом и историческом материализме. «Вопросы ленинизма», изд. 11, Госполитиздат, 1953, стр. 574—602.
- И. В. Сталин. Отчётный доклад на XVIII съезде партии о работе ЦК ВКП(б) 10 марта 1939 г. «Вопросы ленинизма», изд. 11, 1953, стр. 603—651.
- И. В. Сталин. О Великой Отечественной войне Советского Союза. Госполитиздат, изд. 5, 1953.
- И. В. Сталин. Речь на предвыборном собрании избирателей Сталинского избирательного округа г. Москвы 9 февраля 1946 г. Госполитиздат, 1946.
- И. В. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания. Госполитиздат, 1953.
- И. В. Сталин. Беседа с корреспондентом «Правды». «Правда», 17 февраля 1951 г.
- И. В. Сталин. Послание И. В. Сталина японскому народу. «Правда» 1 января 1952 г.
- И. В. Сталин. Экономические проблемы социализма в СССР. Госполитиздат, 1953.
- В. М. Молотов. О международном положении и внешней политике Правительства СССР. Доклад на сессии Верховного Совета СССР 8 февраля 1955 г. «Правда», 9 февраля 1955 г.
- В. М. Молотов. Ответы на вопросы главного редактора японской газеты «Цюбу Ниппон симбун» г-на Мицуру Судзуки. «Правда» 13 сентября 1954 г.
- «Совместная декларация Правительства СССР и Правительства Китайской Народной Республики об отношениях с Японией». «Правда», 12 октября 1954 г.

II. ИСТОЧНИКИ

а) СБОРНИКИ ДОГОВОРОВ И КОНВЕНЦИЙ

- Гримм Э. Д. Сборник договоров и других документов по истории международных отношений на Дальнем Востоке. 1842—1925 гг. Московский институт востоковедения, 1927.
- Гаймусё дзёяку кёку. Кюдзёяку исан (Протокольный отдел министерства иностранных дел Японии. Сборник старых договоров). Т. 1, ч. 1—2. (Без указания места и года издания).

外務省條約局。舊條約彙纂。

- Treaties and Conventions between the Empire of Japan and other Powers. Tokyo 1899.
- Treaties, Conventions, International Acts, Protocols and Agreements between the United States and other Powers. 1776—1909. Comp. by W. M. Malloy. Vol. 1. Washington 1923.

б) СБОРНИКИ ДОКУМЕНТОВ И ОФИЦИАЛЬНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ

- «Записка о Сибири, Манчжурии и об островах северной части Тихого океана: в географическом, политическом и торговом отношениях; об источниках промышленности этих стран; об

удобствах их для торговли и важности открытия торговых сношений с ними. Адресована Джемсу К. Польку, президенту США, Ароном Польмером. Спб. 1906».

«Отчёт генерал-адъютанта графа Путятина о плавании отряда военных судов наших в Японию и Китай. 1852—1855 годы». «Морской сборник» № 10, август 1856 г., т. XXIV; Официальные статьи и известия, стр. 61.

Дайниппон комондзё. Бакумацу гайкоку канкэй бунсё. (Сборник древних актов. Документы, относящиеся к внешним сношениям в период Бакумацу.) Т. 1—3. Токио 1912—1914.

大日本古文書。幕末外國關係文書。

Дайниппон гайко бунсё. (Документы по внешней политике Японии.) Т. 2, Токио 1936.

大日本外交文書。

Фуккоки. (Записи периода реставрации). Т. 1—5. Токио 1930—1931.

復興記。

The Debates and Proceedings of the Congress of the United States of America. 42 vol. Washington 1834—1856.

Congressional Globe. Vol. 24—31. Washington 1852—1864.

Correspondence Respecting Trade with Japan. London 1860.

Correspondence Respecting Affairs in Japan. March and April, London 1861.

Correspondence Respecting Affairs in Japan. July to November, London 1861.

Correspondence Respecting Affairs in Japan. London 1863.

Correspondence Respecting Affairs in Japan (in continuation of correspondence presented to Parliament in February 1863). London 1864.

Correspondence Respecting Affairs in Japan. London 1865.

Correspondence Respecting Affairs in Japan. London 1865—1866.

Executive Documents printed by Order of the Senate of the United States for the 1st Session of the 36th Congress. Vol. 9. Washington 1860.

Executive Documents printed by Order of the Senate of the United States for the 2nd Session of the 36th Congress and the Special Session. Vol. 1. Washington 1861.

Executive Documents printed by Order of the Senate of the United States for the 2nd Session of the 37th Congress. Vol. 1. Washington 1862.

Executive Documents printed by Order of the House of Representatives during the 3rd Session of the 37th Congress. Vol. 1. Washington 1863.

Executive Documents printed by Order of the Senate of the United States for the 2nd Session of the 40th Congress. Vol. 2. Washington 1868.

Executive Documents printed by Order of the House of Representatives during the 2nd Session of the 40th Congress. Vol. 2. Washington 1868.

- The Miscellaneous Documents of the Senate of the United States for the 3rd Session of the 34th Congress, 1856—1857. Washington 1857.
- Papers relating to Foreign Affairs, accompanying the Annual Message of the President to the 1st Session of the 38th Congress. Part 2. Washington 1864.
- Papers relating to Foreign Affairs, accompanying the Message of the President of the United States to the both Houses of Congress as the Commencement of the 2nd Session of the 38th Congress. Part 3. Washington 1865.
- Papers relating to Foreign Affairs, accompanying the Message of the President to the 1st Session of the 39th Congress. Part 3. Washington 1866.
- Papers relating to Foreign Affairs, accompanying the Message of the President to the 2nd Session of the 39th Congress. Vol. 2. Washington 1867.
- Report of the Secretary of the Treasury on the Commerce and Navigation of the United States for the fiscal Year ending June 30, 1863. Washington 1865.
- Report of the Secretary of the Treasury, transmitting a Report from the Register of the Treasury for the fiscal Year ending June 30, 1865. Washington 1866.
- Report of the Secretary of the Treasury, transmitting a Report from the Director of Statistics on the Commerce and Navigation for the fiscal Year ending June 30, 1866. Washington 1867.
- Annual Report of the Director of the Bureau of Statistics on the Commerce and Navigation of the United States for the fiscal Year ending June 30, 1867. Washington 1868.
- Annual Report of the Deputy special Commissioner of the Revenue in Charge of the Bureau of Statistics on the Commerce and Navigation of the United States for the fiscal Year ending June 30, 1868. Washington 1869.
- Narrative of the Expedition of an American Squadron to the China Seas and Japan, performed in the Years 1852, 1853 and 1854, under the Command of Commodore M. C. Perry, U. S. Navy, by Order of the Government of the United States. Compiled from the Original Notes and Journal of Commodore Perry and his Officers at his Request and under his Supervision by Francis L. Hawks. New York 1857.
- Richardson J. D.* (ed). A Compilation of the Messages and Papers of the Presidents, 1789—1897. Vol. V—X. Washington 1899.

в) ДНЕВНИКИ И МЕМУАРЫ

- Alcock R.* The Capital of the Tycoon. A Narrative of a three Years Residence in Japan. 2 vols. London 1863.
- Black J. R.* Young Japan. Yokohama and Yedo. A Narrative of the Settlement and the City from the signing of the Treaties in 1858 to the Close of the Year 1879. 2 vols. Tokyo 1880—1881.
- Cole A. B.* (ed). A Scientist with Perry in Japan. The Journal of Dr. James Morrow. Chapel-Hill 1947.

- Cole A. B.* (ed). *Yankee Surveyors in the Shogun's Seas. Records of the United States Surveying Expedition in the North Pacific Ocean. 1853—1856.* Princeton — London 1947.
- Hayashi.* Diary of an official of the Bakufu. «Transactions of the Asiatic Society of Japan», Vol. VII. 1879.
- McCauley E. Y.* With Perry in Japan. Princeton 1942.
- Satow E. W.* A Diplomat in Japan. London 1921.
- Sewall J. S.* With Perry in Japan. «Century Magazine». Vol. 70. New York 1905.
- Taylor B.* A Visit to India, China and Japan in the Year 1853. New York 1855.
- Wilkes Ch.* Narrative of the United States exploring Expedition during the Years 1838, 1839, 1840, 1841, 1842. 5 vols. Philadelphia 1845.
- Williams S. W.* A Journal of Perry Expedition to Japan. 1853—1854. «Transactions of the Asiatic Society of Japan», Vol. XXXVII, Part 2. Yokohama 1910, pp. 1—259.

III. МОНОГРАФИИ, ОСНОВНЫЕ ЖУРНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ И ДРУГИЕ РАБОТЫ

а) НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

- Аварин В. Я.* Борьба за Тихий океан. Агрессия США и Англии, их противоречия и освободительная борьба народов. М. 1952.
- Астафьев Г. В.* Колониальная политика США на Гавайях в доимпериалистический период (1790—1890). «Учёные записки Института востоковедения АН СССР», т. I, 1950.
- Американская экспедиция в Японию. «Московские ведомости» № 55, 60, 66, 72, 76, 1857 г.
- Барановский М. И.* Американо-английские капиталисты — душители тайпинского восстания (1850—1864 гг.). «Вопросы истории» № 1, 1952.
- Барсуков И.* Граф Николай Николаевич Муравьев-Амурский по его письмам, официальным документам, рассказам современников и печатным источникам. 2 т. М. 1891.
- Буйницкий А.* Исторический обзор сношений образованного мира с Японией. «Морской сборник», т. 48, 49, № 9, 10, 1860 г.
- Воейков.* Морская торговля Японии и открытие страны для иностранцев. «Известия Русского Географического общества» № 3, 1877.
- Венюков М. И.* Обзорение Японского архипелага в современном его состоянии. Спб. 1871.
- Гончаров И. А.* Фрегат «Паллада». М. 1950.
- Добров А.* Дальневосточная политика США в период русско-японской войны. Госполитиздат, 1952.
- Ефимов Г. В.* Очерки по новой и новейшей истории Китая. Госполитиздат, 1951.
- Жуков Е. М.* История Японии. Краткий очерк. М. 1939.
- «История дипломатии», т. I, М. 1941.
- История торговли европейцев в Японии. «Промышленность», т. VII, 1862.
- Кара-Мурза Г. С.* Тайпины, М. 1950.

- Катаяма Сен.* Крестьянская борьба в Японии. Сборник «Современная Япония», т. I, М. 1934.
- Костылев В.* Очерк истории Японии. Спб. 1888.
- Кутаков Л. Н.* Восстановление исторических прав. «Известия АН СССР. Серия истории и философии», т. VIII, № 2, 1951.
- Матиль Г. А.* Японское посольство в Соединённых Штатах в 1860 году. «Русский вестник», т. 29, № 17, 1860.
- Международные отношения на Дальнем Востоке (1870—1945 гг.). Под общей редакцией Е. М. Жукова. Госполитиздат, 1951.
- Северо-американская экспедиция в Японию. «Морской сборник», т. VII, вып. 4, 1852 г.
- Пашков В. К.* К характеристике отношений Японии к европейцам в период первого знакомства. Сборник статей профессоров и студентов Восточного института. Владивосток 1917.
- Пеликан А.* Прогрессирующая Япония. Спб. 1895.
- Петрова О. П.* Адмирал Е. В. Путягин в бухте Хэда. (К истории русско-японских отношений в середине XIX в.) «Советское востоковедение» № 6, 1949 г., стр. 368—382.
- Плешевский И.* Аграрные отношения в эпоху Токугава. «Историк-марксист» № 1, 1938.
- Светлов В.* Происхождение капиталистической Японии. М.—Л. 1934.
- Сельский.* Исторический материал о сношениях европейцев с Японией. «Записки сибирского отдела императорского русского географического общества», кн. IV, 1857 г.
- Сергеев М. А.* Советские острова Тихого океана, М. 1938.
- Старосельцев Н.* Япония в XVIII веке. «Учёные записки МГУ», вып. 41, М. 1940, стр. 157—196.
- Файнберг Э. Я.* Внутреннее и международное положение Японии в середине XIX века. Изд. Московского института востоковедения, М. 1954.
- Фостер У.* Очерк политической истории Америки (перев. с английск.). Издательство иностранной литературы, М. 1953.
- Фукуда Токудзо.* Общественное и экономическое развитие Японии (перев. с английск.). Издание Ленинградского института восточных языков, Л. 1936.
- Хондзэ Эйджиро.* Социальная история Японии (перев. с английск.). Московский институт востоковедения, 1935.
- Ху Шен.* Агрессия империалистических держав в Китае (перев. с китайск.). Издательство иностранной литературы, М. 1951.
- Черевков.* Из новейшей истории Японии. 1854—1894 гг. «Вестник Европы» № 11, 12, 1894 г.
- Цинь Бэнь-ли.* История экономической агрессии американского империализма в Китае (перев. с китайск.). Издательство иностранной литературы, М. 1951.

б) НА ЯПОНСКОМ ЯЗЫКЕ

Ватанабэ Икюдзирō. Ниппон кинсэй гайкō си. (История японской дипломатии в новое время). Токио 1938.

渡邊幾治郎。日本近世外交史。

Ёкои Токифую. Ниппон кōгē си. (История японской промышленности). Токио 1929.

横井時冬。日本工業史。

Ёкои Токифую. Ниппон сёгё си. (История японской торговли). Токио 1929.

横井時冬。日本商業史。

Ёнэяма Умэхити. Кайкоку сэнто тэйтоку Хири. (Коммодор Перри — первый, кто открыл Японию). Токио 1896.

米山梅吉。開國先登提督彼理。

Иноба Сигео. Мэйдзи исин си. (История революции Мэйдзи). Токио 1929.

井野邊茂雄。明治維新史。

Исии Такаси. Бакумацу исин-по гайкё. (Дипломатия в период реформ Бакумацу). В кн.: «Ниппон гайкё си». (История японской дипломатии). Токио 1941, стр. 1—84.

石井孝。幕末維新の外交。日本外交史。

Киёдава Киёси. Ниппон гайкё си. (История японской дипломатии). Т. I, Токио 1942.

清澤洌。日本外交史。

Курэ Хидэмицу. Ёгаку-но хаттэн-то Мэйдзи исин. (Развитие «западной науки» и революция Мэйдзи). В кн.: «Мэйдзи исин си кэнкё». (Исследование по истории революции Мэйдзи). Токио 1936, стр. 329—418.

吳秀三。洋學の發展と明治維新。明治維新史研究。

Мори Киити. Ниппон сихонсюги хассэй си. (История возникновения капитализма в Японии). Токио 1935.

森喜一。日本資本主義發生史。

Норо Эйтаро. Ниппон сихонсюги хаттацу си. (История развития капитализма в Японии). Токио 1930.

野呂榮太郎。日本資本主義發達史。

Оно Такэо. Токугава дзидай-по нёка кэйдзай. (Экономика крестьянских хозяйств в эпоху Токугава). Токио 1926.

小野武夫。徳川時代の農家經濟。

Осадакэ Такэси. Кокусайхё ёри митару бакумацу гайкё моногатари. (Дипломатические отношения периода Бакумацу с точки зрения международного права). Токио 1926.

尾佐竹猛。國際法より觀たる幕末外交物語。

Оцука Такэмацу. Бакумацу-по гайкё. (Дипломатия в период Бакумацу). Токио 1933.

大塚武松。幕末の外交。

Сибата Сюндзо. Ниптэй гайкё римэн си. (Закулисная история японо-английских отношений). Токио 1941.

柴田俊三。日英外交裏面史。

Такахаси Камэкичи. Кэйдзай сидзэ-ни окэру мэйдзи исин. (Революция Мэйдзи и её место в истории экономики). В кн.: «Мэйдзи исин си кэнкё». (Исследование по истории революции Мэйдзи). Токио 1936, стр. 112—148.

高橋龜吉。經濟史上に於ける明治維新。

Такахаси Камэкичи. Ниппон кэйдзай си. (История японской экономики). Токио 1930.

高橋龜吉。日本經濟史。

Тахобаси Кийси. Бакумацу исин си-дзэ-но нитибэй канкэй. (Японо-американские отношения и их место в истории преобразований периода Бакумацу). В кн.: «Мэйдзи исин си кэнкё» (Исследование по истории революции Мэйдзи). Токио 1936, стр. 258—286.

田保橋潔。幕末維新史上の日米關係。

Токутоми Иитирё. Кинсэй ниппон кокумин си. (Новая история японского народа). Т. 30—33, 35, 37, 39, 43, 44, 49, 50, Токио 1928—1936.

徳富猪一郎。近世日本國民史。

Фудзиси Дзюнтарё. Бакумацу исин си. (История преобразований периода Бакумацу). Токио 1933.

藤井甚太郎。幕末維新史。

Хани Горё. Бакумацу-ни окэру сякай кэйдзай дзэтай кайкё канкэй оёби кайкё тосё. (Социально-экономическое положение, классы и классовая борьба в период Бакумацу). Токио 1932.

羽仁五郎。幕末に於ける社會經濟狀態階級關係及階級鬭爭。

Хани Горё. Бакумацу-ни окэру сэйдзи тосё. (Политическая борьба в период Бакумацу). Токио 1933.

羽仁五郎。幕末に於ける政治鬭爭。

Хаттори Сисё. Мэйдзи исин си. Юибуцу сикантэки кэнкё. (История революции Мэйдзи с материалистической точки зрения). Токио 1931.

服部之總。明治維新史。唯物史觀的研究。

Хаттори Сисё. Бакумацу-ни окэру сэкай дзёсэй оёби гайкё дзидзё. (Международное положение и международные отношения в период Бакумацу). Токио 1932.

服部之總。幕末に於ける世界情勢及び外交事情。

Хоривэ Ясудзо. Бакумацу-но гундзи кёгё. (Военная промышленность в период Бакумацу). «Кэйдзай си кэнкё» № 19, май 1938.

堀江保藏。幕末の軍事工業。

Цудви Дзэинсукэ. Кайгай кёцу сива. (Очерки по истории внешних сношений). Токио 1942.

辻善之助。海外交通史話。

Цутия Такао. Хёкэн сякай хёкай катэй-но кэнкё. (Исследование процесса разложения феодального общества). Токио 1927.

土屋高雄。封建社會崩壞過程の研究。

Цутия Такао. Токугава дзидай-но манюфакча. (Мануфактура в период Токугава). «Кайдзо», сентябрь 1933, стр. 2—21.

土屋高雄。徳川時代のマニユファクチュア。

Цутия Такао и Окадзакэ Сабурё. Ниппон сихонсюги хаттацу сй гайсэцу. (Очерки по истории развития японского капитализма). Токио 1937.

土屋高雄；岡崎三郎。日本資本主義發達史概説。

Ямада Сэйтарё. Кёгё-ни окэру сихонсюги-но тансётэки сёкэй-тай манюфакча канай кёгё. (Первичные формы капитализма в промышленности — мануфактура и работа на дому). Токио 1932.

山田盛太郎。工業に於ける資本主義の端初的諸形態マニユファクチュア。家内工業。

в) НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Adams F. O. The History of Japan from the Earliest Period to the Present Time. 2 vols. London 1874—1875.

Anniversary of Commodore Perry's Arrival celebrated. «New York Times», April 19, 1937, стр. 5.

Baba Bunyei. Japan 1853—1864. Genzi Yume Monogatari. Tokyo 1905.

Bell H. Foreign Colonization in the Far East. London 1928.

Bogart E. L. An Economic History of the United States. New York 1938.

Borton H. Peasant Uprisings in Japan during the Tokugawa Period. Leiden 1936.

Brinkley. A History of the Japanese People from the Earliest Times to the End of the Meiji Era. London 1914.

Callahan J. M. American Relations in the Pacific and the Far East 1709—1900. Baltimore 1901.

Clement E. W. The Tokugawa Princes of Mito. «Transactions of the Asiatic Society of Japan». Vol. XVIII, Part 1, 1890, стр. 1—24.

Clement E. W. The Sakurada Affair. «Transactions of the Asiatic Society of Japan». Vol. XLVIII, 1920, стр. 23—38.

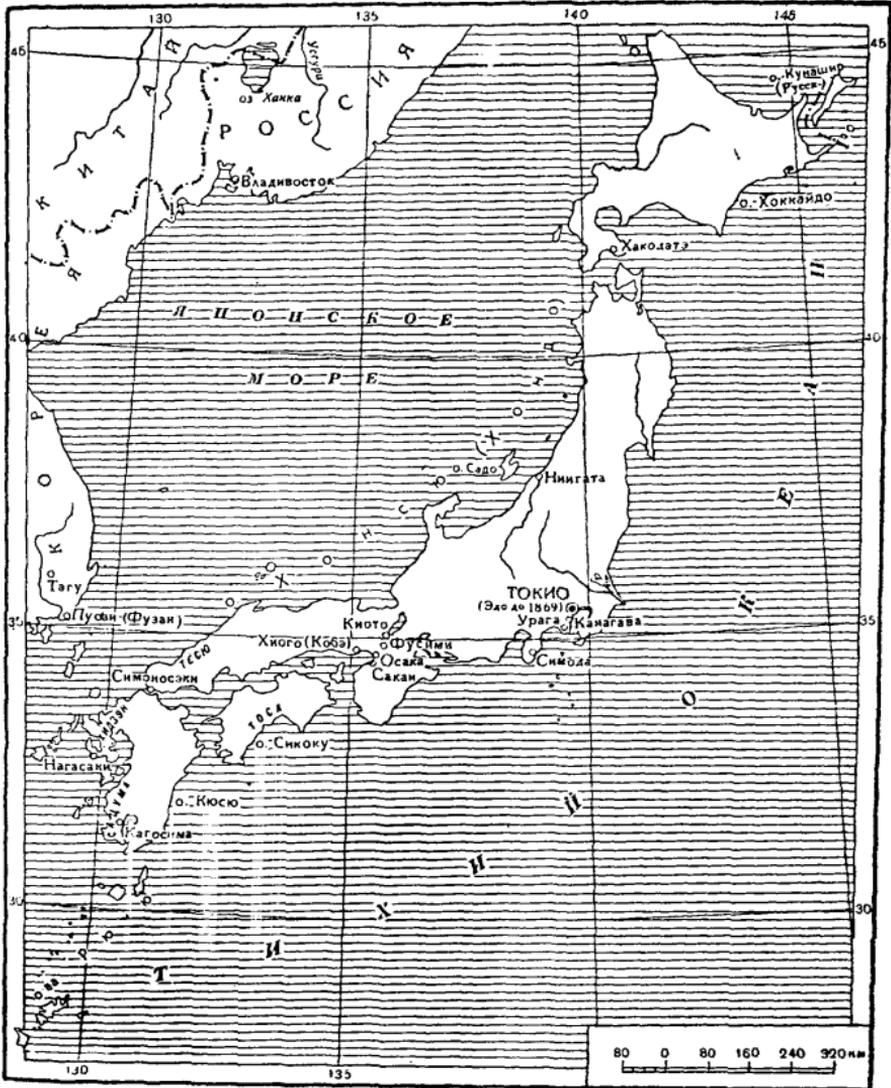
Cole A. B. The Dynamics of American Expansion toward Japan. 1791—1861. A Part of a Dissertation Submitted to the Faculty of the Division of the Social Sciences in Candidacy for the Degree of Doctor of Philosophy. Chicago 1943.

- Crow C. Harris of Japan. The Story of Townsend Harris and his amazing Adventures in Establishing Relations with the Far East.* London 1939.
- Day C.* History of American Commerce. New York 1928.
- Dennett T.* Americans in Eastern Asia. A critical Study of the Policy of the United States with reference to China, Japan and Korea in the 19-th Century. New York 1941.
- Dennett T.* Seward's Far Eastern Policy. «American Historical Review». Vol. XXVIII, No. 1, October 1932.
- Dennis N. B.* The Treaty Ports of China and Japan. London — Hongkong 1867.
- Droppers G.* The Population of Japan in the Tokugawa Period. «Transactions of the Asiatic Society of Japan». Vol. XXIII, No. 2. 1894, crp. 258—284.
- Dulles F. R.* America in the Pacific. A Century of Expansion. Boston and New York 1938.
- Dulles F. R.* Forty Years of American-Japanese Relations. New York — London 1937.
- Falk E. F.* From Perry to Pearl Harbor. The Struggle for Supremacy in the Pacific. New York 1943.
- Foster J. W.* American Diplomacy in the Orient. Boston — New York 1903.
- Gowen H. H.* An Outline History of Japan. New York — London 1927.
- Griffin E.* Clippers and Consuls. American Consular and Commercial Relations with Eastern Asia. 1845—1860. Ann Arbor 1938.
- Griffis W. E.* The Micado's Empire. 2 vols. New York 1890.
- Griffis W. E.* American Relations with Japan. «Magazine of American History». Vol. XXVII, New York 1892.
- Gubbins J. H.* The Progress of Japan. 1853—1871. Oxford 1911.
- Hildreth R.* Japan as it was and is. London 1905.
- Hishida Seiji.* Japan among the Great Powers. A Survey of her International Relations. London 1940.
- Hindmarsh A. E.* The Basis of Japanese Foreign Policy. Cambridge — Massachusetts 1936.
- Honjo Eijiro.* The Social and Economic History of Japan. Kyoto 1935.
- Honjo Eijiro.* A Short History of Social Problems in Japan before the Restoration. «Economic Review», Bd. 3, No. 2, 1928, crp. 41—85.
- Honjo Eijiro.* The New Economic Policy in the Closing Days of Tokugawa Shogunate. «Economic Review», Bd. 4, No. 2, 1929, crp. 52—75.
- Hornbeck S. J.* United States and the Far East: Certain Fundamentals of Policy. Boston 1942.
- Hubbard R.* The United States in the Far East. Richmond 1899.
- Johnson E. R.* History of Domestic and Foreign Policy of the United States of America. Washington 1915.
- Jones F. C.* Extraterritoriality in Japan and the Diplomatic Relations Resulting in its Abolition. 1853—1899. New Haven 1931.
- Kasai Juji.* The United States and Japan in the Pacific. Tokyo 1935.
- Kawat Tatsuo.* The Goal of Japanese Expansion. Tokyo 1938.
- Kawakami K.* American-Japanese Relations. New York 1912.
- King-Hall.* Western Civilization and the Far East. London 1924.

- Kinoshita Yetaro*. The Past and Present of Japanese Commerce. Columbia University Studies in History, Economics and Public Law. 1902.
- Kuno Yoshi*. Japanese Expansion on the Asiatic Continent. A Study in the History of Japan with Special Reference to her International Relations with China, Korea and Russia. Vol. 2, Berkeley 1940.
- Lanman Ch.* Leaders of the Meiji Restoration in America. Tokyo 1931
- Latourette K. S.* The Development of Japan. New York 1938.
- Lewis Ch. L.* Famous American Naval Officers. Boston 1945.
- Longford J. H.* The Story of Old Japan. New York 1910.
- Longford J. H.* The Evolution of New Japan. Cambridge 1913.
- Masuda T.* Japan: Its Commercial Development. London 1908.
- Minakata K.* The Discovery of Japan. «Nature». Vol. 67, London 1903, crp. 580—611.
- Mossman S.* New Japan. The Land of Rising Sun. London 1873.
- Munro N. G.* Coins of Japan. Yokohama 1904.
- Murdoch J.* A History of Japan. 1652—1868. Vol. 3. London 1926.
- Murray T.* Japan. London 1914.
- Nakamura K.* Lord Ii Naosuke and New Japan. 1909.
- Nitobe Inazo.* The Intercourse between the United States and Japan. Baltimore 1891.
- Nitobe Inazo.* Japan. Some Phases of her Problems and Development. London 1931.
- Nitobe Inazo.* Western Influences in Modern Japan. Chicago 1931.
- Norman H. E.* Japan's Emergence as a Modern State. Political and Economic Problems of the Meiji Period. New York 1940.
- Okuma Sigenobu.* Fifty Years of New Japan. London 1909.
- Pask-Smith M.* The Western Barbarians in Japan and Formosa in Tokugawa Days. 1603—1868. Kobe 1930.
- Paullin C. O.* Diplomatic Negotiations of American Naval Officers. 1778—1883. Baltimore 1912.
- Price W.* Key to Japan. New York 1946.
- Ransome S.* Japan in Transition. London and New York 1899.
- Reed E. J.* Japan: Its History, Traditions and Religions (With the Narrative of a Visit in 1879). 2 vols. London 1880.
- Saito Soichi.* A Study of the Influence of the Christianity upon Japanese Culture. Tokyo 1931.
- Sakamaki Shunzo.* Japan and the United States. 1790—1853. «Transactions of the Asiatic Society of Japan». Second series, vol. XXVIII, Tokyo 1939.
- Sakamaki Shunzo.* Western Concepts of Japan and the Japanese. 1800—1854. «The Pacific Historical Review». Vol. VI, No. 1, March 1937, crp. 1—14.
- Sansom G. B.* Japan. A Short Cultural History. New York 1943.
- Sawada Sho.* Financial Difficulties of the Edo Bakufu. «Harvard Journal of the Asiatic Studies». Vol. 1, November 1936, No. 3—4.
- Shimmura Izuru.* Western Influencies on Japanese History and Culture in Earlier Periods. 1540—1860. Tokyo 1936.
- Shozan Yashi.* Kinse Shiriaku. A History of Japan from the First Visit of Commodore Perry in 1853 to the Capture of Hakodate by the Micado's Forces in 1869. Yokohama 1873.
- Smith N. S.* Materials on Japanese Social and Economic History: Tokugawa Japan (1). «Transactions of the Asiatic Society of Japan». Second series, vol. XIV, June 1937, crp. 1—177.

- Swisher E.* Commodore Perry's Imperialism in Relation to the America's Present-day Position in the Pacific. «The Pacific Historical Review». Vol. XVI, No. 1.
- Takekoshi Yosoburo.* The Economic Aspects of the History of the Civilization of Japan. 3 vols. New York 1930.
- Takeuchi Tatsuji.* War and Diplomacy in the Japanese Empire. Chicago 1935.
- Takizawa Matsuyo.* The Penetration of Money Economy in Japan and its Effects upon Social and Political Institutions. New York 1927.
- Thomas M. A. and Koyama Soji.* Commercial History of Japan. Tokyo 1936.
- Tokutomi Ichiro.* Japanese-American Relations. New York 1922.
- Treat P. J.* The Early Diplomatic Relations between the United States and Japan. 1853—1865. Baltimore 1917.
- Uyehara G. E.* The Political Development of Japan. 1867—1909. London 1910.
- Wada D.* American Foreign Policy towards Japan during the 19th Century. Tokyo 1928.
- Walworth A.* Black Ships off Japan. The Story of the Opening up of Japan by Commodore Perry in 1853, New York 1946.
- Weinberg A. K.* Manifest Destiny. A Study of Nationalist Expansionism in American History. Baltimore 1935.
- Wilds E. A.* New History of Japan's Foreign Intercourse. Philadelphia 1932.
- Williams B. H.* Economic Foreign Policy of the United States. New York 1929.
- Willis W.* This is Pearl! The United States and Japan. New York 1947.
-

ЯПОНИЯ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА ПЕРВАЯ. АМЕРИКАНСКАЯ ЭКСПАНСИЯ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА	9
1. Место Японии в планах агрессии США на Дальнем Востоке	—
2. Подготовка вооружённой интервенции США против Японии	34
3. Япония в середине XIX века	43
ГЛАВА ВТОРАЯ. КОЛОНИЗАТОРСКАЯ ПОЛИТИКА США В ЯПОНИИ В 1853—1859 гг.	67
1. Агрессивные действия американской военной эскадры в Японии (1853 г.).	—
2. Первый неравноправный японо-американский договор (1854 г.)	80
3. Насильственное открытие японского рынка для торгово-промышленного капитала США (1854—1858 гг.)	109
4. Японо-американский торговый договор 1858 г.—орудие американского экспансионизма	129
ГЛАВА ТРЕТЬЯ. ЭКСПАНСИЯ СОЕДИНЁННЫХ ШТАТОВ В ЯПОНИИ В ПЕРИОД ПОДГОТОВКИ И ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ БУРЖУАЗНОЙ РЕВОЛЮЦИИ (1859—1868 гг.)	148
1. Обострение кризиса феодальной системы в Японии в 60-х годах XIX века	—
2. США — инициатор и активный организатор карательных экспедиций против японского народа (1859—1864 гг.)	167
3. Борьба США, Англии и Франции за господство в Японии накануне и во время буржуазной революции (1865—1868 гг.)	204
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	241
Список использованной литературы	266
КАРТА — Япония в первой половине XIX в.	279